

Сергей Ульянов

ТРИ ПУТИ

Annotation

Израненный рыцарь, что держит дорогу к дому. Одинокй наёмник, что сбежал от прошлого в чужие края. Мальчик-изгой, что водит дружбу с блуждающими огоньками. Три пути, которым суждено встретиться там, где сказки обретають плоть, а древнее колдовство — былую силу. Что их объединяет?

Часть I. Три пути

*Побежит слепой, победит ничтожный –
Такое вам и не снилось
Егор Летов*

Домой. Шаг первый

Зрение застила кровавая пелена. Призраками проносились мимо всадники. Враги. Вместо лиц — скалящиеся черепа, на шлемах — кабаньи клыки. Поджилки тряслись, но Гийом правил скакуна к холму, на котором башней высился рыцарь в чёрной кольчуге. Шипастая булава в огромной руке дробила налетавших призраков в труху.

Горло Гийома перехватило от ненависти, рана на затылке полыхнула огнём. Он вонзил шпоры в бока Парзифаля, готовясь стать стрелой, смертоносным жалом, что сразит несокрушимого исполина. И не важно, что будет потом...

— Ги, вернись! Вернись, мальчик! — шептали сзади знакомые голоса. Отец, сестра, сэр Рóллан.

Не время! Ги мчался к холму, полыхая как огненная стрела. Он сразит гиганта, и всё закончится. Боль уйдёт...

Боль не ушла. Затылок раскалывался, рёбра на каждый вздох отзывались пульсирующей болью, нестерпимо чесалось правое предплечье. Гийом застонал и невероятным усилием открыл глаза.

Темно. Низкий потолок едва различим в сумраке. Тепло — грубое шерстяное одеяло натянуто по самое горло. Пахнет: душисто — сеном, резко — травами. Сено — вот оно, под спиной. Травами пахнет от самого Гийома. Он откинул одеяло и с трудом поднял правую руку. Глаза, по привычке к тьме, различили повязку на предплечье.

Да, он же был ранен. Выходит, его лечили. Кто?

Язычники. Он в плену у язычников? Защити, Создатель! Гийома бросило в пот. Значит, всё, что случилось после битвы — морок и бред? Он вжался в сено, мысли разбежались, как мыши из-под метлы.

Язычники-вагры, дикари, что насаживают младенцев на копья, а из пленных, забавляясь, делают «красную птицу»! Но его лечат. Знать, нужен живым. Ради выкупа? Проклятье! Отец пуще нынешнего влезет в долги, сестра останется без приданого...

Ги представил их глаза, полные любви и печали. Гийом де Лер, семнадцати лет от роду, единственный наследник, куплен, как скотина на ярмарке. Позор семьи, даже не рыцарь. А ещё... нет, они не узнают. Никто не узнает. Никогда.

Вкрадчиво скрипнула дверь, возвращая в настоящее. Бело-жёлтая луна заглянула в проём. Следом вошли ветер, лесные запахи, уханье филина и человек невысокого роста. Гийом зажмурился, притворяясь спящим.

— Добрый сэр очнулись, — прозвучал мужской голос.

С полной уверенностью, но медленно, обстоятельно. Вэльский явно не был ему родным. Однако речь текла мягко, без присущего гулам с ваграми рыканья. Это внушало надежду.

— Да, — Гийом во все глаза уставился на вошедшего.

И содрогнулся от омерзения. Круглое, плоское, без скул лицо изрыто оспинами так, что живого места нету. Редкие волосы, серые в свете луны, висят беспорядочными клоками, часть замотаны в неряшливые косички. Большие, навывкате глаза прищурены, взгляд цепкий, пристальный — будто из арбалета целится. Вдавленная переносица, вывернутые ноздри, чёрточка сжатых губ. Скошенный подбородок переходит в короткую шею. Незнакомец словно сбежал с ярмарочного представления, где разряженные уродцы веселят праздный

люди. Не хватало бубенцов да костюма из ярких лоскутьев.

Молчание затягивалось. Уродец беззастенчиво пялился на Гийома. Тот попробовал приподняться на своём ложе. Получилось. Человечек качнул головой и сказал, приложив к груди правую руку:

— Глен.

— Гийом, — ответил Ги и, чуть подумав, добавил: — Гийом де Лер. Как я здесь очутился?

— Раны воспалились. Лихорадка. Сэр упали с коня. Мои друзья охотились в тех местах. Принесли сюда.

— Вы врачеватель?

— Понимаю травы, — кивнул Глен.

— Где мой конь, оружие, вещи?

— Всё в целости, волноваться не надо, — Глен увещевающе поднял маленькую ладонь, — вставать не надо тоже: раны могут открыться.

— Шомр, — выругался Ги. — Как долго я здесь?

— Без малого три дня.

— Получается, я обязан вам жизнью? — Гийом поджал губы. Ответ напрашивался сам собой, но быть обязанным столь уродливому существу не хотелось.

— Получается, так.

— Как я могу отблагодарить вас... и ваших друзей?

— Потом. Лечение не окончено. Я принесу поесть.

Дверь затворилась. Гийом снова остался в темноте со своими думами. Он не у вагров, а значит, не привиделось. Всё случилось на самом деле! И победа, и посвящение в рыцари... Он теперь рыцарь! Сэр Гийом де Лер... Впрочем, толку-то с титула в этом сарае, пахнущем сеном и травами?

Когда он сможет отсюда выбраться и сможет ли? Рябой уродец не внушал доверия, его друзья — тем более. «Охотились в тех местах». В королевском лесу, между прочим. Браконьеры. Преступники. И сейчас Гийом де Лер полностью в их власти. Зачем вообще этот травник с ним возится? Проще ограбить да бросить помирать. Тоже запросят выкуп? Из огня да в полымя...

Мысли вернулись к маленькому травнику. Гийом припомнил рассказы своей кормилицы — гулки Эльфледы. По её словам, до гулов на землях Марки жили линны. Низкорослый народ, искусный в колдовстве, врачевании, изготовлении ядов и зелий.

Гулы прогнали линнов, и те попрятались по лесам-болотам, кусая исподтишка, как ядовитые гады. Травили скот, портили урожай, насылали на мужей бессилие, а на жён бесплодие. Чёрную оспу, долгие годы терзавшую Гулланд, Велласкон и Арангу, говорят, тоже линны наслали. Хвала Создателю, злая хворь перекинулась на них самих и выкосила мерзкий народец под корень.

Очевидно, не весь. Глен как раз вернулся, и Ги похолодел. В руке человечка был кубок. Тот самый серебряный кубок.

— Сегодня большой день, мальчик мой! — с чувством объявил сэр Роллан и хлопнул Ги по плечу своей рукой-оглоблей.

Тот только качнулся — прошли времена, когда это запросто сбивало его с ног. Гийом окреп, раздался в плечах и мало напоминал нескладного вихрастого мальчишку, что

поступил в услужение к славному сэру де Го. Разве что волосы такие же медно-рыжие и густые — сейчас острижены под шлем и тщательно уложены. Сегодня большой день, и выглядеть нужно безупречно.

Ги ещё раз придирчиво осмотрел своё одеяние. Лазоревый сюрко, по которому будто плывут наверх три серебряных рыбы — герб рода де Леров. Синие рукава гамбезона — плотной стёганой куртки, на которую перед битвой надевают кольчугу, но битва ведь только завтра. Добротный пояс, хоть и не рыцарский. На ногах обтягивающие шоссы, один красный, другой синий, да модные башмаки бычьей кожи с острыми носами. Всё сверкает новизной — ни пылинки, ни пятнышка!

Гийом провёл пальцем по гладкому подбородку — сутулый брадобрей Готфри брал дорого, но дело своё знал.

— Да хорош, хорош! Краше дёвицы! — искренне забавлялся над своим оруженосцем сэр Роллан.

Конечно: ему-то не нужно производить впечатление. Кто не знает старого борова де Го? Грузный, почти квадратный, в плечищах фута три, не меньше. Внушительный живот того и гляди прорвётся сквозь грязно-белый сюрко. На груди герб — красная раскрытая ладонь. То ли приветствие, то ли угроза. Глазки маленькие, заплывшие, влажные. Морщинистая лысина блестит от пота. На лице то ли короткая борода, то ли длинная щетина. Такой у Гийома рыцарь.

Роллан де Го, старинный друг семьи де Леров, бывалый воин, болтун и пройдоха, любитель пожрать от пуза и выпить за чужие деньги, четвёртый год учил Ги всяким премудростям. Как определить мухлёж при игре в кости. Как смухлевать самому. В каких тавернах можно не платить за еду и постой, а в каких лучше сразу раскошелиться. В каком порядке и количестве заливать в себя различную выпивку. Как убедительно обманывать и правильно торговаться. Да многому...

Ратному делу тоже учил. И даже успешно: де Леру чуть-чуть не повезло, чтоб победить в состязании оруженосцев на турнире в Альсбруке. А смазливая Королева Турнира наградила Ги такой улыбкой, что он покраснел до кончиков своих медных волос. Молодой де Лер уверенно управлялся с мечом, секирой, палицей, а вот в седле с копьём — не очень. Сэр Роллан в шутку предлагал ему поменяться местами с Парзифалем: мол, конь гораздо смекалистей всадника. Ги в ответ до посинения тренировался на саракёне — деревянном чучеле со щитом и мешком, полным песка. Сколько раз он получил тем мешком — не сосчитать. Зря или нет — завтрашняя битва покажет. И Гийом тоже покажет. Всё и всем.

А сегодня... Сегодня его представят самому маркису де Волору. Защитнику Марки. Гулландскому Быку. Славнейшему рыцарю Велласкона, бичу мятежников и язычников. Вот его чёрный, расшитый золотом шатёр. Наверху трепещет сдвоенный герб. Слева, на ярко-жёлтом поле, схватив багровый меч когтистыми лапами, дыбится чёрный лев. Справа, из поля темнее мрака, грозно глядит золотая бычья голова. Знаки Гулландской марки и рода де Волоров. Белокурый мальчик-паж, раздвинув полог, приглашает внутрь.

Рожер де Волор, маркис Гулландский, одетый в чёрные шоссы и чёрный же гамбезон, сидел на походном сундуке. Грубое лицо словно вырублено из камня: мощный лоб под чёрной копной волос, клочковатые брови, широко расставленные глаза, перебитый нос смотрит вправо, угловатая нижняя челюсть, короткая борода на гулский манер. Маркис полностью соответствовал своему гербовому животному, не хватало рогов, торчащих ушей да кольца в носу.

Взгляд карих глаз пригибал к земле. Сэр Роллан поспешно склонил лысую голову. Правая рука коснулась вышитой на сюрко ладони. Гийом поклонился гораздо ниже, далеко выставив левую ногу. Получилось в лучшем виде: поклоны он тоже отрабатывал до посинения.

Во взгляде де Волора, кажется, промелькнуло одобрение. Он кивнул и поднялся с сундука.

Зрелище внушало. Гийом и сам роста немалого, шести футов с лишком. Но Гулландский Бык оказался настоящим гигантом — выше на голову, а то и на полторы. Шириной он мог померяться с сэром Ролланом. Ги вспомнил, что Защитник Марки всегда сражается пешим: ни одна лошадь не поднимет его в доспехе и при оружии. Но это не помешало ему обрести славу непобедимого бойца.

Пока сэр Роллан бубнил выпренное приветствие, молодой де Лер засмотрелся на золотые перстни, втиснутые в толстенные пальцы, и едва не подпрыгнул, когда маркис громовым голосом осведомился у него о здоровье отца и дяди. Еле удалось пролепетать, что, волею Создателя, оба живы, здоровы и желают Его Сиятельству долгих лет и божественного благословения.

— Учтивый парень! — гулко рассмеялся маркис и сделал знак пажу.

Тот поставил на сундук поднос с тремя кубками. Изящным серебряным, с искусной чеканкой в виде бычьих голов, и двумя простыми бронзовыми. Налил из меха красного, терпко пахнущего вина.

Ги заворожённо глядел на серебряный кубок — в гигантской руке де Волора тот казался детской игрушкой, хрупкой и оттого ещё более прекрасной. Роллану де Го даже пришлось пихнуть оруженосца локтем в бок. Ги поспешно перехватил у мальчика мех и налил вина своему рыцарю. Маркис усмехнулся, обнажив крупные зубы.

— Налей и себе, — кивком указал на третий кубок.

Сэр Роллан заморгал: давай, мол, быстрее. Гийому стоило большого труда не пролить вино на альмарский ковёр.

— За победу над язычниками! — проревел де Волор. — Во славу Создателя!

— Во славу Создателя! — откликнулись Роллан де Го с оруженосцем.

Домой. Шаг второй

Уродец заметил ошарашенный взгляд Гийома и ослабился. Сверкнули щербатые зубы.
— Благородная вещь для благородного сэра!

Глен, угодливо кивая, протянул кубок. В нос ударил аромат мясного бульона с пряными травами. Ги невольно сглотнул слюну, в животе заурчало. Он всмотрелся и понял: кубок всё-таки не тот. Глаза подвели его в темноте: вместо бычьих голов выбиты священные трезубцы. И всё же... откуда у рябого травника дорогая вещь?

— Угощайтесь, добрый сэр, угощайтесь, — приговаривал Глен. — Скромное варево, ничего лишнего. Как поправитесь, закатим пир в вашу честь. Пир горой!

Пир? Какой пир? Что он несёт? Ги с сомнением принял кубок, сделал первый глоток. И не заметил, как допил до дна. Бульон был чудесен, по телу разлилось живительное тепло. Гийом откинулся на сено и сонно заморгал.

— Спите, добрый сэр, спите, — прошелестел над ухом голос Глена.

Гийом смежил веки и крепко заснул без сновидений.

Проснулся он утром. Свет пробивался сквозь щели в дощатых стенах. Болело всё по-прежнему, но сейчас Гийома целиком поглотило новое желание — справиться нужду. Не под себя же — значит, придётся встать.

Он приподнялся и осмотрел себя. Шнурок со святым трезубцем на шее. Славься, Создатель! Вокруг груди тугая полотняная повязка. Рёбра, чтоб их! Он опустил ноги на земляной пол, засыпанный соломой, и решительно встал.

Бах! Перед глазами поплыло, всё закружилось. Гийом рухнул в сено. Морщась, потёр несчастную рыжую голову. Шомрова балка... Вот дуралей! Полежал ещё, собрался с силами, схватился за балку и поднялся. На этот раз медленно, осторожно, шипя сквозь стиснутые зубы. Земля закачалась, как лодка на стремнине. Гийом с трудом удержал равновесие и сделал первый шаг. Шатало, мутило, но рыцарь, кряхтя и горбясь, словно древний старец, добрёл до двери. Толкнул её и застыл, жмуясь.

Время за полдень. Солнце золотило верхушки деревьев, уже тронутые осенью. Впереди шелестела дубрава. Доносился запах прелых листьев, трески-шорохи, дробь дятла, голоса мелких птиц. Терпеть стало совсем невмоготу. Гийом поёжился — свежо, осень не лето — и заковылял к ближайшему дереву. Вскоре полегчало.

Рыцарь удовлетворённо выдохнул, огляделся и увидел на краю дубравы избушку. Приземистую, тёмную, с крышей из дёрна. Разом вспомнились страшные сказки про ведьм, которых так боялся маленький Ги. С крыши свисали связки трав и корней — понятно, где обитает рябой коротышка. У стены на шестах растянута оленья шкура. Браконьеры проклятые!

Раздалось короткое ржание. Ги дёрнулся как ошпаренный и снова зашипел от боли в рёбрах. Парзифаль! Конь обнаружился неподалёку, рядом с кадкой воды и охалкой сена. На глаза навернулись слёзы: «Друг мой, единственный верный друг!»

Гийом прохромал навстречу и порывисто обнял бурую шею Парзи. Запустил пальцы в мягкую гриву. Жеребец переступил с ноги на ногу, приветливо фыркнул. Тихо, мальчик, тихо. Бедняга, всё время простоял в сбруе, осёдланный. Ничего, сейчас...

Парзифаль дёрнулся, прижал уши, захрапел. Гийома шатнуло, но он быстро повернулся к опасности. И встретился взглядом с лупоглазым Гленом. Шомров уродец! Ещё и крадётся

неслышно.

— Как спалось доброму сэру? — голос линна источал дружелюбие. Ги поморщился.

— Хорошо. Почему конь не рассёдлан?

— Славный конь, добрый конь! Никого не пускает, притронуться не даёт, — развёл руками травник.

Ну конечно! Совсем память отшибло: Парзи приучен только к Гийому. Де Лер всегда возился с ним сам, как и с конём сэра Роллана — массивным гнедым Бехимúтом, названным в честь чудовища из Книги Книг. Такова доля оруженосца — ему и в голову не приходило оставить любимца кому-то на попечение.

— Благодарю, что позаботились о нём, — искренне сказал он Глену.

Уродец просиял.

— Добрый сэр, милостивый сэр! Возьмите, оденьтесь — зябко!

Он протянул де Леру длинную нижнюю рубаху. Его нижнюю рубаху, чистую, выстиранную. На правом рукаве свежий шов.

— Вещи сэра все постирали, к вечеру высохнут. Ведь вечером пир! Вечером пир!

Над вечерней поляной нависал кряжистый дуб — старый, мрачный. Жаркий костёр раздирал тьму на лоскуты, бросал алые отсветы на ветви, землю, лица. Но Гийома знобило, несмотря на гамбезон с шоссами.

Готовясь к пиру, де Лер не только оделся, но и опоясался мечом и теперь несколько не жалел об этом. Ему не нравилась сидящая напротив шайка из пятерых гулских браконьеров. Чумазых, косматых, заросших до глаз чёрными бородами. Один, в засаленном меховом колпаке, гнусно ухмыляясь, вострил здоровенный нож. Пробовал лезвие пальцем, поглядывал на Гийома и вострил дальше. «Уж не я ли главное блюдо на этом пиру?» — думал рыцарь, выразительно постукивая пальцами по рукояти меча.

Впрочем, блюд хватало с избытком. Столы ломились от яств. Свежий хлеб, нежный окорок с дымом коптильни, огромные душистые яблоки соседствовали с запечёнными целиком поросятами, рябчиками, перепёлками, жареной олениной и кабанятиной. Тут и там стояли пузатые бочонки. Золотые да серебряные кубки прямо-таки звали наполнить их до краёв.

Однако Гийом не притронулся ни к еде, ни к питью. Роскошный пир в лесной глуши казался наваждением, гнусным колдовством. В памяти всплывали предания о Стране Эльфов и тамошней еде, отведая которой останешься в заклятом краю навечно. Но в конце концов голод взял своё: Гийом осенил себя тройным знаменем и ухватил перепёлку с ближайшего блюда.

Гулы, похоже, об эльфах слыхом не слыхивали: уплетали угощение за обе щеки, громко чавкая и рыгая. Эль да вино текли по грязным бородам, под столами громоздились кости и объедки. «Маловато народу для такого пира, — думал Ги. — Накрыто на целую ораву. Хотя, животы у этих чудищ поистине бездонные, может, справятся».

Ражий детина с маленькой, как у ребёнка, головой, который ранее в одиночку таскал столы и бочонки, принёс высокий стул с резной спинкой и крепко установил его, вдавив ножки в землю. «Настоящий трон», — подумалось Гийому. Он и остальные сидели на неровно отпиленных чурбаках. И кто же у них тут король?

Долго ждать не пришлось. Из расцветенного костром сумрака возник коротышка Глен. Ги де Лер раскрыл рот: неряшливого уродца как подменили. Новый Глен щеголял в лиловой

кóтте, вышитой золотыми нитями. На тщательно расчёсанной голове поблёскивал серебряный обруч. Талию охватывал богатый пояс с перламутровыми вставками. Шоссы, чёрный и белый, дополнял внушительный гультфик. Завершали картину туфли с длинными, по последней моде носами — как он в них ходить умудряется? Травник выпрямился, дурацкая суетливость ушла без следа, от невысокой фигуры веяло уверенностью, величием и смутной угрозой.

Глен галантно поклонился браконьерам, кивнул Гийому и взгромоздился на стул, болтая ногами. Носы туфель задевали землю. В руке сиял серебром давешний кубок с трезубцами. Верзила налил в него вина, подтащив целый бочонок. Наконец линн провозгласил:

— Мир вам, свободные люди! Рад видеть вас под сенью древнего Шэмфорста! Советую всем вспомнить про манеры: сегодня у нас благородный гость! — Глен указал на Гийома.

Гулы презрительно засвистели, кто-то смачно харкнул на землю.

— Полно, братья, полно! Вспомните первый закон нашего леса: никто не приходит сюда просто так. Вот ты, Вулфрик, куда подался после того, как доброму барону не понравились твои речи?

Браконьер в колпаке широко распахнул рот. В глубине зловонной глотки, словно красный червь на крючке, плясал обрубок языка.

— А куда было идти малышу Йонасу, когда родители отвели его в чащу за то, что умён не по годам?

Ги, холодея, посмотрел в глаза детины, бессмысленные и пустые. В уголке рта — блестящая нитка слюны.

— Мы рады страждущим. Больной получит лечение, голодный — кусок хлеба, бездомный — крышу над головой. Но каждый из вас должен понимать, — коротышка пристально посмотрел на де Лера, — почему здесь оказался. Так скажи нам, почему ты здесь, сэръ Гийом?

— Я был на войне, — сказал Ги первое, что пришло в голову.

Трижды грянули трубы.

Конный строй тронулся. Гийом, едва дыша от волнения, вперился в широкую спину своего рыцаря. За ней виднелась зелень ровного поля и где-то почти у самого горизонта — разноцветные щиты вражьей пехоты. Ополчение гульского королевства Нортамр. Скоро они пожалеют, что стакнулись с язычниками! Сэръ Роллан со товарищи об этом позаботятся. А у Гийома де Лера сегодня своя битва.

Он нагнулся к холке жеребца и прошептал: «Танцуй, Парзи!» Парзифаль взбрыкнул, заржал и попятился. Конники задних рядов огибали препятствие, награждая Гийома презрительными взглядами. Кто-то не поскупился на крепкое словцо. Но де Леру было плевать. Он всё продумал заранее.

Справа, не далеко, но и не близко, трепетал двойной штандарт со львом и быком. Оттуда, с невысокого холма, маркис Гулландский обозревал битву. Туда с поля боя скакали посыльные с донесениями. Всё, что нужно — притвориться таким посыльным.

Гийом оскалился, представив заветный миг. Как он подъедет к Защитнику Марки. Насмешливо посмотрит в карие бычьи глаза. Маркис узнает его, непременно узнает, косматые брови полезут вверх... И тогда клинок Гийома пронзит ненавистное грубое лицо. И не важно, что будет потом.

Замечтавшийся оруженосец вдруг понял, что так и везёт запасное копьё сэра Роллана — пальцы намертво вцепились в древко. Ги с трудом разжал их, отбросил ненужное оружие и услышал шум сотен копыт. Рыцари Марки пошли в атаку! Пора и ему. Парзифаль ходко зарысил в сторону холма.

Грузный топот сзади, и будто скрип саракена. Ги по привычке пригнулся, умница Парзи прынул вправо. Битый затылок взорвался болью, в глазах потемнело, шлем, кувыркаясь, слетел с головы. Каким-то чудом де Лер удержался в седле и направил коня дальше по дуге.

Двоилось в глазах, тошнило, Парзи тревожно прядал ушами. Гийом поднял мутный взор и обомлел. Чудовищный гнедой в белой попоне, сияя бронированным лбом, раздувал широченные ноздри. Плечистый всадник высился нерушимой глыбой. Окольчуженная ручища сжимала копьё. Красная ладонь на щите словно взывала: «Стой! Покорись! Сложи оружие!» А из прорезей глухого шлема на де Лера взирали безжалостные маленькие глаза.

Создатель Всеблагой! Это же его старик — жирдяй, балагур, наставник. Друг отца. Почему же он предал Ги? Зачем бил в спину? Паскуда! Гийом всё понял. Волосы зашевелились под кольчужным капюшоном. Оруженосец, сверкая глазами, выпрямился в седле и потащил из ножен отцовский меч. Мимоходом пожалел о брошенном копьё. Плевать! Он зарежет этого борова!

Хриплый вой боевого рога пронёсся над полем. «Хёган! Хёган! Гъялдсхайм!» — заорали грубые голоса. Тёмным клином из гущи сражения вынырнули всадники на низкорослых гулских лошадях. Над ними на шесте качалась бронзовая голова вепря, яркий шлейф из алой ткани вился на ветру, как змеиный хвост. Конница вагров!

Четверо всадников отделились от клина, ринулись к ним. Круглые щиты, короткие кольчуги, кабаньи клыки на шлемах с полумасками. Роллан де Го принял вызов и устремился навстречу.

Земля затряслась под копытами Бехимута, конь и всадник будто слились в единое целое. Длинное копьё пробило вагра насквозь, выкинуло из седла, но и само сломалось, превратившись в никчёмную палку. Остальные дикари с гиканьем закружились вокруг сэра Роллана в гибельном хороводе. Рыцарь схватился за секиру, привстал в стремях и обрушил тяжёлое лезвие на вражеский щит. Брызнули щепки. Но тут же де Го получил топором в правое бедро, накренился...

«Нет!» — прошептал Гийом. Он было рванул Парзифаля на помощь, но внезапно сообразил, куда целит острие тёмного клина. Шомров холм! Древнейшая заповедь: хочешь побить вражье войско — обезглавь его!

Окованная палица ударяет в глухой шлем. Ещё раз. Ещё. Могучее тело медленно сползает с седла. Отчаянным басом ржёт Бехимут. Один из вагров спешивается. Лезвие длинного ножа неистово сверкает на солнце...

Гийом де Лер больше не оглядывается. Ветер в унисон с трубами воеет в уши: «Подело-о-ом! Подело-о-ом! Подело-о-ом предателю-ю!» Ги мчится к холму, глотая обжигающие слёзы. Он должен успеть, должен!

Домой. Шаг третий

Глен покачал головой.

— Нет, добрый сэ. Не только поэтому. Не только.

Ги подался вперёд, по скулам заходили желваки. На что он намекает? Что знает о нём этот рябой?

— Что заставило тебя так решить?

Глен пожал плечами.

— Как хочешь, добрый сэ. Можешь оставить свой секрет при себе. Однако у нашего леса есть второй закон. И он гласит: никто не уходит отсюда просто так.

Коротышка сунул пальцы в рот и залиvisto свистнул. Темень дубравы ожила. Из-за деревьев показались люди с топорами, дубинами, длинными гулскими луками. Поднялись и браконьеры. Кое у кого в руках сверкали ножи. Сердце Гийома сжалось: «Разбойники! Душегубы!»

Глен отхлебнул из кубка и продолжил, глядя рыцарю прямо в глаза:

— Шэмфорст — древний лес, мудрый. Знает, куда направить путника. Многих, очень многих направил он к нам. И каждый что-то обрёл здесь, а чего-то лишился. Кто-то заплатил золотом, серебром и самоцветами. Кто-то оставил в залог калёную сталь. Кто-то отдал нам свою жизнь и теперь верно служит Шэмфорсту. Кто-то просто отдал жизнь и теперь гниёт под лесною подстилкой. Что оставишь нам ты, сэ Гийом из рода де Леров? Чем оплатишь право вернуться домой?

Гийом встал, позабыв про боль, выпрямился во весь рост.

— Благодарю за милость, хлеб и кров, Глен из Шэмфорста. Тебя и твоих людей. Но мне нечем заплатить вам кроме того, что имеет при себе честный рыцарь. Забирай что угодно, но прошу: оставь мне коня, верного Парзифаля, да святой трезубец, дарованный при троении. Остальное — твоё.

Глен безразлично поскрёб подбородок.

— Конь да трезубец мне без надобности. Меч, кольчуга — такой же хлам. Им не покрыть и малой части долга. Ведь ты задолжал мне жизнь, благородный сэ. Три дня я латал твои раны, ходил за тобою, как добрый слуга, а нынче устроил пир в твою честь. В уплату мне нужно истинное сокровище, сэ Гийом.

Лицо де Лера вспыхнуло, но тон остался учтивым.

— Если есть другая цена, которую могу уплатить, назови её, Глен из Шэмфорста.

— Да, — ответ обрушился молотом. Глаза коротышки алчно сверкнули. — Отдай мне то, чего не ждёшь обрести дома.

Наутро после пира де Леру велели собираться. Повязали на глаза тёмный платок и долго вели косогорами-буераками. Зрение вернули только на тракте.

Немой Вулфрик вместо прощания сунул руку за пазуху и с неудовольствием протянул рыцарю большой золотой перстень. Ги о нём и думать забыл, да и, по правде, предпочёл бы не вспоминать вовсе. Но дают — бери. Похоже, Глена вообще не интересовали ценности кроме той, что якобы ждала де Лера дома. Однако до дома рыцарю было ещё очень и очень недалеко.

Но ему повезло. Сказочно повезло. Бесконечный путь в седле, наполненный охами,

стонами и шипением, завершился, когда Парзи нагнал монаха на порожней телеге, запряжённой мышастой кобылкой. Монах, узрев полуживого де Лера, сам побледнел как полотно, но после длительных уговоров всё же приютил страждущего на своей подводе.

Дорогу до монастыря Святого Кернстана Ги почти не запомнил. Лишь у самых ворот снял перстень да сунул его в нос привратнику. Поднялась суета, дошло до настоятеля, и де Лера с величайшим почтением препроводили в свободную келью.

Потянулись дни, исполненные покоя, молитв и размышлений. Рёбра всё ещё пакостно ныли, но молодой рыцарь отоспался, порозовел и даже потихоньку начал дышать полной грудью. Врачевавший его брат Атанасиус отметил в числе благих знамений зверский аппетит.

Времени было хоть отбавляй, и де Лер подолгу обдумывал договор, заключённый под сенью Шэмфорста. Вот и сейчас, в пустой монастырской трапезной, прикончив обед, в сотый раз прикидывал, чем грозят ему слова коротышки Глена. «Отдай мне то, чего не ждёшь обрести дома».

В сказках под тем, чего не ждёшь, обычно понимали ребёнка. Но откуда ребёнок у Ги? Он ведь даже ни разу... Стоило подумать — и лицо всё пунцовое. Греховные мысли в святой обители! Прости, Создатель! Отец отпадает, у него детей быть не может. Сестра? Положим. Анабель выдали замуж, пока Гийом скитался с сэром Ролланом. Но ведь и жена, и ребёнок относятся к дому мужа, а на него договор не распространялся.

Постелено-то всё мягко, но злой червь сомнения не унимался: Ги нутром чуял беду. Шомров линн точно ничего не делает просто так. Стоило устраивать целый пир ради фразы из детских сказок? Что же...

В трапезную буквально влетел незнакомец, сопровождаемый испуганным служкой. Замер, раздувая ноздри, и уставился на Ги. Тот остолбенел: у мужчины не было ни бровей, ни ресниц, ни волос — идеально гладкая голова, такой же подбородок. Половина лица изрисована синими символами. В тёмных глазах горел безумный огонь. Жалкое рубище, бывшее когда-то коричневой рясой, смердело потом и ещё чем похуже. Ищейка Ордена Судьи!

Судья — третий и последний лик Создателя, карающий, воздающий. Члены Его Ордена днём и ночью выслеживают ведьм, колдунов, тёмных тварей. И ради победы над ними не щадят и себя. Разум Псов Господних блуждает во тьме, дабы руки могли неустанно нести пылающий меч Его...

Гийом слышал много историй про безумных монахов, но повстречать Ищейку самому до сих пор не доводилось. Говорили, их почти не осталось. Поэтому рыцарь благоговейно встал на колени и осенил себя тройным знамением.

— Славься, Создатель, Господь наш Триединый! Благослови меня, отче, на погибель еретикам, святотатцам, язычникам!

Ищейка часто заморгал и вдруг закрыл лицо ладонями. С тыльной их стороны глядели жуткие вытатуированные глаза.

— Грешен! Грешен! — пролаял безумец, погрозил Ги узловатым пальцем и умчался из трапезной так же лихо, как явился.

Сбитый с толку служка даже не сразу последовал за ним.

Гийом остался на коленях. Сердце придавило камнем. В горле пересохло. «Он всё видел... и Ты видишь, Господин мой Создатель. Чёрное клеймо, знак порока. Как искупить его? Что сделать, чтобы боль ушла?»

Чуть позже брат Атанасиус нашёл де Лера в келье за молитвой.

— Сэр Гийом, — запинаясь от волнения, проговорил монах. — За вами приехали...

У врат монастыря переминались вооружённые люди. Отдельно от них стоял среднего роста рыцарь в ярко-красной арангийской бригантине. Чёрные волосы обильно пересыпаны сединой, под острым носом тонкие усы, борода клином. Из-под высокого лба с дугами аккуратных бровей шурились изжелта-карие глаза — немного раскосые, нагловатые, хитрые, как у матёрого лиса.

— Дядя Рейнар! — радостно воскликнул Гийом и выскочил за ворота.

Рейнар де Лер, улыбаясь, крепко обнял племянника. И тут же отшатнулся, заметив на лице его гримасу боли.

— Святые Праведники! Ги, что с тобой?

— Всё... хорошо, — выдохнул тот, — помяли немного в бою...

— Да, вы же отправились на войну... и вернулись! Как там старый хряк?

— Мёртв.

— Прими его Создатель, — покачал головой дядя, глаза его блеснули. — Чёрные вести — одна за другой... Воистину, близится Время Суда...

— Как вы меня нашли? — перебил Гийом.

— Проще простого, — Рейнар де Лер ухмыльнулся. — Настоятель отправил в Хэмптун гонца, едва ты объявился. Не хотел тебя долго потчевать, старый скряга...

Ги вдруг стало невыносимо, до кончиков ногтей стыдно. И вовсе не оттого, что доставил хлопоты священной братии. Нет. Стыдился он собственной трусости. Только сейчас он наконец осознал, что сэр Гийом де Лер, семнадцати лет от роду, наследник замка Хэмптун и окрестностей, до дрожи боялся в этот замок вернуться. Вернуться и обрести то, чего не ждал. Потому и забился в келью, как барсук в нору. Пил, ел, спал и втайне молил Создателя, чтобы так продолжалось вечно.

— Ох, мог бы и сам догадаться, — поспешно ответил он дяде. — Что отец? Опять нездоров? Поэтому не приехал?

Рейнар де Лер глубоко вдохнул, переступил с ноги на ногу и посмотрел куда-то сквозь Ги.

— Мальчик мой, я должен тебе сказать... Твой отец...

Гийом застыл как громом поражённый. Забыв дышать. Ничего не слыша. Читая по губам дяди Рейнара. Вот они замерли, и для молодого де Лера в целом мире не осталось ничего, кроме отчаяния и гнева. Как тогда, в чёрном шатре, расшитом золотом...

Они выпили ещё — за здоровье Его Королевского Величества — после чего сэр Роллан суетливо откланялся: мол, ему пора. Гийому же он повелел остаться. Вместе со старым боровом шатёр покинул белокурый паж. Перед самым пологом он оглянулся — в васильковых глазах подрагивал страх. По спине Ги, и так порядком обескураженного, забегали мурашки. Маркис улыбнулся неожиданно добро, по-отечески, и протянул оруженосцу свой кубок.

— Возьми. — Гийом покорно принял его дрожащими руками. — Пей. — Пригубил и поморщился от странной горечи. — Пей до дна.

Вино тараном ударило в голову, тело враз стало чужим, тяжёлым. Колени подогнулись, и Ги еле устоял на ногах. Перед глазами поплыло, шатёр заполнил клокочущий смех.

Могучая длань с перстнями коснулась медно-рыжих волос, потрепала де Лера по голове, словно малыша, скользнула по затылку к шее...

Касание обожгло. «Нет!» Гийом неловко вывернулся и бросил серебряный кубок в исполинскую расплывчатую фигуру. Метнулся в сторону, как затравленный зверь — слепо, отчаянно, путаясь в ногах. Сердце бешено колотилось, в сплошном хороводе тканых стен не было выхода, но де Лер упрямо рвался вперёд...

Свинцовая боль сковала затылок, в голове загудело, нездешние узоры ковра вдруг стали пугающе близкими. И кубок!.. Где Гийом уже видел этот погнутый кубок с бычьими головами? Где?!

...затылка касалось что-то прохладное, мягкое. Ги улыбнулся сквозь дрему. Ну конечно, он дома, в Хэмптуне, а любимый щенок опять пролез к нему в кровать. Но почему так болит голова?

— Хватит, Эдди, хватит, — пробормотал он, отмахиваясь, и вздрогнул всем телом.

Пальцы коснулись чьей-то руки. Ги мигом открыл глаза и обнаружил себя распростёртым на шерстяном ковре с нездешними узорами. Приподнялся, встретился взглядом с мальчиком-пажом. Тот стоял на коленях подле де Лера, кротко прижимая к груди влажную тряпицу, словно молился. Огромные глаза наполнились слезами и жалостью.

Ги вспомнил всё и поперхнулся рыданием.

Резко сел, охнул от боли. Задыхаясь от стыда, принялся натягивать подштанники и шоссy. Руки не слушались, в глазах двоилось. Де Лер с головой погружался в тёмный омут отчаяния. Скользкими донными рыбами извивались в сознании мысли. Позор на семью. Бесчестье. Грех перед Создателем. Никто не поверит. Быка не одолеть. Суд поединком не выиграть...

Вспыхнул гнев и выжег затхлый омут до дна. «Рожер де Волор — подлец без чести. Так почему поединок должен быть честным? Искупил позор. Сам — раз никому нет до тебя дела. Сверши свой суд, и плевать, что будет потом».

Решение родилось в гневе и окрепло в отчаянии, как клинок закаляется пламенем и водой. Гийом смахнул слёзы и зашёлся лающим смехом. Белокурый паж отшатнулся, сжался от страха, как зверёнок.

— Прости, прости! Не бойся! — де Лер успокаивающе поднял руки.

Горло перехватило от жалости. Он подполз на коленях к мальчику, взял его за плечо, склонился и прошептал:

— Завтра я убью его. Слышишь? Завтра всё кончится, всё пройдёт...

Паж всхлипнул — то ли согласно, то ли испуганно. Ги поднялся на ноги и шатаясь побрёл к выходу. Схватился за полог, обернулся и робко попросил:

— Помолись за меня...

Домой. Шаг четвёртый

Тем же вечером Гийом де Лер, Рейнар де Лер и трое его сержантов выдвинулись на Хэмптун. Ехали медленно. Рёбра Ги если и давали о себе знать, то самую малость. Чем не повод для радости, но молодой рыцарь был угрюм и подавлен. Мысль о том, что отца больше нет, не укладывалась в голове. По словам дяди, две недели тому назад вилланы из Вайдбрига восстали, возмущившись размером оброка. Разгоняя бунтовщиков, Бернар де Лер и получил рану, от которой скончался на четвёртую ночь. Как глупо... Глупо и горько!

Рейнар несколько раз пытался завязать разговор, но племянник отвечал односложно или вообще отмалчивался. Понимающе вздохнув, дядя пристроился следом за Гийомом. Вскоре тому начало казаться, что взгляд изжелта-карих глаз вот-вот прожжёт в его спине изрядную дырку. Рейнара де Лера не зря величали Чёрным Лисом: своего он добиваться умел. Не мытьём, так катаньем.

Смирившись, Ги обернулся:

— Ты хочешь у меня что-то узнать, верно?

— Да, мальчик мой, — дядя тут же нагнал его на своём роскошном вороном. — Настоятель в письме упоминал, что ты предъявил кольцо со знаком Защитника Марки. Могу я на него взглянуть?

Ги безо всякого удовольствия полез в поясной кошель и выудил оттуда крупный золотой перстень. При виде его дядины глаза загорелись.

— Воистину, — проговорил Рейнар де Лер, вертя вещицу в руках. — Как он у тебя оказался?

— Маркис де Волор... опоясал меня, — процедил Гийом сквозь сжатые зубы.

— Святые Праведники! Это великая честь — быть посвящённым в рыцари самим Гулландским Быком! В семнадцать лет! Я так горжусь тобой, Ги, и твой отец тоже бы гордился!

Гийом сжал поводья так, что костяшки на руках побелели. Дядюшка зыркнул назад, на сержантов, и подал коня вплотную.

— Может быть, сейчас не место и не время, но ты должен знать, — вкрадчиво начал Рейнар де Лер. — Твой батюшка жил на широкую ногу и оставил много долгов. Я просмотрел амбарные книги: доходов шаром покати, одни бирки... Наш добрый король не отличается терпением. Хэмптун могут забрать.

Гийом закусил губу. Он понял, на что намекает дядя. Чтобы вступить в наследство, нужно уплатить льеф. Сумма немаленькая, с притолоки её не снимешь. Шомр, удар за ударом!

— Ты дашь мне займы?

— Увы, мой мальчик. Дела в этом году шли неважно. Не могу себе этого позволить, — Рейнар сокрушённо помотал головой. — Но, думаю, выход есть. Раз маркис Гулландский тебе благоволит, не будет зазорным попросить его об одолжении.

Он протянул Ги золотой перстень с бычьей головой.

— Как верный и давний вассал Его Сиятельства, я мог бы за тебя поручиться...

— Нет! — прорычал Гийом де Лер и дал шпоры коню.

Парзифаль, укоризненно фыркнув, умчал всадника далеко вперёд. Гнев быстро схлынул, и Ги устыдился того, что сорвался. Ведь ни Парзи, ни дядя не виноваты в его горестях.

Рыцарь погладил жеребца за ухом и натянул поводья. Вскоре Рейнар де Лер поравнялся с ним и мягко тронул племянника за плечо.

— Крепись, мой мальчик. Прости старого дурня. Отложим разговоры о делах до Хэмптуна.

— Спасибо, дядя. И ты прости. Я очень ценю то, что ты для нас делаешь.

— Пустяки. Мы же семья, — Рейнар де Лер добродушно улыбнулся. — Возьми и всегда держи при себе.

Он снова протянул перстень, и Гийом быстро убрал его в кошель.

— Ещё кое-что, — дядя вздохнул и печально склонил голову. — Хочу предупредить насчёт Лотара. Он был очень предан твоему отцу и теперь сам не свой от горя. Будь снисходителен к старику.

До Хэмптуна они добрались к закату второго дня. Ги во все глаза смотрел на расцвеченный алыми всполохами замок и с горечью понимал, что не узнаёт его. Донжон, казавшийся в детстве огромным, до небес, великаном, ныне осел и сгорбился, как старик под тяжестью лет. Ров обмелел и зарос, вместо подъёмного моста — скрипучий настил из досок. Неряшливые останки деревянных галерей на угловых башнях подчёркивали ветхость стен. Казалось, со смертью Бернара де Лера из Хэмптуна ушла сама душа. Гийом сглотнул горький комок — вот только слёз не хватало. Не таким он представлял возвращение домой.

Проехав длинной, тесной аркой ворот, всадники оказались во внутреннем дворе. Там их уже ждали. Коренастый воин в кольчуге и лазоревом сюрко смерил прибывших жёстким взглядом бледно-голубых глаз. Овальное лицо в морщинах и шрамах, крючковатый, как у ястреба, нос. Белоснежные волосы острижены под шлем, длинные усы колыхал ветер. Лотар — старший из сержантов отца и негласный кастелян Хэмптуна. Увидав Ги, ветеран низко склонил седую голову.

Поодаль от Лотара стоял, скрестив на груди руки, конопатый увалень в чёрно-жёлтой котте. Ростом пониже Гийома, а вот вширь куда побольше. Кузен Жильбёр? Ну да, эту наглую улыбочку ни с чем не спутаешь. Широкая переносица, вмятая в детстве кулаком Ги, тоже никуда не делась. Из-за покатога плеча Жильбера опасно выглядывал длинный сизый клюв Роба. Судя по красным глазам на отёчном лице, долговязый эконоом так и не избавился от пагубного пристрастия к вину. А девушка в синем платье...

Девушкой в синем платье могла быть только Анабель. Гийом остолбенел, недоумевая, куда исчезла та мелкая егоза, что делила с ним детские приключения и шалости. Перед ним была дама с безупречной осанкой. Высокая, всего на голову ниже. Красивая. Гладкий бледный лоб с тонкими ниточками бровей. Чуть вздёрнутый нос, маленькие пухлые губы. Волос не видать под белым покрывалом, схваченным обручем из бронзы, но рыцарь знал, что они каштановые, с золотистым отливом. Глаза — светло-серые, как у Ги — опущены долу.

— Ну здравствуй, братец.

Кузен стиснул его ладонь толстыми пальцами. Гийом и бровью не повёл: до сэра Роллана с его клешнями Жильберу было далеко. «Держись, братец». Тот охнул и быстро отдернул помятую руку. Развязная улыбка на широком лице сменилась удивлением.

— Даёшь! Окреп!

— Я ж теперь рыцарь. Полагается.

Кузен покивал, поджав мясистые губы. Глаза нехорошо блеснули. Также Гийому не

понравился сальный взор, которым Жильбер, удаляясь, наградил Анабель.

— Приветствую моего брата и господина, — сестра грациозно присела в реверансе.

Ги приоткрыл рот, не зная, что на это ответить. Анабель посмотрела на него и улыбнулась. По-детски озорно, и Гийому ничего не осталось, кроме как улыбнуться в ответ.

— Я молилась за вас, и Создатель услышал мои молитвы, — искренне сказала она приятным грудным голосом. — Отдыхайте с дороги, а я распорядюсь насчёт ужина.

Рыцарь растерянно кивнул, и сестра в сопровождении горничной, которую он только сейчас заметил, прошествовала к лестнице в донжон.

Трясущийся Роб без конца кланялся и бормотал что-то невнятное, благоухая винным перегаром. Ги усмехнулся и поспешил отпустить бедолагу. Лотар, презрительно глянув эконому вслед, подошёл к де Леру упругим шагом.

— Мой господин! Рад видеть вас в здравии!

Он горячо обнял ветерана. В глазах защипало. Мать Гийома и Анабели рано оставила этот мир. Отец пропадал в походах и на охотах. Так что детьми занималась ворчливая гулка Эльфледа да старина Лотар. В круговороте замковых дел он всегда умудрялся найти время для Ги. Качал на коленях, рассказывал сказки про мудрых зверей и даже не морщился, когда озорник дёргал его за усы. А однажды взял да вырезал из дерева коника — угловатого, смешного, едва стоящего на длинных ногах. Коник этот стал любимой игрушкой Ги на долгие годы.

Кроме того, именно Лотар дал юному де Леру первые уроки борьбы и владения оружием. Благодаря им Гийому удалось побить дылду Жильбера, любившего поиздеваться над младшим кузеном. Рыцарь вспомнил ревущего белугой братца, его расквашенный нос — и чудом не рассмеялся. Отпустил плечи Лотара, глянул в разом помолодевшие бледно-голубые глаза. Шомр задержи, он всё-таки вернулся домой!

— Пойдём, покажу ваш замок, — призывно мотнул головой старик.

Они вошли в надвратную башню и начали подниматься по спиральным высоким ступеням. В полумраке тесных ходов кастелян чувствовал себя как рыба в воде. Ги, наоборот, шёл медленно, осторожно, согнувшись в три погибели. Он-то вырос, а потолки в Хэмптуне нет.

В караульной играли в кости двое стражников. Лотар жестом велел им выметаться. Когда их шаги и бормотание затерялись среди лестничных перекатов, плотно закрыл тяжёлую дверь и без предисловий начал:

— Мой господин, вам грозит опасность.

Гийом в смятении брёл коридорами донжона, едва разбирая дорогу. То, о чём поведал Лотар, казалось бредом выжившего из ума старика. Воистину — дядя предупреждал! Не потому ль, однако, что был главной фигурой этого бреда? Сжил, мол, злодейски брата со свету, а теперь умышляет на Ги...

Лотар, Лотар — лучше б ты сказку рассказал...

Ведь кое-что и вправду настораживало. Если верить кастеляну, Рейнар и Бернар де Леры с полгода назад крепко поссорились, и Лис в Хэмптун носа не казал. Однако в недавних его деяниях не было ничего подозрительного. Наоборот. Узнав о восстании, он тут же примчался брату на помощь. Застав того раненым, отыскал лекаря и полностью оплатил его услуги. Что рана плёвая и от таких не помирают — ведьма втрое нагадала. Сэр Роллан, гори он в Эфёре, знал славных рыцарей, которые отправились к Создателю из-за

сгрызенного заусенца или малюсенькой занозы. А желей дядя смерти Ги, легко бы прикончил его по дороге из монастыря...

— Бу!

Рыцарь отскочил назад и схватился за меч. Напрасно. Из-за угла показалась Анабель, сияющая, как золотой дукат.

— Видел бы ты своё лицо, сэръ Гийом де Лер!..

Она стремительно бросилась к нему в объятья и заплакала на груди.

— Ох, братик, я до сих пор не верю, что это ты! Что ты вернулся! Только сейчас потрогала и начала потихоньку верить... Это было ужасно! Батюшка так мучился, а этот лекарь ничем ему не помог!

— Всё хорошо. Теперь он у Создателя — там мир и покой, — проговорил Гийом, глядя сестру по голове. Как гладил отец. Вспомнил — и чуть не разревелся сам.

— Да, я молилась за него день и ночь, — Анабель шмыгнула носом. — Он теперь рядом с мамой. И там, и здесь — при монастыре Святого Якоба.

— Да, я слышал. Дядя помог?

Она отстранилась.

— Очень помог. Кучу денег истратил. Но я так хочу, чтоб они поскорее уехали отсюда. Он и Жильбер...

— Почему?

— Как батюшку похоронили, дядя Рейнар попросил встречи со мной. И говорил ужасные слова, что вдруг ты не вернёшься с войны, и денег на льеф у нас нет, и меня без приданого да с долгами никто не возьмёт... Кроме Жильбера. Он-де в меня с детства влюблён, спит и видит, как пожениться... Фу! Гадкий, грубый, тупой как бочка! Пальцы жирные, губы сальные, а изо рта воняет тухлой рыбой! И не любит он никого, себя только — правильно ты ему нос разбил! Как глянет, мне аж отмыться охота! — Анабель задохнулась от возмущения. — Я ответила, что подожду тебя, а потом всю ночь плакала — думала, тебя язычники убили. И себя хотела убить... Ги? Ты меня слушаешь?

Гийом не слушал. Кровь ударила в голову, сжатые зубы закрипели. Он начинал понимать Лотара. Бред бредом, но в одном старик был прав: дядя с кузеном загостились в Хэмптуне. Ходят тут господами, прицениваются, клинья подбивают. Рыцарь вспомнил трясущегося с похмелья Роба, и стало ясно, как Рейнар добрался до амбарных книг. «Нет, дядя, ты не лис. Ты стервятник. Но рано ты меня похоронил! Я наведу здесь порядок!»

Сестра будто прочитала его мысли.

— Поклянись мне, Ги! Поклянись, что не отдашь меня за Жильбера! — молила она, вцепившись в рукав гамбезона. — Видит Создатель: я лучше сбегу к язычникам или брошусь со стены, чем стану его женой!

«Анабель, бедная Анабель! Как много пришлось тебе вынести!» — Гийом улыбнулся ласково и печально.

Сделал шаг назад, прижал руку к сердцу и провозгласил:

— Клянусь честью: покуда я жив, Жильберу де Леру не бывать твоим мужем!

Домой. Шаг пятый

За ужином дядя Рейнар предложил почтить память брата доброй охотой. Королевской милостью держателям Хэмптуна пожалована добыча лисы и зайца в окрестных лесах, и Бернар де Лер, прими его Создатель, страстно любил это дело.

Судя по всему, Чёрный Лис жаждал серьёзного разговора с племянником. Охота давала такую возможность, но после недавних открытий Гийому не то что говорить по душам — смотреть на родственничков было тошно. Отказать да выставить вон? Нет, выйдет невежливо и даже чуть-чуть несправедливо. Всё же помогли в трудный час, хоть и старались по большей части для себя. Решено: завтра Ги внимательно выслушает дядю, а потом учтиво объяснит, где видел его мудрые, но совершенно неприемлемые советы.

Советчиков в Хэмптуне и без Лиса хватало. Лотар, не сумевший отговорить господина от охоты, занудно требовал хотя бы надеть кольчугу под просторный эскóфль. Гийом только отмахивался. Отдых и молитвы в священной обители пошли ему впрок — он стал сдержаннее, спокойнее. И, кажется, понял, зачем Создатель хранил его в битве, в дороге, в разбойничьем логове. Конечно же, для того, чтоб он вернулся в отчий дом и стал его полноправным хозяином. Нашёл деньги на льеф и на приданое Анабели, привёл Хэмптун к достатку и процветанию. Так всё и будет, и никто не сумеет ему помешать. Ведь нет брони крепче, чем милость Господа!

К полудню охотники вступили под сень леса. Гийом ехал на тёмном гнедке по кличке Альмар — любимом гунтáре отца. Рейнар де Лер со своего вороного косо посматривал на племянника — искал повода начать беседу. Жильбер крутил головой, всматриваясь в кроны деревьев. Его кобыла не годилась для погони за лисами, поэтому он захватил арбалет — дескать, вдруг повезёт куропатку добыть али глухаря. Не то чтобы Ги это встревожило, но, зная, какой из Жильбера стрелок, он взял за правило держать дядю между собой и кузеном.

Впереди шуршали травой и листьями двое псарей да с полдюжины гончих, среди которых не было Эдди. Золотистый любимец Гийома не дождался его возвращения — подавился костью. Ещё одна потеря...

— Зверь! — крикнул дядя и резко тронул коня.

Ги тоже заметил рыжий хвост, всколыхнувший стебли кустарника, и послал Альмара в погоню. Азартный собачий лай заставил кровь взбурлить в жилах. Как раньше, когда они охотились с отцом. Но тогда Ги был несмышлёным ребёнком, а теперь он утрёт всем носы! Вперёд!

Де Лер не видел ничего, кроме лисы, пламенем метавшейся среди кустов и деревьев подлеска. Ветер и ветви в лицо — не беда! Главное, не упустить добычу! Где шомровы псы? Ему самому, что ли, рыжую зубами рвать?

Всё — ускользнула! Рыцарь, выругавшись, перевёл гунтара на шаг. Лай и пение рога звучали где-то в стороне. Что за глупости? Куда их шомр понёс? Или, может, было две лисы? Ги рванул за первой, а охота ушла за второй...

Тугой свист справа. Каменный кулак врежется в бок. Нечем дышать. Альмар испуганно ржёт, вставая на дыбы. В глазах рябит, рука упускает поводья. Бах!

Падение выбило из Гийома остатки духа, недолеченные рёбра взорвались болью. Поломанной куклой он раскорячился на земле. Тёмные кроны и серое небо кружились в неистовой пляске. Выпучив глаза, хватая ртом загустевший воздух, он кое-как встал на

карачки. Согнулся в спазме, но ничего не исторг. Землю, кусты и деревья немилосердно качало, однако Гийом сумел разглядеть бредущую к нему невысокую фигуру в зелёном.

— А... Х-х... А...

— Не торопись, добрый сэр, не надо. Я подожду.

Глен из Шэмфорста остановился, не дойдя до Ги шагов двадцати. Или тридцати? Разбойник то раздваивался, то собирался в целое.

— Тупая стрела под ребро — не медку глотнуть, да.

На линне были деревянные башмаки с обмотками, свободные штаны и куртка зелёного сукна. На поясе тул, в правой руке — изогнутый степной лук. Разбойник глядел на Гийома сверху вниз — спокойно, доброжелательно. Как сытый кот на загнанную в угол мышь.

— Что... тебе... нужно... — выдавил наконец из себя рыцарь.

— Я пришёл потребовать плату по договору.

— Кх-кх-кх...

— Припоминаешь? Ты обещал мне то, что не ждал обрести дома.

— Я... потерял отца!

— И обрёл наследство, — с удовольствием объяснил Глен. — Замок Хэмптун и окрестности, деревня Вайдбриг и водяная мельница. Теперь это всё моё.

— К-х-х-х, — просипел Гийом, невероятным усилием поднимаясь на ноги. — Ты... ты шомров безумец, лиходей, язычник! Никто не признает твои права на королевский фьеф!

— Знаю, — линн кивнул. — Поэтому ты будешь править Хэмптуном от моего имени.

Гийом де Лер, кривясь от боли, схватился за нож.

— Никогда! Не бывать мне слугой душегуба!

— Значит, ты выбрал смерть.

Ги не успел. Вражьи всадники наводнили подножье холма и в мгновение ока соскочили с сёдел. Хирдманны ярла Эйрика — опытные воины, мастера пешего боя — устремились к вершине, где держали оборону маркис де Волор, горстка его сержантов и гиусские арбалетчики.

Всё, подумал де Лер сквозь слёзы. Бык падёт не от его руки, месть не состоится. Нс позор можно смыть по-другому. С честью погибнув в бою, подобно рыцарям из баллад, над которыми так любил потешаться сэр Роллан... с честью погибший в бою. Ги стиснул зубы. Если у этого подонка хватило храбрости, у него и подавно хватит!

Вот он холм, вот она битва, вот он строй окольчуженных спин. Парзи вихрем влетел в него, разбросав воинов, будто снопы соломы. Врезался глубоко, словно нож в свежий сыр. Затанцевал, храпя и лягаясь. Ги де Лер, не помня себя, напропалую рубил мелькавшие в алой мгле силуэты. «Получайте, мрази! За меня! За меня! За меня!» — бился в голове злобный клич, выходя наружу слюной и рычанием.

Боль клюнула правую руку резко, как хищная птица, затопила предплечье жидким свинцом. Ги захрипел и едва не выронил меч. Кто-то настырный и сильный схватил оруженосца за пояс. Парзифаль некстати дёрнулся вперёд, и де Лер, взмахнув щитом, выпал из седла.

Падение оглушило. Гийом с удивлением понял, что смертельно устал. Так, что и пальцем не пошевелить. Звуки битвы куда-то ушли, а вот зрение наоборот — прояснилось. Он с интересом взирал на высокого воина в богатом шлеме. Личина украшена золотом, в прорезях сверкают холодные серые глаза. Огромный топор... Шомр!..

Оруженосец едва успел подставить щит. Хрясь! Доска треснула, левая рука онемела, а спину впечатало в землю. Ещё удар, ещё. Де Лер, шумно выдохнув, с содроганием понял, что щита у него больше нет. А вот у вагра он был. И обрушился на рёбра Ги своей окованной кромкой. В глазах закружились чёрные мухи, дыхание прервалось, меч выпал из ослабших пальцев. «Создатель... хватит... я не могу...боль...»

— Велласкон! Велласкон и Гулланд! — донеслись, перекрывая стук копыт, зычные крики.

Воин в шлеме исчез — больше ничто не мешало Гийому смотреть в небо, где бледно-серые облака расступались, давая дорогу солнцу. Он моргнул и зажмурился от яркого света. «Я жив. Почему, Господи, почему?..»

Вдруг на лицо пала тень.

Распахнув глаза, он узрел исполинскую, до небес, фигуру в чёрном доспехе из стальной чешуи. Нутро заполнил клокочущий ужас, и Ги захотелось провалиться сквозь землю. Или хотя бы отползти подальше. Он приподнялся на локтях и заёрзал, скуля от боли, как щенок.

— Ты? — удивился маркис. — Как тебя... Гийом? Гийом де Лер?

Оруженосец вместо ответа сел, нашарил меч. Правая рука не слушалась — пришлось взять левой. Воткнул в землю и тяжело поднялся, держась за рукоять. Кряхтя, замирая от боли, презирая себя за беспомощность.

— Понимаешь ли ты, Гийом де Лер, что свершил?

Гийом де Лер понимал. Понимал, что убить ублюдка не получится. Сил едва хватает, чтоб устоять на ногах. Вдобавок вокруг толпятся люди — сержанты, арбалетчики, рыцари. И все глазеют на него, Ги, будто он из золота сделан...

— Дай мне свой меч, парень, — де Волор протянул к нему руку. Повторил отчётливо и властно: — Дай. Мне. Свой. Меч.

Сейчас! Вытащить из дёрна клинок, извернуться и вонзить его в чёрную грудь! Но Ги смотрел в бычьи глаза и понимал: маркис этого ждёт. Ждёт повода растоптать его окончательно, надругавшись вдобавок над добрым именем. Чтобы отец умер от горя, а сестра пошла по миру. «Не важно, что будет потом?» Решай быстрее, Гийом де Лер. Стоит того твоя месть?

«Нет».

Де Волор совсем близко. Чёрный доспех пахнет потом и кровью. Меч в огромной руке кажется игрушечным.

— На колени, — оруженосец, сгорая от стыда, повиновался и низко склонил рыжую голову.

— Последний удар, что ты оставишь без ответа.

Могучая ладонь нежно потрепала его по щеке. Ги передёрнуло. Отцовский меч коснулся правого плеча, левого.

— Встань, сэр Гийом!

Де Волор помог ему подняться и вложил клинок в ножны. Затем снял один из золотых перстней и надел на палец де Лера.

— Так, сэр Гийом. Скачи к моему шатру, там будет лекарь. Покажешь ему это, — он указал на перстень. — Давай!

«Создатель Милосердный! Не туда... Куда угодно, только не туда!»

Кто-то из сержантов помог Ги взгромоздиться на Парзифаля. Новоявленный рыцарь, едва не потеряв сознание от боли, склонился к шее жеребца и прошептал:

— Домой, Парзи... Мы едем... домой...

Домой. Шаг шестой

Темно. Хотелось открыть глаза, но он не чувствовал век. Непроглядная тьма свила гнёзда в глазницах. Но он слышал.

Шорох полёвок в траве, перекличка птиц, шум листвы... а вот стволы трещат под напором ветра. Долетает он и сюда, но холода нет. Тепло. Пахнет мхом, прелыми листьями, грибницей.

Он в лесу. Что он делает в лесу? Точно: он же ехал домой после битвы и упал с коня. Скоро его найдут.

Вот и шаги. Совсем близко. Остановились.

— Приветствую благородных сэров! Такая честь...

Этот голос... Плавный, подобострастный, неумело растягивающий слова... Хитрое лицо в оспинах. Вскинутый лук. Боль пронзает левое плечо...

— Зачем ты забрал тело? Псари теперь рыщут в округе. Если гончие...

Второй голос... где же он его слышал? Глуховатый, повелительный... Гончие? Ищейки. Как тот безумец из Ордена Судьи. Зачем они скрываются от него? Замышляют недоброе? Сохрани, Создатель!

— Я умею замечать следы. Ни одна собака нас не потревожит.

— Поверю тебе на слово, Решето.

Лесная подстилка хрустит, мнётся под тяжестью. Вздох — совсем рядом. Прикосновение. «Отец? Это ты? Ты жив?»

— Бедный мальчик...

Мальчик с васильковыми глазами остался молиться в проклятом шатре. Он обещал ему и не сдержал обещание. Бык слишком силён. Гигантская чёрная туша, кинжально острые рога, золотое кольцо в широких ноздрях...

— Ой, ну хорош, папаша!

Третий голос — хриплый, булькающий. Будто жаба научилась говорить и шлёпает широким беззубым ртом.

— Заткнись, — буркнул повелительный голос. — *Он умер сразу?*

Выходит, он умер... Не искупив своего греха. И скоро шомры утащат его в Эфер... «Господь мой Создатель, отдаю себя в руки твои, взываю к милости твоей...»

— Да-да! Добрый яд, быстрый яд — не тот, что для папочки!

Яд! Отца отравили! Лотар был прав. Нужно немедленно в Хэмптон! Анабель — он же поклялся ей, а потом умер... Опять не сдержал...

— Послезавтра принимай товар и жди вестей. Твои оборванцы нам скоро понадобятся.

Товар? Оборванцы? Изысканный пир посреди Шэмфорста... Где же он слышал этот голос?..

— Передайте Его Сиятельству мой низжайший поклон!

Бык! Везде следы его шомровых копыт...

— Последнее. При нём должен быть перстень.

Конечно, он в кошеле на поясе. Дядя Рейнар велел всё время держать его при себе... Дядя Рейнар?!..

— Может быть, может быть. А может быть и нет, — в плавном голосе прозвучала издёвка.

— Что это значит? Ты проверял?

— Зачем проверять, если можно спросить. Верно? Встань, сэра Гийом!

Неодолимая сила потащила его вверх. Он содрогнулся всем телом, шумно и глубоко вдохнул. В глаза ударило вечернее небо.

Ги поднялся рывком и ошалело закрутил головой по сторонам. Сумерки размыли зрение, словно ушат мутной воды. Где-то впереди маячил широкий силуэт. Жильбер? Но взгляд зацепился за лицо Рейнара де Лера. Совсем рядом. Белое как мука, с раскрытым перекошенным ртом. В глазах неподдельный ужас. Но вот дядя опомнился и проревел:

— Стреляй!

Багровая вспышка затуманила взор. Щёлкнул арбалет, и Лиса шатнуло. Он вытаращился на свою грудь. Из её правой стороны, будто клюв неведомой птицы, торчало острие болта.

— Папа! — раздался жалобный крик Жильбера.

Теперь уже Гийом широко открыл рот, как брошенная на берег рыба. Он не понимал, где находится: в миру, в бреду или в Эфере. Настолько дико и стремительно всё развивалось.

Очухаться ему не дали. Жильбер, отчаянно вопя, кинулся на него с ножом. И нарвался на мощный удар с правой. В нос, как когда-то. Хрустнуло. С мстительной радостью Ги зарядил ногой в открывшийся пах брата. Тот, взвывая, согнулся и выронил оружие. Рыцарь скользнул ему за спину, схватил за шею и воткнул меж лопаток свой нож. Туша кузена, постояв пару мгновений, шмякнулась оземь.

«Не видать тебе Анабели, свинья!» — задыхаясь, прошептал Ги. Но заметил коротышку в зелёном, и ярость как ветром сдуло. Волосы на голове зашевелились, тело пробрал озноб.

— С возвращением, сэра Гийом, — Глен из Шэмфорста оскалился в щербатой усмешке. — Как спалось?

— Что я наделал... — рыцарь не отрываясь смотрел на дыру в двуцветной котле кузена. Челюсть предательски дрожала. — Что ты... наделал?..

— Мы свершили суд над убийцами твоего отца, — линн сладко зевнул. — После того, как они признались.

Дядя Рейнар с проклятьем опустил на колени и упёрся рукой в землю. Ги уставился на него, часто дыша.

— Признались?!

— Ты же слышал нашу беседу, пока лежал. Сойдёт за признание?

Гийома прошиб холодный пот. Значит...

— Ты отравил отца, ублюдок! Ты знал, что потребовать!

Глен смотрел на него снисходительно, как смотрят на щенка, пробующего голос.

— А ещё я подбил мужичьё из Вайдбрига на восстание. Знал ли я, какую цену назвать? Конечно! Как говорится, знание — сила. Люблю быть сильным. А ты — разве нет? — спросил он, кивая на тело Жильбера.

Гийом побагровел и сжал кулаки. Перед ним стоял враг. Лютый, бесчестный, коварный. Безмерно опасный. Враг, который дважды спасал его жизнь... «Что же мне делать, Господи, что?»

— Добей предателя, — линн смотрел сквозь него, зрачки поблескивали алым. — Поклянись мне в верности. И мы доберёмся до Быка. Вместе.

— Он — ложь... Он — отец лжи! — дядя вскинул голову. Лицо перекошило от боли, но изжелта-карие глаза горели решимостью.

— Книга Книг? — фыркнул Глен. — В твоих устах звучит особенно забавно, братоубийца. Но вспоминай, вспоминай — Создатель оценит. Если он есть, конечно...

— Мне будет, что Ему сказать! — с вызовом прохрипел Рейнар де Лер и повернулся к племяннику. — Ги! Покончим с этим.

Ги замер перед ним с ножом в руке.

— Сначала ответь. Почему?

— Во имя будущего Марки... Во имя Герцогства Гулландского и герцога де Волора... — Чёрный Лис не отвёл взгляда. Голос его пресекался, но не дрожал. — Нам позарез нужен Хэмптун... Для войска Велласкона он как кость в горле...

— Мятеж! Ты пытался втянуть отца...

— И он прогнал меня... обещал прикончить, если ещё раз увидит...

— Я сделал бы то же самое!

— А ты и не должен был... выжить в битве.

— Роллан де Го, греби его шомры!

— Умный мальчик... везучий... Но нас много... мы придём...

— Я не боюсь! — Ги сжал дрожащие губы.

— Напрасно. Давай уже...

Гийом глянул на нож, потом на дядю. Всё равно не жалец — убить его сейчас будет милосердно. Даже слишком!.. Но ненависть быстро ушла, затаилась. Ги вспомнил, как сам лежал на поле боя и умолял о смерти. Что тогда ответил ему Создатель?

«Ничего».

Клинок с хрустом вошёл в горло Рейнара де Лера.

В Хэмптуне царил переполох. Псарь с гончими вернулись засветло и доложили, что все трое господ сгинули в лесу. Лотар отправил весть лесничим, а утром собирался возглавить поиски. На Гийома, возникшего у ворот ближе к полуночи, таращился будто на призрака, но всё же приказал впустить.

Обессиленный рыцарь поведал, что на него напали укрывшиеся в лесу смутьяны из Вайдбрига. Хотели взять живым, чтоб поквитаться за убитых и покалеченных родичей. Дядя с кузеном примчались на помощь, и Ги удалось вырваться. Альмар унёс его в глушь, где он и блуждал до ночи. Анабель промыла и замотала плечо брата, раненное стрелой. Лотар глядел исподлобья. Похоже, ни на гроут не поверил его скомканному рассказу, но с расспросами не лез.

На следующий день лесничие нашли обезображенные тела Рейнара и Жильбера де Леров. Их доставили в Хэмптун, послали за коронером. Ги помогал как мог, одновременно вникая в премудрости владения замком. Лотар и Анабель были рядом, рассказывая и подсказывая. Наполненные суетой дни летели быстро. Чего не сказать о ночах.

Ночами де Лер погружался в кошмары. Он то никак не мог выбраться из ямы, заваленной раздутыми, мечеными оспой трупами. То хоронился в лесу от своры собак, за которыми шли говорящие по-вэльски солдаты. То медленно истекал кровью в кольцо одноглазых идолов. Навещал его и давний знакомец — монах из Ордена Судьи. Проклинал Гийома и весь его род, а потом возгорался багровым пламенем.

Но один сон приходил чаще других.

— Зачем тебе это нужно? — Ги обвёл дрожащей рукой поляну, где состоялся их суд.

— Мне нравится, когда вы жрёте друг друга, — линн плотоядно облизнул губы. — Гулы, велласки, дикари с севера. Брат брата, сын отца, и так без конца. Главное — хорошенько запутать узел...

В руке его появился серебряный кубок с трезубцами.

— Возьми.

Рыцарь, содрогнувшись, принял сосуд. Глен вытянул правую руку, провёл ножом по запястью и сжал кулак. Тёмная кровь закапала на серебро.

— Поклянись по обычаю моего народа. Вышей.

Языческий обряд и священный кубок... Немыслимая мерзость, оскорбление Создателя! Де Лер, словно спрашивая совета, поднял глаза к небу. Оно смолчало, укрывшись саваном из облаков.

— Пей!

Ги посмотрел на Глена и затрясся, онемев. Лоб коротышки прорезала алая полоса. Тлеющая, как угли. Изогнулась, будто второй рот.

— Пей до дна!

Подкидыш. Шаг первый

Атли с замиранием сердца следил, как скачет по неровной стене кустарника маленький солнечный зайчик. «Давай же, давай!.. Взлетай!» Зайчик остановился, мигнул и взмыл вверх. Когда он встретился с другим огоньком, что завис над кустами ранее, Атли спустил тетиву.

Куропатка, не успевшая набрать высоту, тяжело плюхнулась на тонкие ветви, а с них — на землю. Когда мальчик подошёл к добыче, она уже была мертва, лишь пальцы слегка подрагивали. Охотничий азарт прошёл, и теперь Атли скорее жалел птицу, чем радовался. «Петушок, — подумал он, оценив размер и бело-коричневое оперенье жертвы. — Прости, брат. Не токовать тебе у озера в предгорьях». Он присел и выгащил стрелу, листьями стёр с неё птичью кровь.

Солнечные зайчики сделали круг над головой Атли и негодующе заплясали перед самыми глазами.

— Извините, ребята, — опомнился он, — чуть не забыл. Вы молодцы, без вас бы ничего не получилось!

Прыг — более золотистый, чем жёлтый — и Скок — более жёлтый, чем золотистый — заискрились, довольные похвалой. Сколько Атли себя помнил, два маленьких блуждающих огонька всегда были рядом. В детстве они любили дразнить его, мельтеша перед глазами, а затем разбегались по сторонам в надежде на догонялки. Взрослые ворчали и хлопали ладонями по головам, когда Атли проносился мимо, охотясь незнамо за кем.

Однажды он рассказал про огоньки маме, но мама улыбнулась и обняла его. Она не видела их, как и все остальные. Зато понимала Атли без слов и, что важнее, знала, когда слова не нужны. Тогда-то он и решил, что зайчики будут его тайной.

Постепенно шалуны остепенились и даже стали приходить на выручку своему подопечному. Именно так. Атли давно заметил, что огоньки считали себя ужасно важными, словно без них он и шагу ступить не может. А избавиться от сверкающих надоед можно было только ночью. Атли не знал, куда с заходом солнца исчезали Прыг и Скок, но предполагал, что им тоже нужно спать.

В этот раз зайчики здорово помогли ему. Атли в кои-то веки возвращался домой с добычей и мог надеяться, что тётка не будет так уж сильно ворчать. А дядя Эймунд похвалит своим коротким: «Добро», — и наконец отправит на сетёр пасти скотину. Как в прошлом году, когда старый Хьярре повредил ногу.

Атли целое лето провёл с его стадом. И, к удивлению взрослых, справился. Коровы и овцы вернулись на хутор здоровые, лоснящиеся, а молока и шерсти дали больше обычного! На все расспросы Атли пожимал плечами и улыбался, поправляя мешочек на поясе. Ещё одна маленькая тайна.

На сетере хорошо. Можно валяться в душистой траве, слушать жужжание мух и фырканье стада, смотреть сквозь ресницы на солнце и ни о чём не думать. Представлять, будто он, Атли, в целом мире один, а хутор, насмешки, косые взгляды — всего лишь странный сон, который вскоре забудется...

Он настолько углубился в приятные мысли, что не сразу заметил тревогу зайчиков. Те метались над зарослями справа от тропы и беспокойно подрагивали. Что-то здесь не так! Мальчик остановился, прислушался, но было поздно. Из кустов с громкими криками выскочили двое — один спереди, другой сзади. Последний от души саданул палкой по ноге,

и Атли со стоном плюхнулся на замшелую землю. Рядом шлёпнулись лук, стрелы и куропатка. Нападавшие довольно расхохотались, и Атли чуть не застонал снова.

Кузены... Сыновья дяди Эймунда и тёти Илзы.

Гуннару зим столько же, сколько и Атли, то есть двенадцать. Приземистому коренастому Рагнару — на одну больше. Старший готовился стать воином, что и показывал всем своим видом. Мощная грудь в зловещих татуировках. Крепкие руки с внушительными кулаками. Голова, обритая на висках и затылке. На макушке, наоборот — русая копна, а косая чёлка падала чуть не на глаза.

Гуннар — повыше брата и тонкий в кости — был хорош лицом и густыми золотистыми волосами, которые обожал расчёсывать. За это сверстники дразнили его Девчонкой, пока Рагнар не выбил из них дурь. Теперь все звали Гуннара Красавчиком — чтобы польстить Илзе, которая в своём младшем души не чаяла. Красавчик умел располагать к себе людей и на раз втирался в доверие. Это часто позволяло ему избежать наказания за подленькие проделки.

Братья совершенно не походили друг на друга, но кое-что их объединяло. Они ненавидели Атли и никогда не упускали случая поиздеваться над ним.

— Итак, посмотрим, что за добыча досталась сегодня великим налётчикам! — с гаденькой улыбочкой провозгласил Гуннар.

— Неважнецкая добыча, — Рагнар смачно плюнул, явно подражая кому-то из старших, — вонючий Подкидыш и облезлая куропатка.

— Куропатку можно зажарить в нашем разбойничьем логове, — предложил Гуннар, — но что нам делать с Подкидышем? Может, продадим его в рабство?

— Да кому он нужен, Атли Криворучка! Его и задаром никто не возьмёт!

— Ты прав, брат, — с притворным разочарованием произнёс Красавчик, — он совсем ни на что не годен. А раз так, может, убьём его?

«Да что я лежу, — разозлился на себя Атли, — надо встать!» Он пошевелился — палка Рагнара ударила в грудь, затем по плечу. Восторженно улюлюкая, к забаве присоединился Гуннар.

Атли вертелся волчком, но удары сыпались и сыпались злым каменным дождём. В отчаянии он сжался в клубок, закрыл руками голову, которой уже досталось, и вдруг увидел свой лук. Он валялся совсем рядом.

Не понимая, зачем это делает, мальчик схватил оружие и перевернулся на спину. Тупая боль в кисти — пальцы разжались. Рагнар пинком отбросил лук в сторону. Атли застонал от боли и унижения.

— Да ты хотел застрелить меня, Подкидыш! — воскликнул Гуннар, замахнувшись палкой, но рассмеялся и выкинул её в кусты. — Позволь узнать, чем? Пальцем?

— Лук — оружие трусов, — сплюнул Рагнар. — А криворуким Подкидышам вообще не полагается оружия.

Он снял тетиву с лука, примерился и с громким «Ха!» сломал его об колено.

— Нет! — закричал Атли и вскочил на ноги. Рагнар, грубо рассмеявшись, бросил в него обломками.

— Так-то лучше, — хмыкнул Гуннар. — С луком любой дурак сможет добыть птицу. Даже ты, Подкидыш. А как насчёт сбить её палкой в полёте?

— Если получится, мы больше не будем звать тебя Криворучкой, — пообещал Рагнар. — Так что дерзай.

— А мы пошли готовить нашу добычу, — Красавчик ухмыльнулся и помахал куропаткой. — До скорого!

Кулаки Атли сжались, в глазах щипало. Прыг и Скок гневно плясали над головами обидчиков, но сделать ничего не могли. Вскоре братья исчезли в кустарнике.

Он прижался к берёзе и заплакал. Лёгкий ветерок остужал горячие слёзы, тёплая береста гладила по мокрой щеке. Солнечные зайчики зависли в воздухе и слегка подрагивали. Жалели.

— Спасибо, — Атли решительно вытер лицо и улыбнулся друзьям.

Он посмотрел на сломанный лук и ярко представил выпученные глаза Красавчика, стрелу в его животе, окровавленную рубаху, растерянность во взгляде наглеца Рагнара... «Плохие мысли, — мальчик помотал головой, отгоняя видение, — нельзя так думать. Даже о них. Сам виноват. Не схватись за лук, может, и не сломали бы». Он подобрал с земли разбросанные стрелы — их братья испортить не догадались. И то жир.

Ничего. Не в этот год, так на следующий рúтсинги возьмут Рагнара с Гуннаром в поход на Гулленгрё, где местные зарубят их своими большими топорами. И он не проронит по ним ни слезинки.

Атли потрогал распухшую скулу, поморщился и, прихрамывая, побрёл в сторону хутора. Зайчики привычно скакали впереди, указывая дорогу.

Подкидыш. Шаг второй

Из-за болячек дорога до дома заняла больше времени, чем обычно. Особенно неприятно было перебираться через Аргово ущелье. Мост — узкий деревянный настил шага в два шириной — давно не ремонтировали, и он коварно скрипел. Но лучше уж идти по нему, слушая шум горной реки, чем хромать в обход. Этак совсем долго получится — мама волноваться будет.

Одолев мост, Атли обречённо поплёлся к хутору. Сейчас ему меньше всего хотелось попасться на глаза тёте Илзе, которая и наказала добыть что-нибудь к ужину. Объяснять, что остался без куропатки из-за её драгоценных сыночков — гиблое дело. Зато, когда Гуннар притащит на кухню его, Атли, птицу, сразу начнёт щебетать, какой у неё вырос добытчик.

«А меня, значит, альвы в колыбель всем в наказание подбросили», — мрачно хмыкнул мальчик, вспомнив глупую байку. Да, чернявый он, да, глаза тёмные, не фиордландские. Но человек! Даже тинг постановил, что никакой он не альв, а сын своего отца!

Об отце он знал немного. Тот носил имя Скьягги и погиб, когда Атли едва месяц исполнился. Был ульфхédнаром и славился крутым нравом. Ох и досталось бы на орехи всяким пустозвонам, вернись он живым из того похода! И на тётку с кузенами управа бы нашлась — Скьягги приходился Илзе родным братом. И никто не посмел бы назвать Атли Подкидышем, а маму — колдуньей.

Впереди показался невысокий палисад. Мальчик вздохнул, предвкушая головомойку, но вдруг заметил необычное. Хуторяне сгрудились на площади меж тремя домами и чего-то ждали. Вон дядя Эймунд — оделман хутора и мамин брат. Вон Горм — мастер по оружию. А вот Илза, при ней стервецы Гуннар с Рагнаром. Матери только не видно. Атли не хотел упустить ничего важного и заковылял быстрее.

Послышался стук копыт, и на площадь въехали всадники. Прыг и Скок заплясали на конской сбруе, привлекая внимание к передовому. Это был грузный мужчина с густой рыжей бородой, заплетённой в две массивных косицы. Буйная шевелюра перехвачена кожаной лентой. На мощных плечах — зелёный плащ с серебряной фибулой. Под ним — роскошная шёлковая рубаха. Алая, как кровь из горла. На поясе — меч заморской работы в простых потёртых ножнах. Хёрсир Гудмунд. А чуть поодаль — его хирдманны, пятеро.

Атли хорошо помнил херсира: раньше он и другие рутсинги были частыми гостями на хуторе. Неудивительно, ведь Гудмунд — старый друг и побратим Эймунда, на их счету десятки походов и сотни битв плечом к плечу. В одном из таких походов дядя потерял руку, в другом — сгинул отец Атли. Волна смыла его с палубы, когда корабль попал в шторм у берегов Фиордланда.

Предводитель рутсингов остановил коня в пяти шагах от оделмана и склонил голову в приветствии.

— Здравствуй, Эймунд Гаральдсон, кровный брат и брат по оружию, — проговорил он низким, хриплым, как боевой рог, голосом. — Дашь ли приют мне и моим людям в стенах твоей усадьбы, да стоит она крепко до самого Раньяради?

— Приветствую могучего херсира, — откликнулся дядя Эймунд, так же склонив голову, — мой дом — твой дом, Гудмунд Магнуссон.

Улыбка тронула толстые губы рутсинга. Он ловко, будто мальчишка, соскочил с коня и порывисто обнял хозяина хутора.

— Две зимы от тебя не было никаких вестей, — проговорил Эймунд, когда объятия разомкнулись.

— Я служил моему ярлу, — потрянул шевелюрой Гудмунд. — Славные дела творились на западе, и много смелых мужей отправилось в Гъялдсхэйм. Гáрир и Бра́ги там, пируют с Хёганом. Но я уже набрал удальцов — пойдём на всех вёслах!

— Добро. А вы что застыли? — крикнул Эймунд хирдманнам. — Аль не рады мне? Сйгольд, образина, хорош детей пугать — слазь с коня! Бья́рне, что, дар речи потерял? Где виса в мою честь? Тйлле, Сту́рле, чего мнётесть, как красны девицы?

Под смешки и весёлые крики хуторян, рутсинги слезали с коней, сердечно приветствовали Эймунда, искали в толпе друзей да знакомцев.

Вниманием Гудмунда завладела Илза, сияющая, как альмарское серебро. Справа от неё стоял Рагнар, слева — Гуннар. Мальчишки пожирали херсира восторженными взглядами.

— Прибей меня Гар, если это не прекраснейшая из хозяек! — воскликнул Гудмунд и склонился в шутливом поклоне. — Не будь здесь твоего мужа, я б тут же дал волю рукам!

— Так дай им волю, могучий херсир, — игриво подбоченясь, откликнулась Илза, — ведь у тебя-то их две!

Кто-то рассмеялся, но большинство подавленно замолчало, видя, как багровеет лицо Эймунда.

— Так-то так, — поспешно откликнулся Гудмунд, — но по тому, что между ног, мы с твоим мужем на равных!

Рутсинги поддержали вождя громким смехом, хуторяне присоединились к ним. Оделман улыбнулся и махнул рукой.

— А это у нас кто, — продолжил херсир, хитро глядя на Гуннара, — хорошенький мальчик или страшная девочка?

Красавчик зарычал и кинулся на обидчика с кулаками. Херсир принял удары мальчишки, ловко ухватил его за волосы и, смеясь, прижал к себе.

— Но-но, пошутил я, — сказал он вырывающемуся Гуннару. — Пара шрамов добавит тебе мужественности. И скоро будет возможность их заработать.

Гудмунд отпихнул драчуна и перевёл взгляд на Рагнара.

— Тебя я не стану дразнить: ты смотришь волком и крепок, как молодой дубок. Занимаешься каждый день?

Кузен утвердительно потрянул длинной чёлкой.

— Горм учит его владеть оружием, — вклинилась Илза, — и говорит, что Рагнар — обоерукий!

— Хо-хо, — херсир взялся за бороду, — обоерукие нам нужны. Отпустишь их со мной следующим летом, брат?

— Почту за честь, — сказал Эймунд. — Но ты ведь не за этим приехал, верно?

— Верно. Мне нужны кое-какие припасы и телеги, чтоб отвезти их к Адальфьорду. Там нас ждут «Морской Пёс» и остальные.

— Куда потом?

— В Поморье, — был ответ. — Оттуда вместе с Хьёрлёвом Быстрым и Аре Пол-ух пойдём в Гулленгрё. Если повезёт, и к вэлам заглянем.

— Понял тебя, брат, — сказал оделман, и Атли показалось, что во взгляде его промелькнула тоска. — Хоть вы и торопитесь, но так просто я вас не отпущу. Не каждый день у нас такие гости! Горм, приготовь повозки! А ты, женщина, — бросил он жене, —

распорядись насчёт пира!

Толпа оживлённо загалдела и начала расходится. Часть хуторян отправилась по своим делам, несколько мужчин ушли с Гормом, а кому-то не повезло попасться Илзе, раздающей указания направо и налево.

Атли застыл в раздумьях. Стоило, наверно, сразу пойти к тётке с повинной, но очень уж не хотелось. Может, лучше укрыться в ближнем лесу да поиграть с Прыгом и Скоком? В кутерьме, царящей нынче на хуторе, вряд ли кто будет его искать. Кому нужен ни на что не годный Подкидыш?

— Атли, вот ты где! — мягкая рука взъерошила его тёмные волосы и плавно опустилась на плечо. — Что случилось? Твоя тётка опять жаловалась на тебя.

— Мама, я...

— Синяк, синяк, ссадина, — Фрэйдис бегло осмотрела лицо сына. — Опять Рагнар с Гуннаром? Атли, — вздохнула она, — если не научишься давать сдачи, так и будешь всё время бит.

— Но они ведь скоро уйдут, — Атли глянул на неё с мольбой, — так?

— Так, — кивнула Фрейдис, — но младшие повторяют всё за ними. И, когда твои братья уплывут за море, здесь найдётся, кому тебя колотить. Ты понял меня?

Атли не ответил. К ним, неторопливо беседуя, приближались Эймунд и херсир. Последний, завидев Фрейдис, остановился и учтиво кивнул. Мать сдержанно поклонилась в ответ.

— Вечером пир. У нас много работы, идём, — сухо сказала она и потянула сына за собой. — Идём, Атли.

И всё же мальчик запомнил, как пристально смотрел им вслед Гудмунд и как на плечо его, словно утешая, легла единственная рука оделмана.

Атли не любил пиры. Взрослые на них громко кричали, пили горькое пиво и странный мёд, от которого мутилось в голове и схватывало горло. Но на сей раз дядя был неумолим, и Атли пришлось занять место рядом с матерью. Которая, по всему, тоже не горела желанием пировать.

Во главе стола посадили Гудмунда, Эймунд сел по правую руку, Илза — по левую. Только что она трясла перед носом херсира зажаренной куропаткой, восхваляя охотничьи способности Гуннара. «Великий охотник» сидел рядом с отцом и строил Атли дурацкие рожи. Рагнар глумливо скалился и заливал в себя кружку за кружкой, стараясь не отстать от взрослых.

Скальду Бьярне по прозвищу Медоглас никак не сиделось на месте. Он постоянно вскакивал. То предлагая здравицу за хозяев, то вспомнив славную сагу, то как сейчас — шлёпнуть по заднице смазливую рабыню, которая принесла наполненный кувшин. Силу Медоглас не рассчитал, и девушка, ойкнув, пролила пиво на Сигольда Полуротого. Худого как жердь, седого, заслуженного рутсинга. Сигольд ощерился и двинул Бьярне в челюсть недогрызенной костью. Это вызвало новый взрыв пьяного смеха, а Бьярне, слегка шепелявя, выдал очередную «забавную» историю.

Напротив Атли с Фрейдис сидели братья-близнецы Тилле и Стурле. Одинаковые, безбородые, с длинными светлыми волосами, они мало пили, а говорили и того меньше. Наблюдать за ними было скучно. Мальчик бросил взгляд на другой конец стола. Гудмунд вежливо внимал болтовне тёти Илзы. При этом порой посматривал на мать. В этих взглядах

Подкидышу чудилась застарелая боль и какая-то мрачная тайна.

Херсир нравился мальчику. В нём не было высокомерной угрюмости дяди Эймунда, пустого бахвальства Медогласа, коварной скрытности Полуротого. От Гудмунда веяло спокойной силой, мудростью и проникновенной усталостью зрелого мужа, воина и вождя. Такой встречает невзгоды со стойкостью камня, а победы — с прозорливым спокойствием.

К тому же он знал отца Атли. Да не просто знал: Гудмунд, Эймунд и Скьягги были друзьями и побратимами. Последние не только смешали кровь в обряде, но и породнились. Илза пошла за Эймунда, Фрейдис — за Скьягги.

Общим вниманием снова завладел Бьярне. Размахивая кружкой, он завёл песнь об альве и волшебной пряже. Хирдманны принялись отстукивать по столу такт костями и кулаками. Фрейдис решительно поднялась и с каменным лицом покинула пиршественную залу. Илза проводила её ехидным взглядом и что-то прошипела вслед. Гудмунд помрачнел и с неудовольствием посмотрел на скальда. Но тот слишком увлёкся, чтобы заметить.

Пел Медоглас и впрямь недурно. Атли заворожённо слушал о девушке, которой альв предложил сделку. Мол, он спрядёт ей в приданое волшебную пряжу, а взамен получит её первенца. Если только она не угадает имя альва. Конечно, злодей оказался хвастливым и глупым, да сам его хитрой девушке выболтал. После чего с позором вернулся в Страну Холмов.

Бьярне закончил и церемонно раскланялся. Взрослые шумно хвалили его и стучали кружками по столам. Атли хмыкнул и засобирался на улицу. В зале стало душно, да и маму не мешало найти. Понятно, что песня про альва напомнила ей о наветах и оскорблениях. Угораздило же пропойцу-скальда из сотен историй выбрать именно эту. Видать, тётка подначила...

Чего альвам вообще дались человеческие дети? Зачем их забирают в Страну Холмов, а взамен оставляют своих подкидышей? Ведь здесь им придётся хлебнуть горя — уж Атли-то знал.

Мальчик вышел из дома. Прыг со Скоком куда-то исчезли, хотя солнце ещё не зашло. Мамы тоже нигде не видно. Навстречу ему попался один из хирдманнов. Вероятно, выходил облегчиться и теперь возвращался к столу.

— Чего хмуришься, малыш?

Атли вздрогнул от неожиданности. Бросил на хирдманна быстрый взгляд — русые волосы, густая борода, широкие плечи — и неопределённо качнул головой.

— Прости, если напугал. Я Рольф, сын Хрольфа.

— Атли, сын Скьягги, — представился мальчик.

— О, так ты племянник оделмана?

Он нехотя кивнул. Наверняка этот Рольф слышал про местного Подкидыша. Что ж, теперь сможет похвастать, что видел диковину воочию. Атли дерзко вскинул подбородок, но ничего обидного в глазах рутсинга не заметил. Они были карие, внимательные, со смешливыми искорками. Долго смотреть в них не получалось — будто неведомая сила отводила взгляд в сторону.

— Вижу, ты не очень разговорчивый, — Рольф улыбнулся в бороду и протянул руку. — Вот, держи. Это Молот Гара.

Он передал Подкидышу грубый железный амулет на кожаном шнурке.

— Гар — воин и кузнец. Разрушитель и созидатель. Защитник Митнагарда от троллей, великанов и прочей нечисти. Носи и будь сильным, как он.

— Спасибо, я постараюсь, — кивнул мальчик.

Хирдманн ещё раз улыбнулся и пошёл ко входу в залу. Атли, затаив дыхание, смотрел на неожиданный подарок. Потом решительно надел символ на шею. Металл был тёплым, и в груди у Атли тоже стало тепло. Осталось найти маму.

Подкидыш. Шаг третий

Рутсинги ушли наутро, увозя с собой телеги, полные припасов. На одну из них также положили Бьярне, который мучился головой и не мог ехать верхом. Горм и ещё пятеро бондов отправились проводить гостей. Атли смотрел им вслед из-за частокола.

До этого, шныряя по хутору, он слышал разговор девушек, которые перебирали зерно. Они, краснея и хихикая, обсуждали хирдманнов Гудмунда. Девчонки! Особенно их занимали Тилле со Стурле, но и про Рольфа кое-что удалось узнать.

Оказалось, бородач родом из далёкой Страны Вэлов. Его привезли как раба на спине «змеи», но он сумел завоевать уважение, почёт и свободу. На усадьбу его господина напала банда налётчиков, и Рольф, сражаясь как бешеный, убил их главаря, а остальных обратил в бегство. Походы с рутсингами только увеличили его славу, и сам Гудмунд позвал его в хирд.

Всадники превратились в еле различимые точки на горизонте. Атли сглотнул и потрогал под рубахой Молот Гара. Сейчас ему стало жаль, что разговора с Рольфом не получилось. Теперь кто знает, когда вернётся на хутор кареглазый вэлец. И вернётся ли — рутсинги часто гибли в походах или оставались на новых землях.

Дядя Эймунд тоже смотрел вдаль. Тоскливо и жадно. Широкие ноздри трепетали от гнева. Оделман свирепо зыркнул на племянника, отвернулся и неровной походкой отправился в дом. Опять будет пить не просыхая, как не раз уж бывало после встреч со старыми товарищами.

День выдался на редкость спокойным. Рагнар с Гуннаром получили в подарок от херсира по богатому ножу и теперь ходили петухами. Подкидыша для них просто не существовало. Илза тщетно пыталась образумить мужа, а посему никто не мешал Атли слоняться и размышлять до самого вечера.

Поразмыслить было над чем. Например, что за цверг пробежал между мамой и Гудмундом? Сколько Атли помнил, Фрейдис относилась к херсиру с уважением. И только теперь стало понятно, что она избегает его внимания. Но почему? Гудмунд — один из самых богатых людей Долины, славный воин и мудрый вождь.

Неужели у них было это, ну, что бывает между мужчиной и женщиной... Как в той висте: «Моря шторма успокоя зóлотом óблака Фреи, песнь лебединая вспять обратила корабль». Разберись тут... Видать, корабль повернуло в другую сторону, и мать больше не хочет знать херсира... Или, может, до сих пор верна отцу?

В её рассказах он представлял героем, который не ведал страха, поступал мудро и справедливо. Но на хуторе об ульфхеднаре Скьягги говорили совсем другое. Редко и тихо, по углам, чтоб не слышала Илза. Будто мать его сношалась с волком, и родился Скьягги с зубами и в серой шерсти. Будто пил без просыху, терзал свою плоть и на людей бросался, как злая собака. А ещё говорили, будто шторм, который его погубил, Фрейдис наслала...

Мальчик искоса посмотрел на мать, занимавшуюся полотном. Мрачна и сдержанна, на лице печаль и усталость. Атли знал — в таком настроении разговорить её не получится. Ну и ладно, ни к чему ворошить прошлое.

Он тихонько поднялся и вышел наружу — захотелось подышать ночным воздухом. Дал о себе знать мочевого пузырь, и мальчик побрёл к отхожему месту. Торопливо развязал штаны и облегчённо выдохнул, наблюдая, как поднимается вверх тёплый пар.

Едва он успел подтянуть штаны и завязать шнурок, слышались голоса. Атли

заторопился в дом. Наверно, люди Горма совершают обход — зачем лишний раз мозолить им глаза? Однако, прислушавшись, замер. Голос матери и чей-то ещё, грубый, мужской, повелительный. Вот они подошли к сараю для сена, вот хлопнула дверь.

Мальчик давно уяснил, что лезть в дела взрослых себе дороже. Но его насторожил тон разговора. Было ясно, что матери спутник неприятен и идёт она не по своей воле. Поэтому Атли быстро и тихо пробрался к стене сарая. Дырка на месте сучка пришлось очень кстати. Он тут же прильнул к ней любопытным глазом.

— Я не понимаю тебя, брат. Я устала за день и хочу спать.

— Да всё ты прекрасно понимаешь!

Дядя Эймунд! И как Атли не узнал сразу? Наверное, потому что дядя был пьян, здоров пьян. Едкий пивной перегар чувствовался даже на таком расстоянии.

— Надоело за тобой бегать! То ты больна, то у тебя дела, то возишься со своим Подкидышем!

— Не смей называть его так!

— Как хочу, так и буду называть! А ты не смей затыкать мне рот, женщина! — Эймунд был не на шутку разозлён, и слова его падали тяжёлыми жерновами. — Ты здесь ничто, пустое место! Вы с ублюдком живы только благодаря мне и Гудмунду!

Атли затаил дыхание. Неужели боги обратили внимание на его робкие помыслы?

— Я благодарна херсиру за это. Он справедливый и мужественный человек.

— Вот видишь, ты не так уж глупа, — усмехнулся оделман. — Гудмунд Магнуссон — мой кровный брат и лучший из всех в этом сраном Митнагарде. Он любит тебя, и ты должна стать его женой!

— Гудмунд Магнуссон — видный жених, несомненно, — мальчик подивился злости в голосе Фрейдис. — Но он опоздал: я верна своему мужу Скьягги.

Дядя Эймунд громко расхохотался. Наверное, так хохочут горные тролли, по вине которых с вершин сходят лавины.

— И поэтому заделала ему ублюдка? — воскликнул он, утирая слёзы. — Ой, не могу — да это ж просто обоссаться можно!

— Атли — сын Скьягги.

— Атли — сын шлюхи! — проорал дядя и со всей силы вмазал кулаком по деревянной стене. — Которая изменила мужу с альмарским недоноском и опозорила род перед всей Долиной! Если бы не Гудмунд, мы бы до сих пор ратились с Гаркелем из-за твоего вонючего трупа!

— У тебя хорошая память, брат, — Фрейдис сложила руки на груди. — Надеюсь, тебе не составит труда вспомнить, из-за кого я стала женой Скьягги?

Эймунд опустил голову.

— Скьягги... проклятый выродок! — пробормотал он. — Как бы я хотел плюнуть ему в глаза перед тем, как он отправился к Селт!

— Ты достаточно оплевал его при жизни, — холодно заметила мать.

— Та девушка, рабыня, должна была стать моей! — словно не слыша, заявил оделман. — Боги ослепили хёвдинга, и он отдал её негодяю Скьягги!

— Ты пошёл против слова хёвдинга, украл женщину кровного брата, оскорбил его... И после этого он — негодяй? — подняла бровь Фрейдис.

— Да! — в бешенстве взревел Эймунд. — Этот выродок отрубил мне руку! Правую руку! Я был воином, славным рутсингом, моя кровь жаждала битвы! И кто я теперь? Жалкий

обрубок, калек, перед которым закрыты врата Гъялдсхейма! Гнию среди баб, тупиц и недоносков, пока другие сражаются...

Дядя уронил голову на грудь и, казалось, сейчас зарыдает.

— Какой же ты дурак, Эймунд, сын Гаральда, — медленно проговорила Фрейдис. — Иногда я жалею, что Скьягги отсёк тебе руку, а не голову...

— Лучше бы голову, — побледнев, прошептал дядя. — Но ты лукавишь, женщина: я вижу это в твоих глазах. Ты ненавидела его не меньше. Он презирал тебя: ты была вирой за ту рабыню, вещь, заложницей...

— Замолчи!.. Он был моим мужем, — процедила Фрейдис.

— Он был подонком, чудовищем, — так же тихо продолжил Эймунд. — Ты молила богов, чтобы он не вернулся с похода. И они услышали. Теперь ты свободна, а мне он оставил подарочек... Свою сестрицу, змеюку Илзу!..

— В этом тоже подсобил твой премудрый херсир.

— Не трожь Гудмунда, женщина! — взревел оделман. — Он сделал это ради нас! И заплатил ту же цену, что и ты!

— Ради тебя, — холодно заметила Фрейдис. — Но раз мы с ним в расчёте, то я не хочу продолжать этот разговор.

— Да мне плевать, хочешь ты или нет! В этой усадьбе повелеваю я! И ты станешь женой Гудмунда, иначе буду отрезать твоему Подкидышу палец за пальцем!

— Если с головы Атли упадёт хоть волос, — прошипела Фрейдис, — лучше сразу убей меня, брат. Потому что я доберусь до тебя!

— Да клал я на твои угрозы. Мне надоела болтовня. Я хочу пива и крови!

Дядя решительно направился к двери, но мать преградила ему дорогу.

— Я поговорю с Гудмундом.

— Вот, так бы сразу! — расхохотался оделман. — Ты совсем двинулась на своём Подкидыше, сестра. Он что, того альмарского дристуна напоминает?

Фрейдис ударила сильно, с оттягом. Так, что даже грузный Эймунд пошатнулся. На дядиной роже вспышкой проявилось изумление, которое тут же сменилось бешенством.

— Дрянь! — взревел он и отшвырнул сестру.

Та ударилась в стену и осела на пол, опустив голову.

— Мама! — закричал Атли и ворвался в сарай.

Оделман мгновенно развернулся к нему. Грудь его вздымалась как кузнечные меха, глаза налились кровью, огромный кулачище покачивался взад-вперёд.

— Ты! — проскрежетал дядя. — Ты, маленький сукин сын!

Сознание Атли будто раздвоилось. Одна его часть заморожено наблюдала за тем, как медленно, словно продираясь сквозь толщу воды, бредёт к нему разгневанный Эймунд. Другая же лихорадочно придумывала, что делать.

Словно лёгкий ветерок, прошелестели слова матери:

— Беги, сынок...

И всё вернулось на свои места. Мальчик опрометью бросился к двери — ручища оделмана схватила пустоту. Он ринулся в погоню, запнулся о порожек и с громким проклятьем растянулся на земле. Атли был уже далеко.

Когда хутор скрылся за пологом кривых ветвей предгорного леса, Подкидыш перевёл дух и попробовал сообразить, что же делать дальше. Теперь ведь ясно как день — он не сын

Скьягги.

Его отец — неизвестный гуляка с дальнего юга. И все об этом знали, но предпочитали лгать, чтобы снять с клана позорное клеймо! «Так постановил тинг», — мальчик зло сплюнул и потёр кулаками сухие глаза. Хотелось плакать, но гнев словно выпарил слёзы.

Порыв ветра обдал осенним холодом, листья жалобно зашелестели, в тёмной чаще почудилось злобное ворчание, треск веток и тяжёлые шаги. Испугавшись, Атли побежал дальше и вскоре наткнулся на уютную полянку. Здесь было тихо и сухо, тревога отступила. Можно передохнуть.

Мысли тут же вернулись к его невесёлой истории. Теперь понятно, в кого он вышел статью, цветом глаз и волос. Альмары были неизменными гостями большой ярмарки в Долине. Смуглые носатые люди, торговцы диковинными безделушками, породистыми конями и волшебными зельями. То-то дядя Эймунд кривился при одном их упоминании!

В общем, Атли действительно повезло, что Скьягги не добрался до дома. Реши он умертвить ребёнка, никто бы это не оспорил. И что теперь? Как жить дальше? Делать вид, что ничего не произошло? Радоваться, что обзывают Подкидышем, а не Ублюдком? Чем больше он думал об этом, тем меньше ему хотелось возвращаться.

Уйти? Но куда? В Долине его каждая собака знает — быстро вернут домой. Перевалите горы и напроситесь к саммёпам? Он точно не осилит путь один, без еды, наобум. Пойти на побережье и сесть на корабль, идущий в Поморье? Но ведь и заплатить будет нечем...

В унынии Атли уставился в куст орешника и едва не рухнул с коряги, на которой сидел. Прямо из куста на него пялились два огромных зелёных глаза. Заплетаясь, он пробормотал заговор против варульвов....

Глаза, сверкнув, приблизились почти вплотную... и оказались небольшими болотными огоньками. Почти такими же, как...

— Прыг, Скок? — не веря, прошептал Атли. Огоньки отрицательно качнулись. — Тогда кто вы?

Вместо ответа пришельцы переместились влево и призывно мигнули. Подкидыш отбросил сомнения: идти и так некуда, а тут ему указывают путь. Встал с коряги и пошёл за зеленоватым свечением, как корабль на маяк.

Подкидыш. Шаг четвёртый

Наблюдая за проводниками, мальчик понял, чем они отличались от его зайчиков, кроме цвета. Эти огоньки держались очень строго и организовано, не позволяли себе шалить и разбегаться, плыли медленно и величаво. Атли стало не по себе от такого открытия. Чья-то воля вела его через ночной лес — непонятно, злая ли, добрая и зачем он ей вообще понадобился. Но продолжил идти за огоньками, стараясь, впрочем, запоминать дорогу.

Идти пришлось долго, продираясь через цепкий кустарник, оскальзываясь на влажном мхе, перескакивая быстрые ручьи. Наконец его вывели на просторную поляну, посреди которой лежал большой плоский камень. А на камне стоял некто высокий в длинном зелёном плаще с капюшоном. Огоньки почтительно сверкнули и заняли место над его плечами.

— Здравствуй, Этельстен.

Голос был приятным, он словно щекотал виски, помогал довериться говорившему.

— Здравствуйте, — слегка склонился мальчик. — Я — Атли.

— Атли? Да, она тоже называла меня этим странным коротким именем, — рассмеялся незнакомец. — На самом деле, ты, как и я, Этельстен.

Он откинул капюшон, и мальчик застыл в изумлении. Тонкие, точёные черты лица, огромные тёмные глаза, длинные, цвета воронова крыла волосы — всё в нём было прекрасно, почти совершенно.

Атли с восторгом осознал, что именно таким видел себя в грёзах. Открывающим неведомые земли. Спасаящим маму от жутких тварей. Побеждающим отпетых негодяев, подозрительно похожих на Рагнара с Гуннаром. Но больше всего вдохновляло чувство связи с этим полубогом. Ощущение, что он видит его, Атли, мысли, чувства, разделяет боль и радость.

Этельстен улыбнулся и понимающе кивнул. В голове Подкидыша сама собой зазвучала мелодия, которую напевала у колыбели мама. Заслушавшись, он и не заметил, как местность позади Этельстена преобразилась. В небытие канули переплетения древесных корней, сучьев, ветви кустарников — до самого горизонта простиралась равнина.

Серебристая трава её мягко шелестела, приглашая коснуться. Звёзды на тёмно-синем небе казались такими близкими, что протяни руку — и возьмёшь в ладонь. Повсюду холмы, будто сторожевые вышки вокруг усадьбы могучего оделмана. А над их верхушками мириады разноцветных огоньков кружили в хаотичном, но восхитительном танце.

— Добро пожаловать в Страну Холмов, сын.

— Отец, — прошептал Атли и, всхлипнув, бросился к неподвижной фигуре.

Но его встретила пустота. Он помотал головой и увидел альва чуть поодаль.

— Сожалею, Этельстен, — печально сказал он, — но я не смогу прикоснуться, пока на тебе есть то, что люди зовут «железом».

— Да-да, сейчас! — торопливо проговорил Атли, копаясь в поясном мешке.

Но в нём ничего не было, кроме маленькой берестяной дудочки. «Что же ещё?» — спрашивал он себя, замерев. Рука его скользнула по груди, задев кожаный шнурок. Мальчик сглотнул и медленно снял амулет-молот, подаренный Рольфом.

Грубый треугольник на ножке, похожий на странный гриб... Память о единственном человеке, кроме мамы, который был к нему добр.

— Спасибо, — прошептал Атли, — спасибо и прости. Мне больше не нужно быть сильным.

Он размахнулся и бросил вещицу в заросли у края поляны

В этот же миг чудесные холмы придвинулись ближе, слух и обоняние наполнили новые звуки и запахи. Этельстен одобрительно улыбнулся.

— Обними же меня, сын. Наконец-то Великие Звёзды соединили наши пути, и встреча состоялась. Я знаю, тебе через многое пришлось пройти, — сказал он, поглаживая волосы мальчика, — но пришёл черёд оставить мир, где тебе не рады, и занять своё истинное место.

— Значит, я никакой не Подкидыш? — шмыгнул носом Атли.

— Конечно нет. Ты сын — мой и твоей матери, смертной женщины.

— Фрейдис, её зовут Фрейдис, — сказал мальчик.

— Да, Фрейдис, — альв улыбнулся, обнажив безупречные зубы.

Теперь Атли понимал маму. Рядом с таким красавцем херсир казался толстым уродливым цвергом, настырным и грубым. Неудивительно, что она отвергла его ухаживания. Ничего, сегодня они с отцом заберут её в Страну Холмов и будут жить там долго и счастливо!

— Скажи, они есть у всех нас? — спросил он, глядя на огоньки.

— Да, — был ответ, — мы называем их «ви». При должной тренировке они становятся отличными слугами и помощниками. Главное, не позволять им распускаться.

— Но Прыг и Скок мои друзья, — мальчик удивлённо посмотрел на отца. — Они помогают мне, а я с ними играю...

Огоньки над плечами альва слегка вздрогнули, выражая одобрение. Но тут же застыли под холодным взглядом хозяина.

— Тебе ещё многому предстоит научиться, Этельстен. Жизнь нашего народа не одни лишь игры да песни, как полагают глупые смертные. У Страны Холмов есть могущественные враги, и только Стражи Границы могут биться с ними на равных.

— Стражи Границы?

— Да. Величайшие воители нашего народа. И ты можешь стать одним из них, Этельстен. Но только после долгих стадий тренировок и послушания. Готов ли ты к послушанию, сын?

— Готов, — горячо заверил Атли, — я буду послушным, отец.

— Тогда нам пора. Следуй за мной, Этельстен.

Альв поднял руку, и прямо в воздухе возникло золотистое мерцание. Миг, и внутри него проявились очертания какого-то помещения. У Атли захватило дух, но он так и остался стоять на месте.

— В чём дело?

Альв развернулся и посмотрел на сына в упор. Огоньки над его плечами мелко задрожали.

— Отец, а мы возьмём с собой маму?

— Это исключено, — покачал головой Этельстен. — Воздух Страны Холмов гибелен для простых смертных.

— Но... она же будет искать меня...

— Я пошлю ей весточку, — заверил альв, — а теперь идём. Идём, сын!

Атли застыл в раздумье. Он возвращался домой — в чудесную страну. С ним отец, который нашёл его. Лучший отец на свете! Казалось, о чём тут размышлять — просто

сделать шаг и всё. Также, как пошёл за огоньками. Но что ему известно об этой Стране Холмов? То, что сейчас рассказал Этельстен, да несколько сказок про волшебный народ.

Что там было-то в сказках? И были ли сказки?..

Он пытался вспомнить, но у него не получалось. Мысли унеслись далеко вперёд, где воин в радужных доспехах крушил сверкающим мечом шеренги отвратительных созданий. И воин этот он — Атли! Страна Холмов ждёт, он нужен ей, там его место. Надо идти, отбросив детские глупости! Мама поймёт!

Мама... Атли вызвал в памяти её красивое бледное лицо со светлыми косами под льняной косынкой. Добрые, привыкшие к труду руки. Ласковые серые глаза. Каково ей придётся здесь совершенно одной? Мама всегда была рядом, любила, поддерживала... Отец же пришёл только сейчас...

«Будь сильным». Радужный воитель повернулся к нему лицом. Из прорези шлема на Подкидыша прямо смотрели знакомые карие глаза. Смотрели с вызовом. И мальчик решился.

— Я должен увидеть её в последний раз, — твёрдо произнёс он. — Сказать, что люблю её и что всё будет хорошо.

Но отец был непреклонен.

— Мы должны идти, Этельстен. Ты обещал слушаться.

— Почему мне нельзя?

— Первое правило, — тон прекрасного голоса сменился, стал ледяным. — Не задавать вопросов старшим.

— Я уйду! — рассерженно воскликнул Атли.

— Я должен доставить тебя к старейшинам, — сухо произнёс отец, — и я это сделаю.

Огоньки, хищно сверкнув, полетели к мальчику. Тот ринулся прочь.

Атли бежал по лесу, рискуя переломать ноги, совсем не разбирая пути. Внезапно что-то тугое и липкое обвилось лодыжку и резко дёрнуло. Он вскрикнул и упал, сильно ударившись ладонями и коленом. Неведомая сила тащила его назад. Туда, где мерцал золотой полукруг и стоял, скрестив на груди руки, отец.

— Не хочу-у-у-у-у! — взвыл Атли, из последних сил цепляясь за мох, корни и жидкие кустики на краю поляны.

Но бестолку — альв и мерцание неумолимо приближались.

Один из ви плыл совсем рядом. Мальчик с ненавистью уставился на огонёк. Тот сочувственно моргнул в ответ.

«Пожалуйста, помоги мне!» — уже ни на что не надеясь, прошептал Атли.

Огонёк смущённо потупился и вдруг ярко вспыхнул.

Совсем рядом тускло блеснул металл. Рука сама сорвала кожаный шнурок с амулетом с ветки кустарника.

Сзади раздался страшный крик, и невидимое щупальце, тянувшее за лодыжку, исчезло. Атли быстро надел амулет Гара и вскочил на ноги. Золотистое мерцание пропало. Этельстен хрипел и корчился, прижимая к груди правую руку, будто обжёг или обварил её кипятком.

— Отец! С тобой всё в порядке, отец? — окликнул его Атли, но тут же осёкся.

Взгляд, полный боли и дикой злобы, прошиб его до пота.

— Ты... Ты... — прошипел альв. — Ты посмел ослушаться... Маленький грязный se'isse! Надо было дать тебе сдохнуть!

— Что? — спросил Атли, не веря своим ушам.

— Только благодаря мне ты и твоя мать до сих пор живы! Это я наслал шторм, в котором погиб Скьягги Гаркельсон!

— И где ты был всё это время? — медленно проговорил мальчик. На глаза навернулись слёзы. — Почему пришёл только сейчас?

Альв успокоился, посмотрел на него внимательно и проникновенно.

— Я не мог раньше, нужно было убедить старейшин... А сейчас нет времени, сын. Я пришёл за тобой, потому что ты в опасности.

— В опасности?

— Старый тролль Тогнондахр очнулся от спячки. Голод и злоба привели его сюда.

— Тролль? Но если он набредёт на хутор...

— Люди справятся, — отрезал Этельстен. — Они извели почти всех троллей на этой земле. Что им убить ещё одного?

— Но там же дети, женщины... ТАМ МАМА! — растеряв остатки терпения, прокричал Атли. — Идём быстрее, ты должен их спасти!

— Нет. Ты должен оставить мир людей. Ты — один из нас.

— Не хочу быть одним из вас! — вскинулся Атли, чувствуя прилив небывалой злости. — Ты лжец! Она тебя ждала, а ты бросаешь её на съеденье троллю! Ненавижу тебя и твою Страну, проглоти её Фенриз!

В небе ухнуло. Сияние Страны Холмов померкло, отдалилось. Ясное небо заволкло покрывалом туч. Этельстен выпрямился, во взгляде читалась грусть.

— Твои слова ранили меня, сын, — медленно произнёс он. — Ты проявил ужасающее неуважение и непослушание. Но ещё не поздно вернуться.

— Нет.

— Твоя жизнь слишком ценна, чтобы рисковать ей.

— Так защити меня, раз ты мой отец.

— Не могу, Этельстен, — покачал головой альв. — Ты сделал выбор и знаешь всё, что нужно. Прощай.

И вмиг исчез, будто не было. Атли мгновение тарашил глаза, потом стремглав помчался к хутору. Рука нащупала в мешке маленькую берестяную дудочку.

Тролль был огромен. Если поставить друг на друга все три дома, получится как раз ровень с его уродливой головой, словно вытесанной из острой скалы. Мощные лапы с крючковатыми пальцами споро срывали крышу с коровника. Хвост с жёсткой кистью волос напоминал длинную шипастую дубину. Глумливо ворча, тролль запустил в загон лапу, потом вторую. Скотина уже скорее выла, чем мычала. Послышался хруст позвонков и рёв обречённого животного.

Горм с проклятьем метнул копьё, которое отскочило от каменной шкуры чудовища. Сигурд и Свен тихонько пробирались вдоль стены с большим мотком верёвки. Но вряд ли у них получится запутать ноги гиганта и повалить на землю... Очень уж здоров тролль.

«Значит, придётся мне», — вздохнул Атли и приложил дудочку к губам. Над растревоженным хутором зазвучала звонкая задорная мелодия, от которой хотелось пуститься в пляс. Напряжённые бонды, сами того не замечая, стали притоптывать в такт.

Тогнондахр выпустил добычу и повернулся на звук. За спиной его стоял мальчик и наигрывал на дудочке. Вернее, Атли просто держал её у рта, а играла дудочка сама — так

ему казалось. Тролль шумно фыркнул и сделал шаг. Потом ещё один, медленный и нетвёрдый.

— Верёвку! Быстрее, сукины дети! — злобно проорал Горм и бросился к Свену и Сигурду.

Обернуть несколько раз, навалиться всем миром... Вдруг запнётся каменная туша и рухнет, пускай даже на один из домов.

Но тут Атли подвели его бедные усталые ноги. На каждый шаг Тогнондахра ему приходилось отступать на пять своих. Немудрено, что он споткнулся и упал на спину. Дудка выскочила из рук и откатилась в сторону.

Тогнондахр помотал головой, а потом лёгким усилием стряхнул бондов, уцепившихся за верёвку. Те бросились врассыпную, как жуки из-под камня. Взгляд твари остановился на Атли. Маленькие глазки загорелись злобой. Кулак размером с утёс взмыл вверх.

Подкидыш оцепенел от ужаса и мог только наблюдать, как идёт на него убийственная громада...

Чи-то руки вцепились в его плечи, подняли рывком, швырнули в сторону. Атли упал на жёсткую землю. Чудовищный кулак опустился с грохотом оползня совсем рядом.

Атли зашевелился, моргая и кашляя от пыли. Его спаситель был тут как тут.

— Поднимайся! — прокричал он, тряхнув длинной чёлкой.

Рагнар!

Атли раскрыл рот, а кузен, бормоча проклятия, схватил его за руку и потащил за собой. Вовремя. Волной от удара их швырнуло на землю.

На этот раз Подкидыша не пришлось уговаривать — он быстро поднялся и рванул влево. Рагнар понял без слов и побежал вправо. Тогнондахр завертел головой, не зная, кого из мальчишек преследовать. Потом взгляд его остановился на загоне, где билась заломанная корова и жались к стенам другие. Тролль фыркнул, выпустил изо рта длинные отвратительные слюни и решительно двинулся туда. Ему не терпелось продолжить трапезу.

Мальчики встретились за санным сараем.

— Где дудка? — спросил Рагнар, привалившись к стенке.

— Нет больше дудки, — тяжело дыша, ответил Атли, — одни щепки остались...

— Цверги, — сын Эймунда сплюнул на землю. — Мы покойники. Эту тварь ничем не проймёшь!

— Первый луч солнца обратит его в камень, — вспомнил Атли фразу из сказки.

— Думаешь, он не знает? — оскалился Рагнар. — День переждёт в горах, а следующей ночью вернётся! Ты понимаешь? Хутору конец!

Подкидыш выглянул за угол. Тогнондахр как раз занимался коровой, поглощая переднюю часть разодранной надвое туши. Атли чуть не вырвало, и он поспешил вернуться к брату.

— Где моя мама?

— Женщины, старики, дети ушли к Адальфьорду, — ответил кузен. — Здесь только Горм и его ребята.

— А твой отец и брат?

— Отец... — Рагнар опустил глаза. — Ему досталось... Он ровно обезумел — кинулся на него один, с мечом...

«Кто я теперь? Жалкий обрубок, калека, перед которым закрыты ворота Гъялдсхейма!» — вспомнил Атли. Вот оно что!

— Горм вынес его. Хвала Хёгану, тварь отвлеклась на коров...

— А Гуннар?

Ночной воздух потряс ужасающий рёв, от которого заложило уши. Мальчишки даже присели от неожиданности, но тут же выглянули за угол. Тогнондахр, продолжая реветь от боли и злобы, носился по хутору, размахивая лапами, круша всё на своём пути. Его хвост, длинный пушистый хвост был объят пламенем! До ноздрей добрался смрад палёного волоса.

— Вот тебе и Гуннар! — прокричал сын Эймунда, указывая на фигурку, которая, петляя, бежала прочь от коровника.

Присмотревшись, Атли разглядел в руках кузена копьё с примотанной к наконечнику паклей. Пакля ещё тлела. Ай да Гуннар! Ай да цвергов сын!

Люди приободрились и принялись швырять в тролля жерди, вымоченные в тюленьем жире. Горели они хорошо, но особых неприятностей чудищу не доставили. Хвост его потух и обуглился, и Тогнондахр был зол, очень зол. Он перестал метаться и начал охоту на своих обидчиков.

Бондам пришлось туго. Сигурд и Свен чудом успели отскочить — бочка с жиром превратилась в большую кляксу на земле. Горм и зять его Хельги, мастерившие из верёвки огромный силок, сами чуть не попались троллю.

Рагнар помянул цвергов и бросился на помощь защитникам хутора. Атли собирался последовать за ним, но его остановила неожиданная догадка. «Отец сказал: я знаю всё, что нужно. Что я знаю?»

Двое человек спрятались в доме. Тогнондахр заметил и теперь разносил его по брёвнышку. Остальные принялись кричать и стучать в щиты, но страшилище твёрдо решило добраться до бедолаг.

«Что я знаю? О троллях, об альвах?» При мысли об альвах в голове зазвучала песня Бьярне.

Тролль нагнулся над сорванной крышей и торжествующе заревел. Мгновенье спустя его лапа выхватила из месива досок и перекрытий человеческую фигурку. И медленно поползла к ужасной пасти.

«Имя! Я знаю имя!»

— Тогнондахр! — раздался звонкий мальчишеский голос.

По телу тролля прошла судорога, крючковатые пальцы разжались и выпустили добычу. Толстая шкура покрылась трещинами и осыпалась мелкой каменной крошкой. Из чудовищной глотки вырвалось что-то похожее на стон.

— Тогнондахр!

Тролль взревел, словно от боли, и повернулся.

— Догони меня, старая развалина! — прокричал Атли и кинулся наутёк.

Подкидыш. Шаг пятый

Никогда в жизни Атли не бежал так быстро. Ног он почти не чувствовал, земли под ними — тоже. Словно летел птицей в странном, замедлившемся мире, который неуловимо походил на отвергнутую Страну Холмов. За спиной гулко б́ухали шаги тролля.

То, что тварь ещё не догнала его, было чудом. Но некогда придумывать объяснения чудесам. В голове стучалось только одно: Аргово Ущелье. Если он успеет пересечь мост, троллю его не достать.

И Атли успел.

Опустившись на каменистую почву, он наблюдал, как ярится на той стороне тролль. Сердце едва не выскакивало из груди, а ноги совсем не слушались. Но вид обескураженного чудовища придавал силы.

— Хлипкий мостик, да? — крикнул Атли, забавляясь. — Не выдержит такое прожорище! Как же ты достанешь меня, Тогнондахр, глупая каменная голова?

Глазки тролля налились кровью и стали напоминать маленькие угольки. Он протянул к Атли скрюченную лапу и зарычал.

— Давай! — подзадоривал его мальчик. — Иди ко мне! Если ты меня не схватишь, я всем расскажу, как зовут старого, толстого, глупого тролля!

Тролль заревел и отступил на шаг. Потом ещё и ещё. «Что он делает?» — удивился Атли.

Тогнондахр рванулся вперёд. Громадная туша взмыла в воздух и, выставив длинные ручищи, обрушилась на другую сторону ущелья.

Грудь тролля с грохотом врезалась в кручу, но шесть сильных узловатых пальцев вцепились в поверхность, не дали хозяину съехать вниз. Чудище поднатужилось, подтянулось и занесло на твёрдую землю свои короткие кривые ноги. Мальчик в ужасе наблюдал, как исполин поднимается, закрывая собой небо.

Тогнондахр расправил плечи и злобно загоготал. От этого смеха всё внутри Атли сжалось. Последние силы исчезли струйкой воды в горячем песке...

— Отец, — прошептал он, — спаси меня, отец...

Рядом с головой тролля зажглись два зеленоватых огонька. Тогнондахр бестолково ухнул и во все глаза уставился на незваных гостей. Огоньки гневно засверкали и пошли в атаку. Глаза-то и были их главной целью. Раз за разом налетали они и жгли снопом ярких изумрудных искр. Тролль нелепо размахивал лапами и громко визжал от боли и ярости. Но страшные удары проходили сквозь ви без всякого вреда, а искры сыпались нескончаемым потоком.

Одна из них попала Тогнондахру в ноздрю. Тролль завертелся на месте, потерял равновесие и с рёвом рухнул в Аргово ущелье, захватив с собой мост. Громыкнуло так, что затряслись скалы. Атли бросился к краю и, оцепенев, глядел на громадное пятно, полностью перекрывшее реку. Оно лежало на месте и не двигалось.

Два маленьких блуждающих огонька спустились и повисли перед лицом Атли.

— Спасибо, — выдохнул он. — Что такое? Это... вы?

Прыг — более зелёный, чем изумрудный — и Скок — более изумрудный, чем зелёный — жалобно мигнули. Свет их поутих, стал прерывистым. Видно, битва забрала много сил.

— Вы никогда не приходили ночью, — волнуясь, прошептал мальчик, — вам от этого

плохо, да? — Огоньки запрыгали, подтверждая. — Тогда идите спать! Завтра поговорим!

Прыг и Скок немедленно сузились и растаяли в предутреннем воздухе.

— Атли! Атли! Как ты там?

Мальчик поднял голову и увидел на той стороне всадников. Гуннар и Хельги.

— Я в порядке! — прокричал он. — Тролль упал в ущелье!

— Мы видим! — прозвучало в ответ. — Сейчас бросим тебе верёвку!

Ещё вчера он и представить не мог, что вскоре поедет на одной лошади с Гуннаром. А сейчас даже не думал об этом — усталость навалилась и сковала его, как боги Фёнриза. Хотелось только убедиться в том, что с мамой всё в порядке, а потом спать, спать и спать. Стук-постук копыт да покачивание убаюкивали не хуже колыбельной.

— Приехали!

Атли недоумённо закрутил головой — сам не заметил, как задремал.

Картина разгрома потрясала. Два дома заметно покосились, третий вообще придётся перестраивать. Конюшню тролль съёл начисто, коровник лишился крыши... Да в каждой постройке найдётся, что латать. Работа хуторянам предстояла нешуточная.

Атли слез с коня и обнаружил, что все взгляды прикованы к нему.

— Живой! — Рагнар оттолкнул стоявших на пути и стиснул кузена в медвежьих объятиях. — Живой, клянусь костями Селт!

Не все разделяли радость сына Эймунда. Кое-кто из хуторян поглядывал настороженно, не выпуская оружие из рук. Откуда-то сбоку явился Свен — чумазый, растрёпанный.

— Атли... — будто не узнавая Подкидыша, сказал он. — Атли, брата моего спас! И я тебе жизнью обязан — тоже в том доме был!

Свен горячо обнял спасителя.

Гуннар принялся стучать по земле древком копья. Рагнар в такт мощно бил в ладоши. Их поддержали другие. К Атли потянулось множество рук. Люди хлопали его по плечам, трепали волосы, смеялись, называли счастливчиком и троллеборцем. И, хотя Атли предпочёл бы лечь подремать, внутри вдруг стало тепло-тепло и приятно-приятно. Так, будто он странствовал в чужих непонятных краях, а теперь вернулся домой.

— Хорош, хорош, замучили парня, — это Горм пробился сквозь тесный круг и взял Атли под свою опеку. — Ему ещё к оделману идти. Слышишь, герой, дядя тебя видеть хочет.

— Да, Атли, — улыбнулся Рагнар, — иди, проведай его.

Эймунд лежал на скамье в доме и тяжело дышал. Левый бок сильно распух — видимо, досталось по рёбрам. Правая нога неестественно вывернута. Что уж говорить про многочисленные синяки и ссадины?

— Вот и герой пожаловал, — непонятным тоном произнёс он. — Скажи на милость, кто ты такой, а?

— Атли, сын Скьягги, — сказал мальчик, проводив взглядом ушедшего Горма.

— Да перестань. Будь ты сыном Скьягги, я придушил бы тебя в колыбели!

— Вы хотели попасть в Гъялдсхейм, да? — перебил его Атли.

— Цверги, — прохрипел оделман, — ты догадлив. Да, я хотел уйти пировать с Хёганом. Он любит безрассудных, — Эймунд закашлялся. — Однако норны сплели по-другому.

— Я рад, — искренне ответил Атли.

— Значит, обиды не держишь? Добро, — дядя облегчённо вздохнул и замолк, размышляя. — Раз уж ты вернулся, и мы все у тебя в долгу, проси, чего пожелаешь. Выполню

— слово оделмана.

— Да ничего мне не надо, — устало отмахнулся Подкидыш. — Только понять хочу, что за дела у моей матери с херсиром?

— Это старая, грустная история. Они полюбили друг друга чуть не с первого взгляда. Но тогда, ужасно давно, Гудмунд был простым рутсингом, и наши родители дали ему от ворот поворот. Он не вылезал из походов, добывая золото и славу, чтобы однажды вернуться и забрать свою Фрейдис. Я и Скьягги помогали как могли. Из-за нас всё и пошло Фенризу под хвост...

Эймунд покачал головой, хмурясь.

— Как-то раз твой дядька смертельно оскорбил Скьягги и лишился за это руки. Никто из нас не принял бы виры — очень уж злы были друг на друга... А это означало войну. Клань сошлись бы в кровавой бойне, мстя одни — за оскорбление, другие — за увечье родича. Гудмунд пытался нас образумить, но тщетно. И вот как-то Скьягги ляпнул, что откажется от мести, если получит Фрейдис. Он давно на неё заглядывался, бессердечный подонок! А мне нравилась Илза — я ж не знал, что она змеюка... Гудмунд взял с нас клятву, и по прибытии мы сыграли две свадьбы. С тех пор твоя мать ненавидит Гудмунда, а Гудмунд — себя.

Атли потрясённо молчал, не зная, что сказать. Дядя снова закашлялся.

— А почему вы назвали меня альмарским ублюдком? — наконец спросил мальчик.

— Мне донесли, твоя мать тайно встречалась с ихним торговцем. Тот был недурён собой, и я думал, это шашни в отместку мужу. Он бил и унижал её, грязное животное. Но теперь понимаю, что тут другое.

— Что другое?

— Зелье. Альмары продают зелья. Она не хотела понести от Скьягги.

— А потом встретила моего настоящего отца, — пробормотал Атли.

— Да. Скьягги точно прибил бы вас в ярости, но выродка прибрало море. Его отец, Гаркель Олавсон, потребовал на тинге смерти для тебя и Фрейдис. Мол, ты ублюдок, она — колдунья. Но Гудмунд Магнуссон утёр ему нос, как сопливому мальцу, — во взгляде оделмана блеснула гордость. — Скьягги был ульфхеднаром, сказал он, а их дети всегда отличаются. Нашёл какого-то старика, который видывал не одну бурю при ясной погоде у тех берегов. Тинг вас оправдал. Вот, думал я, сейчас и свадебку сыграем. Но Фрейдис упёрлась, и ни в какую. Будто ещё больше херсира возненавидела...

«Немудрено», — подумал Атли, припомнив дурманящие речи альва. Вслух же произнёс:

— Я поговорю с ней.

— Добро! И вот что, Атли, давай-ка занимайся вместе с Гуннаром и Рагнаром. Горму я скажу. Хочу, чтобы ты отправился за море с ними.

— Почту за честь, — поклонился Подкидыш. — Но сначала на стройке помогу: столько всего порушено...

За спиной раздались торопливые шаги, и, едва не снеся племянника, в дом ворвалась Илза. Плача и причитая, устремилась к закатившему глаза Эймунду. Атли почёл за лучшее скрыться в дверном проёме.

И почти сразу попал в объятия матери. За её спиной мужчины помогали детям и женщинам слезать с лошадей, разгружать захваченные второпях пожитки.

— Атли...

— Мама!

Фрейдис в кои-то веки без косынки — не до неё было во время ночного погрома. Атли зарылся в светлые волосы и нашёл то, чего раньше не замечал. Маленькая изящная заколка в виде листа дерева. Нездешнего дерева. Он нахмурился и взял её двумя пальцами. Заколка превратилась в пыль, что тут же исчезла. Мать замерла и всхлипнула. Атли крепко обнял её, глядя, как поднимается из-за посветлевшего горизонта алый шар солнца.

— Во, на месте лежит! Почернел весь и растрескался! — крикнул Гуннар, свесившись с края обрыва.

— Всю речку перегородил, — покачал головой Рагнар, — целый порог получился.

— Троллий порог, — усмехнулся Атли. — Пусть теперь так называется.

— Точно, — просиял Гуннар. — Крепко лежит. Не верится, что ночью эта каменюка бегала и крушила дома.

— Настанет день, когда детям расскажут сказку о том, как появился Троллий порог... А они будут глазеть да не верить...

— Ага, — поддержал кузена Рагнар. — И будет в этой сказке про Атли Троллью Смерть, и про Рагнара Обоерукого, и про Гуннара Красавчика...

— И про сломанный мост, и про тролличий хвост, — закончил последний.

Мальчишки рассмеялись.

— Знаешь, твоя мать смотрит в сторону моря, — вдруг сказал Гуннар Атли.

— А ты что, смотришь за моей матерью?

— Нет, просто я тоже туда смотрю.

— И я, — признался Рагнар. — Херсир вернётся и возьмёт нас с собой. Он обещал.

— И тебя тоже. Мы теперь братья по оружию и везде должны быть вместе.

— Придётся, — вздохнул Атли, — пропадёте без меня. Тролли сожрут...

— Добро, — протянул Рагнар, и все опять засмеялись. — Ладно, хорош штаны протирать. Нас за чем послали? За хворостом. Так вперёд!

— Слушаюсь, мой херсир!

— Ох, договоришься ты, братец...

Сыновья Эймунда, шутливо переругиваясь, побрели к чахлым деревцам. Атли задержался на краю ущелья и посмотрел вниз. Вода горной речки, бурля, преодолевала Троллий порог и неслась дальше, к морю. В голову пришла какая-то умная мысль, но тут перед глазами возникли две яркие жёлтые точки.

— Здравствуйте, сони, — улыбнулся мальчик, — вас только не хватало. Айда собирать хворост!

Солнечные зайчики сердито запрыгали и помчались вдогонку.

Никто не заметил, да и не мог заметить две фигуры, наблюдавшие с кручи.

— Что ты затеял, Волосатое Лицо? — спросил первый. — Почему помешал забрать его? Мальчишка мог погибнуть.

— Я и не мешал. Он выбрал сам. Слегка помог, только и всего.

— Он быстро всё схватывает, но ему не хватает послушания!

— В нашем деле это не главное, Этельстен. Поверь мне — из парня выйдет толк! — сказал второй и отвернулся.

В прорези радужного шлема насмешливо сверкнули карие глаза.

На север. Шаг первый

«Какая же холодная в Велласконе осень», — поёжился Хиттер Фрай, краем уха слушая болтовню своего спутника. За время пути болтовня эта стала чем-то вроде мелкого дождя или хлюпанья грязи под копытами — постоянным, ритмичным и неизбежным.

«Работа у него такая — языком молоть, — лениво подумал наёмник. — А моя работа — довести его до Альсбрука, в целости и сохранности». Альсбрук — город большой, там и к купцам наняться можно. А пока — раз дёрнули Ночные связаться с Культом Создателя — будь добр, терпи. Тем более что заплатить обещали неплохо.

Жрец был невысокий, полноватый, с носом, похожим на утиный. С лица его, казалось, не сходило восторженно-умилённое выражение. Маленькие блестящие глазки прямо источали елей. Однако Хиттер несколько раз замечал, как взгляд их мутился, становится цепким и тяжёлым. «С людьми священными держите ухо востро, — поучал Генрих Фрай-старший своих отпрысков. — В устах мёд да патока, да каменюка за пазухой!» Старик прав. В делах земных жрецы разбирались получше иных купцов да мошенников. Те ещё прощелыги.

«Хорош гусь, — думал Хиттер, разминая замёрзшие пальцы, — во все щели без сала лезет. Ждёт, что заслушаюсь да сболтну чего. Дудки! С вами лучше тупого варанга изображать, который «вэльский не говорить», а то мигом в пыточной окажешься. А там и до костра недалеко... Нет, надо рукавицы купить, шерстяные...»

Уже около двух месяцев Хиттер Фрай, третий сын арангийского барона, скитался по землям королевства Велласкон в поисках более-менее серьёзного дела для своей дубины, а также более-менее стабильного заработка. Но подворачивалось либо совсем недостойное благородного человека, либо временное.

Порой наёмнику казалось, что сама земля велласков отторгает от себя чужеродное тело. От лютого промозглого ветра ломило кости. Копыта Снежка вязли в грязной жиже, в которую превратились местные дороги. Ночлежки кишмя кишели крысами, блохами да клопами. А люди как один хмуры и неприветливы.

Но назад пути не было, и арангиец упрямо продвигался всё дальше и дальше на север королевства. Там, в Гулландской Марке, если верить трактирным сплетням, опытные воины в почёте. Ведь гордые гулы никак не желают идти под ярмо Велласкона, дружины Береговых Ярлов грабят селения и осаждают замки, а леса кишат разбойничьей вольницей. Работа найдётся, главное — добраться. И поскорее. Каждый день осени приближал суровую велласконскую зиму, а у Хиттера не то что крыши над головой — тёплой одежды не было, исключая латаный-перелатаный шерстяной плащ.

— Все мы дети Создателя, Творца всего сущего, — вклинилась в мысли Фрая проповедь жреца. — Творцы малого и хранители сада Его. Не поклоняться явлениям бездушным велел Он, а повелевать ими.

«Эк загнул, — поморщился наёмник, — повелевать. Ну давай, прикажи солнцу, чтоб оно стало зелёным, а я погляжу. Станет — уверую в твоего Создателя».

— Лишь верные и непорочные удостоятся касания Его и в Час Суда обретут силы великие. Остальным сгинуть суждено, став землёй и водой, пеплом и камнем бездушным...

«А как узнать, что ты верный да непорочный? — мысленно спросил проповедника Фрай. — Жил себе честно, а там бац — и другое в цене. Вот и лежи теперь каменюкой!»

Посмеиваться над глупыми сказками всё ж было веселей, чем ехать глядячи в холку Снежка, и Хиттер вошёл во вкус. Наверняка папашины «каменюки за пазухой» и есть не что иное как самые отъявленные грешники. И носят их жрецы в назидание заблудшим чадам Создателя. «А ежели не впечатлился кто, тому этим камнем по кумполу — для доходчивости!» Еле сдержав смех, наёмник снова прислушался к проповеди.

— ... он — ложь, и он — отец лжи, Рушителем рекомый, искушает нас ежечасно. Мерзкие идола, обряды поганые, а более всего колдовство — суть козни его против Великого Замысла. Тот, кто заразу сию носит, — нечист! И в пламени живом очиститься должен...

Только-только въехав в Велласкон, Хиттер увидел эти обряды «очищения» во всей красе. Зрелище не из приятных — всё веселье как ветром сдуло. Наёмник насупился и представил, как на бритую жреческую голову в тёмном капюшоне опускается наверх арангийской дубины.

«А что, — мелькнула мысль, — Очистительница — хорошее имя. Будет очищать слишком умные головы от излишка мозгов».

Губы наёмника скривились в недоброй усмешке, которая, правда, тут же исчезла. Дерево. Здоровенное дерево поперёк дороги. Вроде ничего удивительного: тракт давно заброшен, лес подступил к нему вплотную. И бури в этих краях случались такие, что рвали с корнем высоченные сосны. Но в памяти слишком живы часы ожидания в засечной засаде, стук копыт и ржание степных коней, гортанная речь их наездников.

«Дерево одно единственное — других следов урагана не видать. — Поводья натянулись. Мерин послушно замедлил шаг. — Спокойно, Фрай, какой дурак будет делать засаду на старой заросшей дороге?»

Хотя, от этих велласков можно ждать чего угодно. Наёмник откинул капюшон, вытащил притороченную к седлу дубину и медленно продолжил движение к преграде. Жрец, разом замолкнув, приостановил кобылу и направил её за Снежком след в след. Видимо, не первый раз ездил с охраной.

Всё внутри Хиттера напряглось в ожидании. Но сердце всё равно скакнуло до кадыка, когда стрела, мелькнув в воздухе, вертикально вошла в хлябь тракта.

Снежок дёрнулся, но железная рука всадника удержала его на месте. Сзади тоненьким голоском молился жрец, а из-за деревьев слева крикнули:

— Оружие брось! Убивать не будем! Посмотрим, что в сумках да кошельках, да иди с миром!

— Все так говорят, — с показным равнодушием бросил Фрай, поудобней перехватывая дубину, — а потом приходится до города без порток ковылять!

— Верь не верь, а придётся! — прокричал голос, и пара стрел вонзилась в землю в нескольких шагах от кобылы жреца.

Та неожиданно взбрыкнула, и всадник кулём с мукой свалился на землю. Хиттер соскочил с седла и в два широких шага оказался подле клиента. Заслонил собой. Длинный шип на наверх Очистительницы свирепо рассёк воздух.

— Бросай! — в голосе из леса звучало торжество. — Не то издырявим обоих!

Это не было пустой угрозой. Луками неизвестные владели хорошо и, судя по всему, уже нацелились на двух застрявших посреди дороги путников. Сбежать не получится: жрец корчился в грязи, держась за ногу. Карабкаться на лошадей, подставляясь под стрелы, тоже резона нет. Сам-то Фрай в бригантине, а клиент — совсем беззащитный. Значит...

— Не стреляй, сдаюсь! — прокричал наёмник и с силой вогнал шип дубины в полотно тракта.

Если что, он сумеет быстро её вытащить.

— Я сказал брось, а не ткни!

Фрай со вздохом пнул верное оружие. Очистительница укоризненно хлопнула, упав в дорожную грязь.

Жрец завозился и, стеная, поднялся на колени. Хиттер протянул ему ладонь. Так они и встали рядом. Плотный, за счёт широких плеч почти квадратный арангиец. И маленький, похожий на ощипанного утёнка проповедник с потной лысиной и бегающими глазками.

Из-за деревьев показались люди. Четверо, пятеро... нет, шестеро.

В зелёных и коричневых куртках, на головах — кожаные шапки да тканые капюшоны. Под ними сальные волосы, широкие загорелые лица с косматыми бородами. Кряжистая осанка пятерых выдавала в них землепашцев.

Фрай хмыкнул. В Аранге вольные буры — крепкие, рачительные хозяева отобранных у Степи наделов. Основа войска, стерегущего Черту́. Местные же вилланы с их тяжёлым, отупевшим взглядом вызвали брезгливую жалость. Замордованные непосильными поборами и произволом господ, они и выглядели по-скотски обречённо и беззащитно.

Но те, что вышли сейчас из леса, не походили на скот. Они были волками.

Наёмник видел это в преждевременных морщинах на молодых лицах, в тёмных прищуренных глазах, глядящих дерзко и внимательно, в мозолистых руках, уверенно сжимающих оружие. Отчаянные люди, сменившие соху на тисовый лук, деревенские избы на лесные чащобы, сбор урожая на сбор монет, звенящих в чужих кошельках. Разбойники, такие разные и такие похожие.

Фрай сразу заметил среди лесных удальцов парня лет восемнадцати, отличавшегося от остальных. Держался тот очень уверенно, а одет был в расшитую рубаху редкого для Велласкона лилового цвета. Такую ткань привозили из Аранги, и стоила она недёшево. Пояс, похожий на рыцарский, на нём болтался охотничий нож в роскошных ножнах. Лицо, слишком красивое и слишком правильное для виллана. Высокий лоб, тонкий благородный нос, бледная кожа. Длинные тёмные волосы перехвачены тесёмкой. Глаза, тоже тёмные, непонятного цвета — будто подёрнуты пеленой — смотрели испытующе. Вот они остановились на жреце...

Красивое лицо исказила ненависть, какой Хиттер не видел ни в одном бою.

— Еронимус, — прошипел темноволосый. — Вот так встреча!

На север. Шаг второй

Сколько занял путь до стоянки разбойников, Фрай, хоть убей, не понял. Их вели какими-то неприметными тропами, постоянно петляли, путали следы, то спускаясь в овраги, то поднимаясь на заросшие лесом пригорки. Впрочем, направление Хиттер приблизительно запомнил. «Если что, — думал он, — обратно на тракт я выберусь».

Однако настрой Теобальда — так звали разбойники своего вожака — особых надежд не внушал. Темноволосый коршуном вился вокруг жреца, ежеминутно суля ему кары, одна другой страшнее. Из этой по большей части бессвязной болтовни арангиец уловил, что некогда Еронимус объявил «нечистой» целую деревню. Но части еретиков удалось скрыться в лесах — собственно, к ним в руки они и попали.

Фрай хотел было втихую расспросить жреца, но тот теперь сам играл в тупого варанга. Трясся и молился своему Создателю, не замечая ничего вокруг. Всё это очень не нравилось наёмнику.

До лагеря дошли почти в сумерках. Представлял он собой обширную поляну с вырытыми тут и там землянками. Хворостяные крыши торчали на поверхности. За деревянной изгородью бродило несколько тощих коз.

— Приведи отца, скорее! — крикнул Тео — так Хиттер обозвал его кратко — парню, вышедшему навстречу.

Тот опрометью метнулся к одной из землянок.

Остальные осматривали добычу. Фрай хладнокровно взирал, как они шарят в его седельной суме. Вскоре пришла их со священником очередь. Первыми в руки лесных удальцов переключивали медальоны — серебряный трезубец Культа Создателя и бронзовое солнце арангийца. Затем кошель. Кто-то бдительный проверил обувь — так Фрай лишился засапожного ножа. Сапог тоже вскоре лишился — взамен получил истоптанную и худую, чудом не развалившуюся пару. У наёмника забрали плащ, пояс и подшлемник, велели снять потрёпанную бригантину. Он подчинился.

Разбойники, порядка ради, заглянули святому отцу под сутану.

— Не баба! — объявил один. Остальные заржали.

— Жалко, что не баба, — притворно вздохнул кто-то, — ласки хоцца!

— Иди ко мне, приласкаю! — прокричал другой, помахивая отобранным у наёмника ножом.

Гогот вдруг оборвался. Разбойники поспешно расступались, освобождая дорогу двоим. Парню, которого Тео посылал за отцом. И другому — высокому, с копной седых волос на голове и окладистой бородой. Этот ступал неестественно плавно, держась за руку спутника. Фрай тут же понял почему: на месте глаз у старика были две уродливые сине-красные язвы.

«Калёное железо», — угадал наёмник, и внутри него всё замерло. Глаза в Велласконе выжигали опасным преступникам. В первую очередь — колдунам.

— Отец! Иди сюда! — воскликнул Теобальд. — Посмотри, кто попал к нам в руки!

Слепой тяжело шагнул вперёд. Но потом достаточно уверенно добрёл до злосчастного жреца и возложил дрожащие ладони на его бритую голову. Большие пальцы коснулись крепко сомкнутых век.

— Я хотел бы выдавить твои проклятые глаза, Еронимус. — Арангийца передёрнуло от его леденящего шёпота. Так, пожалуй, могла бы разговаривать Смерть. — Но это слишком

просто для тебя. У нас будет много времени, Еронимус. Ты отнял моё зрение, но я могу слышать. Кричи громче, Еронимус, кричи громче.

Еронимус закричал. Протяжным, нечеловеческим криком. Наверное, так в последний раз кричит котёнок, видя над собой жадную собачью пасть.

— Второй — его охранник. Арангийский наймит, — сказал Тео.

Пальцы слепца пробежались по лицу Хиттера, будто выводок крупных муравьёв.

— Зачем ты пришёл в наши леса, арангиец? — прошелестело у него над ухом.

— Я наёмник, и мне были нужны деньги, — тихо ответил Фрай. — До этого я никогда не работал на Церковь...

— Ложь! — вскричал Тео. — Отец, неужели непонятно, что у негодя руки в крови по локоть!

— В Аранге не жалуют крецианцев, — задумчиво произнёс Слепой. — Но в каждом стаде по паршивой овце...

— Точно! — сказал один из разбойников и указал на голову Хиттера. — Этот уже запаршивел!

— И отожрался на церковных харчах! — добавил другой.

— Да что его слушать: на сук и вся недолга!

Наёмник презрительно фыркнул. Не объяснять же этому отребью, что склонность к полноте и раннему облысению — наследственная черта рода Фраев. От петли эта новость точно не спасёт. А то, что спасёт, граничит с самоубийством... Но другого выхода, похоже, нет...

— У тебя есть, что сказать в своё оправдание, арангиец? — Слепой главарь словно прочёл его мысли, и Хиттер решился.

— Я настаиваю на своей невиновности и требую Божьего суда.

Над поляной повисло молчание. Согласно древнему Закону Хлодгара, единому для Аранги и Велласкона, обвиняемый мог отдать себя на суд богам. И тогда жребий определял ему одно из трёх испытаний. Огнём — пламя костра не причинит вреда невиновному. Водой — та не даст ему захлебнуться. Мечом — боги на стороне того, кто победит в поединке. «Один к двум, — думал Фрай. — Великий Сол, лишь бы повезло, а в рукопашной я сильнее любого из этих заморышей».

Внезапно Тео засмеялся. Это не было смехом нормального человека. Так смеялись в арангийских деревнях припадочные юродивые. Кто-то говорил Хиттеру, что если их не обездвигить и не вложить меж зубов чего твёрдого, они неминуемо побьются о землю, прикусят, а то и проглотят язык. Однако сын Слепого стоял на ногах и лишь согнулся от безумного хохота.

— Божий суд?! Нет никакого Божьего суда, арангиец! — завопил он, размахивая руками. — Есть только наш суд, суд свободных людей! Ты мясник, кровавый убийца, и подохнешь, как подобает убийце — дёргаясь в петле! Так рассудил наш суд, и нет его выше!

Разбойники поддержали обвинителя гневными выкриками. Слепой молчал, высоко запрокинув голову.

— Да вы просто шайка трусливых кастратов, — сплюнул наёмник. — Каждый из вас боится сразиться со мной. Зенбарцы таких продают богатеньким мужеложцам. Иль в калифов гарем — за девками смотреть!

Сильный, но неумелый удар в ухо вряд ли бы сбил Фрая с ног, не захоти того сам арангиец. Так он избежал кулачища другого удальца, целившего в челюсть. Замелькали

сапоги и деревянные башмаки с обмотками. Хиттер сжался в комок, прикрыл голову руками и только краем глаза заметил, как блеснуло в суতোлке лезвие ножа. «Великое Солнце!»

— Спокойно! — раздался повелительный окрик Тео. — Спокойно, братья! Пусть собака полагает перед смертью. Что для нас, свободных людей, лай шелудивого церковного пса?

Фрай медленно поднялся с земли и окинул расходящихся разбойников недобрым взглядом.

— Будь мы здесь одни, — процедил он сквозь зубы, — ты бы узнал, как кусаются арангийские псы. Тебе бы хватило одного раза...

— Хочешь показать свою смелость? — Тео насмешливо выгнул бровь. — У нас впереди целая ночь. Вот и проверим, так ли сильна твоя воля, как твой язык! Слышали, братья? Священника к дубу, а наймит пусть поёрзает! Зажигайте костёр — это будет сладкая ночь, ночь мести!

На север. Шаг третий

Руки немели от пут. Запах палёной кожи и волос раздражал ноздри. От него кружилась голова и ощутимо подташнивало. Остаться в сознании помогал ржавый привкус во рту. Хиттер здорово прикусил язык, когда горячая головешка коснулась его груди. Саднящая боль напоминала: ты ещё жив, ты ещё терпишь.

Привязанный к дубу жрец перестал бормотать, глазки прикрыл, нос свой утиный повесил. Наверно, молитвы закончились.

— Помнишь, Еронимус, мою сестру, Аду? — голос Теобальда дрожит от ненависти.

Дружки его, насмотревшись на пытку, давно дрыхнут, а припадочный всё никак не успокоится.

— Ту самую, что отвергла твои ухаживания. И ты натравил на нас сучьих Ищек!

Костёр стрельнул искрами. Глаза разбойника полыхнули алым.

— Её сожгли, а перед этим пытали... и она сказала, что вся деревня нечистая! Ты знаешь, что это такое, арангиец?

«Собраться, отвечать... а то голова плывёт. Она мне нужна ясная».

— Знаю.

— Знаешь. Потому что участвовал в этом, сопровождал эту гниду...

«Не отвечать, всё равно не поверит».

— За это и будешь висеть завтра... во-о-он на том дубке. Я и сук заранее присмотрел...

Сук, который выдержит твою тушу, арангиец.

— Спасибо, — с трудом отозвался Фрай, — но у меня что-то в горле пересохло. Воды не найдётся?

Тео долго смотрел на обнаглевшего наёмника, потом хмыкнул:

— Найдётся. А то подохнешь ещё... раньше времени, — и зачерпнул глиняной кружкой воды из котла.

Арангиец с проклятием приподнялся, сел повыше, прислонившись к шершавой коре. Облизнул пересохшие губы.

— Пей, продажная мразь, это последняя кружка воды в твое...

Резким движением Фрай подсёк склонившегося парня, заплёл его ноги своими, рванул на себя. Оттолкнулся от ствола и всем весом обрушился на противника. Пара ударов головой в лицо, и тот затих.

Наёмник и сам замер, шипя и постанывая. В глазах темнело, боль полосовала грудь зазубренными когтями. Переждав целую вечность, Фрай кое-как встал на колени, отполз назад и зубами вытащил нож из ножен на поясе Тео.

«Ночные! Как больно! Но ничего, сейчас... Где та удобная ямка между корнями? Ага, вот здесь...» Нож был острым, и вскоре Хиттер, морщась, разминал затёкшие запястья.

— Сын мой, — шёпот походил на шипенье змеи, — развяжи меня...

— Сейчас, святой отец, — отозвался Фрай и вскоре очутился возле Еронимуса.

В священника будто заново вдохнули жизнь, разве что прежней восторженности не наблюдалось.

— Освободи меня и убей их всех! Мои братья озолотят тебя! Это адепты Рушителя — не верь ни единому их слову!

— Не буду, — утешил его Хиттер.

И двинул в висок рукояткой ножа. Еронимус обмяк.

«Ишь, раскомандовался, — скривился наёмник. — Воистину, лучше тихого жреца — только мёртвый жрец. Но за мёртвого нам не заплатят».

Он натянул худые сапоги, которые помогли избавиться от ножных пут. Обувка была велика, не по ноге, что и сыграло Фраю на руку. Но всё равно пришлось повозиться, чтоб незаметно для Тео скинуть их вместе с проклятыми верёвками.

«Теперь освободим жреца... До лошадей потом дотащу. Отдыхай, Еронимус. А мне надо кое-что сделать».

Трудно придумать бóльшую глупость, чем шариться в потёмках по разбойничьему лагерю. Но что оставалось? Рано или поздно пленников хватятся и непременно настигнут. Драться с лиходеями в лесу, по их правилам? С ножом — на луки и рогатины? Смешно.

«Расправлюсь с ними здесь, как и велел жрец. Вырежу спящими, одного за другим». Если повезёт...

Как в Степи, когда они с побратимом наткнулись на сонное становище хассов. Совесть кольнула острым кинжалом. Тот мальчик... «Ночные! Только не сейчас! Возьми себя в руки, Фрай!»

Да, резать спящих бесчестно. Но на открытое сражение со всей шайкой его не хватит. Израненная грудь давала о себе знать, дыхание стало хриплым и прерывистым. «И снова я на войне и чувствую холод Смерти, — с тоской подумал арангиец. — Так согрей меня, Сол!» Он сжал в кулаке несуществующий медальон и крадучись направился к землянкам.

За спиной хрустнула ветка. Наёмник плавно развернулся... и проглотил ругательство.

Рядом с Еронимусом, облокотившись на дерево, стоял Слепой. В подсвеченной красным темноте он походил на лешего. Старый, лохматый, пугающий.

— Не всё таково, каким выглядит, арангиец, — заговорил он, повернув голову к Хиттеру. — Мы, слепые, знаем об этом не понаслышке. По тому, как шуршит листва у тебя под ногами, я могу определить, где ты находишься. А твоё дыхание говорит мне, что ты ранен, торопишься и идёшь убивать.

«Ничего он не слышит, только болтает. Спокойно, Фрай, ещё шажок...»

— Ещё один шаг, и я подниму тревогу, — предупредил Слепой.

Наёмник остановился, перехватывая нож для броска. «Дурацкая железка — Ночные знают, как полетит, — мысли скакали в голове словно блохи. — Далекое, слишком далеко... Рискнуть?.. Но это же старик, просто слепой старик... Если б он закричал, было бы проще. Почему он тянет, Ночные, почему?»

— Мне интересно, почему ты до сих пор этого не сделал, — хрипло произнёс Хиттер, проклиная себя за то, что принял участие в дурацком балагане.

— Может, мне тоже интересно, — откликнулся разбойник. — Интересно узнать, почему ты не убил моего сына.

— Я не воюю с детьми, тем более с ущербными, — поморщился Фрай. — Стой, откуда ты... Nacht ut Mort! Ты шёл за мной по пятам!

Слепой кивнул.

— Старческая бессонница — штука безжалостная, а ты шумел, как стадо коров в подлеске. Эта поляна стала моим домом. Я здесь каждое дерево по имени знаю. Мог бы многое рассказать об этом царстве живых звуков и туманных образов, но тебе ведь не нужно, не так ли?

— Мне нужно доставить этот мешок с дерьмом, — Хиттер тяжело посмотрел на

лежащего без сознания Еронимуса, — в Альсбрук, получить свои деньги и двигаться дальше на север. Ты мне мешаешь, старик.

— Ничуть. Забирай лошадей и уходи. Но он — останется здесь.

— Он поедет со мной, — Фрай дёрнул желваками и вперил взгляд прямо в страшные язвы. — Если ради этого придётся убить тебя — ты умрёшь.

Разбойник сделал неопределённый жест — будто пожал плечами — и перерезал жрецу горло. Откуда в его руке взялся нож, арангиец так и не понял.

— Теперь можешь убивать.

Тело Хиттера качнулось вперёд, вены на лбу и висках взбухли. Но шага к Слепому он не сделал. Выругавшись, наёмник развернулся и шатаясь как пьяный пошёл к лошадям.

Под копытами Снежка наконец-то была не хрусткая лесная подстилка, а твёрдая поверхность тракта. Кобыла Еронимуса трусилась рядом. Рука Хиттера погладила окованное наверху дубины. Очистительница была приторочена к седлу, как обычно. Видно, никому из разбойников не приглянулось диковинное оружие, и её вернули на место. Такой удаче можно только радоваться, но на радость у наёмника сил уже не хватало.

Теперь, когда глухие чащи остались позади и отпала нужда постоянно менять направление, на Фрая навалилась опустошающая усталость. По телу расплылся липкий холод, рана нестерпимо саднила — только это мешало арангийцу провалиться в тяжёлое, мутное забытие.

«Нужен лекарь, тепло, вода, — мысли неохотно продирались сквозь зыбкую пелену, казались чужими, — иначе загнию или околею. Попросят платы — отдам кобылу... Жрецу она уже ни к чему».

Он скосил глаза на лошадку и вздрогнул.

Над дорогой, будто привязанный к крупу Снежка невидимой нитью, плыл призрак Дитера. Полупрозрачный, светящийся мягким опаловым светом. Голова брата удивлённо смотрела вправо. Туда, куда свернули его шею сильные руки Хиттера.

«Зачем пришёл? — спросил он призрака. — Позлорадствовать? Ну, давай». Тот, как всегда, молчал, и откуда-то изнутри Фрая полезла колючая злость.

«Нечего сказать? Так убирайся. Сол всё видел, и я не буду каяться перед тобой». Светящийся силуэт плыл за ним не отставая. «Ну и молчи», — арангиец отвернулся. Подумать и без призрака было над чем.

Договор с Культом Создателя нарушен, а значит, в Альсбруке задерживаться не стоит. Да и от лошади надо поскорее избавиться. «Не то решат, будто я сам жреца прирезал. Велласконское правосудие — это тебе не Слепой, оно действительно слепое». Фрай попытался сглотнуть, но лишь закашлялся. В горле прочно поселился сухой горький ком.

«Проклятая страна. Безумная. Погода зверская, жрецы-очистители, суд свободных людей... Удружил ты мне, братец».

Он вспомнил их последний разговор и покачал головой. «Ты ведь тоже считал свой суд высшим, Дитер Фрай? Выше воли отца, выше жизни Эльзы и ребёнка». Ледяная решимость в голубых глазах брата... затканый пеленой ненависти взгляд Геобальда...

«Как две стороны одной монеты, — с горечью понял Хиттер. — Монеты, которой платят за большую кровь!..» Наёмник перевёл дух. Хорошо, в этот раз её удалось избежать...

Перед внутренним взором возник Слепой. Нож в длинной руке смотрел в землю, язвы в неровном свете костра походили на тлеющие угли. «Спасибо, старик, — через силу

улыбнулся арангиец. — Ты всё взял на себя, и я признаю твоё право. Видит Сол, ты его заслужил».

Он оглянулся на брата и вдруг заговорил вслух, поддавшись порыву:

— Мне нет и не нужно прощения. Что сделано, то сделано. И я свернул бы её снова...

Но я бы очень хотел, чтобы кто-нибудь остановил мои руки...

Призрак исчез — словно сдуло промозглым ветром. Наёмник поднял влажные глаза к небу. Чужие звёзды неярко поблёскивали сквозь туманную дымку.

«Холодная в Велласконе осень, — Хиттер Фрай поёжился всем своим телом. Боль в обожжённой груди заставила прикусить губу. — Говорят, на севере ещё холоднее».

Часть II. Спутанные нити

*Огонь суда сожжёт и театр, и мсье кукловода
Александр Непомнящий*

— Покажи, что умеешь, бродяга!

Заскрипел подъёмный механизм решётки. Из ворот замка навстречу Хиттеру вышли двое велласков. В плоских шлемах с широкими наносниками и лазоревых накидках поверх синих стёганок. Первый — длинный, худой как жердь — сжимал в руках копьё. Второй — коренастый, с мощным подбородком — снаряжён короткой палицей да треугольным щитом.

«Придётся повозиться...»

Хиттер Фрай потрепал Снежка по холке и покинул седло. Потоптался, разминая ноги. Медленно вытащил притороченную к седлу тяжёлую дубину. Четырёхфутовое древко, толстое, гладкое. Навершие оковано сталью, из него торчит длинный, с ладонь, гранёный шип. Любимое оружие арангийских ополченцев: хочешь коли, хочешь колоти, покуда силы хватит. Очистительница, как прозвал её Хиттер.

«Нет, эти головы от мозгов мы очищать не будем, — подумал он, направляясь к противникам. — Будем бережны. Ты сам напросился, Фрай, а они — люди подневольные...» Да какие б ни были! Ничто им не помешает при случае наградить арангийца синяками да ранами.

Двое из замка в бой вступать не спешили. Следили за перемещениями Хиттера без страха, но настороженно. Арангиец подавил скверную ухмылку. Лишнее. И так красавец, каких поискать. Плотный, широкий — плечи того и гляди порвут заплатавшую стёганку. Безрукавка из козьей шкуры тоже маловата — не сходится. На ногах истёртые штаны, дырявые голенища сапог прихвачены грязными обмотками. Лицо за месяцы странствий исхудало, заострилось — проступило в нём нечто волчье. Обветренная лысина, сальные остатки волос. На подбородке — колючая недельная щетина. Настоящий дикарь. Или разбойник с большой дороги.

Но кто же вышел против него? Проверим. Хиттер двинулся влево, обходя воинов по дуге. Медленно. Мягко, как степной кот. Двое в лазоревом с бдительным интересом разворачивались навстречу возможной атаке. Фрай резко остановился, и ноги будто сами понесли его обратно. И велласки явили себя — запнулись. Поторопились. Шагнули кто в степь, кто по кизяки.

«Хорошо. Очень хорошо!»

Гарнизонные вояки, отупевшие от муштры и скуки. Привыкшие сражаться с соломенными чучелами. На крайний случай — разогнать схватившихся за вилы мужиков. Никто не учил их драться плечом к плечу, прикрывая товарища, угадывая без слов, что сделать в следующий миг. И арангиец Хиттер Фрай этим непременно воспользуется.

Два шага вперёд. Замахнуться дубиной... Жало копья целит в лицо... Разворот влево...

«Ночные! Достал бы меня, не помешай напарник!» Коренастый со щитом отшатнулся, чуть ногу приятелю не отдал. Тот даже толкнул его древком — давай, мол, вперёд, не прижимайся.

«А нам того и надо».

Боец, обиженно пыхтя, устремился к Хиттеру. Поспешный удар щитом Фрай принял на Очистительницу. А от взмаха палицы ушёл с лёгкостью, удивительной для его грузного тела. Коренастый остановился, ожидая копейщика. Но Хиттер, подшагнув, обрушил на кромку щита два сильных удара. А третий, боковой, внезапно перенаправил в левую ногу

противника. Коренастый опустил щит, но недостаточно быстро. Шип Очистительницы задел его голень. Рассвирепев, боец широко махнул палицей, завалился вперёд. Фрай парировал древком, отступил на полшага и долбанул наверху прямо по плоскому шлему. Бом-м!

«Отдохни, парень».

Копьё взметнулось, как гадюка из ковыля. Фрай едва успел отскочить. Перевёл дух и кивнул долговязому. Мол, неплохо. Тот оскалился, тонкие усы поднялись вверх. Хиттер принялся мельтешить перед противником в надежде пробраться поближе, но везде арангийца встречал хищный наконечник копья.

Не подступиться: длинные руки, длинные ноги... «Великое Солнце, на этом можно сыграть!»

Уходя от очередного укола, арангиец сделал вид, что споткнулся. Долговязый, поддавшись азарту, вложил всё тело в удар на широком шаге... Фрай увернулся и левой схватил древко копья. Рванул на себя. Противник, пытаясь удержать оружие, нервно дёрнул обратно. И подтащил арангийца почти вплотную.

Дубина ещё не успела коснуться земли, когда кулак Фрая с хряском врезался в подбородок копейщика. Клацнули зубы. Глаза полезли на лоб. Боец отпустил древко и мешком осел на траву. Хиттер перехватил копьё поудобнее, глянул на коренастого. Тот сидел на корточках и морщился, держась за голову. Рядом валялись шлем и подшлемник. Победа?

Но Велласкон славился отнюдь не пехотинцами. Из ворот на восхитительном буре жеребце выехал всадник. Рыцарь, как их здесь называли. Высокий. В длинной кольчуге. На ней — лазоревая накидка. В этот раз с гербом: три серебряных рыбы мордами вверх. Каплевидный щит с тем же рисунком. В правой руке — длинное копьё. Шлема нет — на голове кольчужный капюшон.

«Совсем ещё мальчишка!» Светло-серые глаза, тонкий нос с горбинкой, вокруг рта — медная щетина.

Хиттер нахмурился. Было в осунувшемся молодом лице что-то знакомое... неприятно знакомое...

Рыцарь опустил копьё и коротко указал наконечником на Снежка. «Ночь и Смерть!» Арангиец полжизни провёл в седле, но сражаться ему доводилось лишь со степными наездниками. Они предпочитали лук да аркан. Что делать с закованным в железо копьеносцем на статном жеребце, Хиттер не представлял. Да и Снежок никак не боевой конь... Но вызов есть вызов. Уняв дрожь, он устроился в седле с трофейным копьём.

Рыцарь тронулся с места. Фрай и глазом не успел моргнуть, как бурый перешёл в галоп. Копыта громыхали, заглушая сердце в груди арангийца, блестящее острие метило в эту самую грудь...

«Великий Сол!..»

Хиттер бросил своё копьё и стёк вправо, обхватив мерина за шею. Стальная громада пронеслась мимо, обдав ветром и пылью. Снежок даже не пошевелился — разве что ухом дёрнул.

Фрай поспешно соскочил на землю, закашлялся. Всадник как раз осадил коня и разворачивался к нему. Застыл, подняв копьё. В глазах — торжество, на губах — улыбка.

— А ты соображаешь, арангиец!

Что тут ответить? Хиттер исполнил нечто среднее между кивком и поклоном.

— Я, сэръ Гийом де Лер, королевской милостью держатель Хэмптуна, принимаю тебя на

службу.

Де Лер? Нет, никогда раньше не слышал. Тогда откуда тревога?

— Научишь этих лентяев драться по-вашему. А я тебя поучу верховому бою, — Гийом кивнул на Снежка. — Урок первый: смени коня.

И направил бурого красавца к воротам.

Фрай хмыкнул, почесал мерина за ухом и сходил за Очистительницей. Победённые бойцы посмеивались в сторонке, но глядели уважительно. Арангиец взял Снежка под уздцы и собирался проследовать за господином, как на стене показалась девушка. Юная, стройная даже в бесформенном вэльском платье, она с интересом взирала на Хиттера. Фрай незамедлительно поклонился, как велел арангийский обычай.

Когда поднял голову, девушки наверху уже не было. «Сестра или супруга?.. А, неважно». Хэмптун, значит? Пускай будет Хэмптун. Какая разница, где коротать зиму.

Узел первый

— Поднавались, Йормундрова сыть! — гаркнул краснорожий Аки.

— Хай! — ответили гребцы так, что зазвенело в ушах, и «Морской Пёс» рванулся по волнам вперёд.

Атли глянул на свои мозоли, смазанные целебным жиром, и безмолвно порадовался, что нынче не его черёд сидеть на вёслах. Гуннар, проснувшийся от крика рутсингов, захлопал глазами и помянул цвергов. Рагнар, громко сопя, мерно работал веслом. Косая чёлка прилипла ко лбу.

Порой Атли казалось, что его кузен выкован из железа. Рагнар будто родился на «змее», и в первый свой поход не изведаль ни тошноты, ни поноса, ни кровавых мозолей на половину ладони. И ни следа усталости — лишь упрямый блеск в зелёных глазах. Сейчас он вообще грёб за Гуннара, у которого не ладилось с животом. Даже бывалые моряки косились на старшего Эймундсона с одобрением.

Атли о таком отношении мог лишь мечтать. На «Морском Псе» он в полной мере познал, как превратна бывает судьба, вытканная жестокими норнами. Победив тролля Тогнондахра, мальчик прославился на всю Долину как могучий волшебник. Да только вот рутсинги — люди суеверные. По их приметам, колдунам на корабле не место. Даже херсир Гудмунд, усыновивший Атли, помрачнел как туча, когда он собрался в поход вместе с братьями. Лишь яростное заступничество Эймунда да тихая просьба Фрейдис решили дело в его пользу.

Никто из команды не осмелился перечить херсиру, но необычного мальчика избегали и побаивались. Не раз и не два его чуткое ухо ловило заговоры против сглаза, произнесённые опасливым шёпотом. И это резало больнее ножа. Атли снова чувствовал себя одиноким Подкидышем во враждебном человеческом мире.

Однако и тут сыскал он друга. Щуплый скальд Бьярне по прозвищу Медоглас, едва они вышли в море, принялся жадно выпрашивать про битву с троллем. Атли отвечал скупой и уклончивой, но Бьярне слушал с таким восторгом и так искренне желал сочинить поэму про его подвиг, что сердце мальчика растаяло. С тех пор они болтали каждый день. Охрипшим от саг и песен голосом скальд толковал о дальних странах и народах, что их населяют.

Атли узнал, что за Альмаром живут люди с кожей чернее угля. Шея у их коней такая длинная, что голова торчит выше самых высоких деревьев. А далеко на востоке стоит волшебный город Миклагард. Стены и башни его из золота, а живые корабли с глазами извергают на врагов драконий огонь. Чудеса чудесные! Но особенно мальчика волновала страна Гулленгрё, в которую они плыли.

— Гулленгрё по своей совокупности разделяется на три части, — с учёным видом вещал Бьярне, — Нордланд, Эйстланд и Вестланд. В одном, в другом и в третьем живут гулы. Был ещё Зюйдланд — сейчас он под вёлами. С ними и будем ратиться!

— Но зачем? — удивился Атли. — Нас ведь они не трогают...

— Конунг Нордланда попросил у херсира защиты от вэлов. Обещал целую гору золота!

— При чём тут херсир? — не унимался мальчик. — В Эйстланде и Вестланде тоже ведь гулы живут. Почему они не помогут?

— Да потому что слюнтяи! — усмехнулся Бьярне. — Эйстланд от Нордланда отделяет река Брейдгау. По ней мы, кстати, и войдём в Гулленгрё. То же самое с Вестландом — он на

западе, за речкой Мидгау. Их жалкие конунги сидят в своих норках, как мыши, и думают, что вэлы к ним не сунутся!

— А какие они, вэлы?

В памяти тут же возник Рольф из хирда Гудмунда. Вэлец по рождению, бывший раб. Атли нащупал под рубахой его подарок — железный амулет в виде молота. Интересно, где сейчас кареглазый хирдманн?

— Вэлы — добрые воины! Они сражаются копьями, на высоких конях. Налетают как буря, и не каждая стена щитов их удержит! — Скальд вскочил на ноги, глаза его засверкали, как клинки на солнце. — Мы одолеем их в славной битве и подтвердим своё право на Гулленгрё!

— А у нас есть это право?

— Наше право, — заявил Бьярне, — мы носим на лезвиях наших мечей! Кто не согласен — пускай поспорит с ними!

Звучало красиво, но речь Медогласа не убедила Атли. Ему по-прежнему не хотелось убивать людей ради золота.

Рагнар и Гуннар, наоборот, воодушевлённо спорили, кто сколько вэлов уложит в первом бою. Эти уложат — в братьях Подкидыш не сомневался. Старший отлично управлялся с мечом и не зря звался Рагнаром Обоеруким. Горм долго тренировал его драться двумя клинками и остался доволен. Невысокий, но крепкий и сильный, Рагнар был лучшим бойцом в их троице.

Гуннар своим оружием выбрал копьё и не прогадал. Длинный и быстрый, он выучил много обманных движений и подлых приёмчиков. А ловкость и смекалка позволяли ему долго держать противника на расстоянии. Умудрялся даже побеждать старшего брата — в одном поединке из трёх.

Атли сразу понял, что ближний бой — не его стезя. Он терялся под натиском, быстро уставал и путался в ногах. Поэтому взялся осваивать лук. Натянуть его туго не получалось, но, как сказал Горм, это зачастую и не нужно. Главное — меткость. А с ней у Подкидыша всё в порядке. Его ви — Прыг и Скок — безошибочно оценивали расстояние, ветер и мгновенно задавали поправки. Стрелы Атли без промаха поражали деревянные мишени, но он не был уверен, что сможет выстрелить в человека.

Ну и к Фенризу эти сомнения! До Гулленгрё ещё плыть да плыть по бесконечному морю...

Поначалу от шумливого серо-зелёного простора захватывало дух. Прыг и Скок упоённо исследовали корабельные снасти, с восторгом качались на пенных волнах и гонялись за чайками. Незнакомые лица, громкие песни и солёный ветер — всё было внове. А потом приелось. Гребля, качка, саги, неприязненные взгляды, сушёная рыба и мясо, мутный сон вповалку... Однообразные дни сменяли друг друга, и Атли потерял им счёт. Пару раз корабли несильно прополоскало штормом — хоть какое-то событие.

Однажды вечером Аки, взирая на галдящих в вышине чаек, наконец провозгласил:

— Земля! Земля близко!

По приказу Гудмунда с носа корабля сняли резную собачью голову.

— В этот раз мы пришли в Гулленгрё с миром, — объяснил Бьярне. — Не будем гневить духов Поморья.

Вскоре показалась земля. Атли разочарованно фыркнул. Стоило тащиться в такую даль: острые скалы, рифы и фьорды — всё как дома... Долговязый Сигольд, встав на носу,

скользил по побережью придиричивым взглядом.

Он и привёл их в укромную бухту, в которой «змеи» было не видать с моря. Атли наконец-то ощутил под ногами твёрдую землю. И с непривычки чуть не поскользнулся на мокрой гальке. Рутсинги напряжённо зыркали по сторонам, не выпуская оружие из рук. Костров не разводили. Здесь начинались владения Береговых Ярлов, считавшихся отъявленными негодьями и разбойниками.

Вопреки опасениям, ночь прошла спокойно. А к полудню они догребли до устья Брейдгау. Атли, Гуннар и Рагнар дружно раскрыли рты. Воистину — Широкая! Сколько от берега до берега? Пять полётов стрелы? Семь? Десять? Огромная говорливая река завораживала — на родине такой точно не встретишь! «Морской Пёс» и «Зверь Пучины», поборовшись с течением, вошли в Брейдгау и двинулись вверх. Ветер из Фиордланда наполнил полосатые паруса. Вдохновлённый Бьярне завёл песнь о конях ярла Гаральда. Гребцы громко ухали в такт.

Атли, забыв о мозолях, ворочал веслом и жадно всматривался в незнакомые пейзажи. Леса — высокие, стройные, лиственные. Согретые весенним солнцем поля. Крутые холмы, на которых иногда виднелись огороженные частоколом селения. Рутсинги скалились, провожая их волчьими взглядами. Местные рыбаки, завидев «змеи», улепётывали на своих скорлупках под гогот и улюлюканье.

Бьярне с жаром рассказывал, как прошлым летом Гудмунд со товарищи ходили на Гулленгрё и взяли богатую добычу. Сильнее всего пострадал Нордланд. Его воины сражались с вэлами на юге и не могли помешать разграблению. Рутсинги одобритительно цокали языками, и только Атли всерьёз задумался. Гудмунд Магнуссон ведь храбрый, мудрый и великодушный. В Долине его уважали, и мама выбрала его ещё в юности. Разве способен такой человек на бесчестные деяния? Например, пользуясь слабостью, разорить чужие земли, требовать дань с их конунга, а затем поступить к нему на службу как ни в чём не бывало...

Атли посмотрел на отца, застывшего на носу «змеи». Херсир вглядывался в даль, словно пытаясь прозреть будущее. Подкидышу виделось, будто могучие плечи укутывает серый плащ. Каменный, в острых складках. Ответственность? Тоска? Одиночество? Или всё вместе... Тяжкая ноша. И Атли решил — подошёл и встал рядом.

Гудмунд кивнул ему. Помолчав, спросил:

— Как тебе Большая Земля?

— Большая... — протянул Атли. — Тут всё большое. Но мне нравится.

— Помню, тоже был поражён. И решил, что обязательно сюда вернусь.

— Чтобы грабить?

Херсир горько усмехнулся в рыжую бороду.

— Ты юн, а я ещё застал годы, когда народившихся детей в Долине предавали копьё. Наша земля бедна, поэтому «змеи» несут нас на юг, восток и запад, где мы берём то, чего лишены. По праву меча.

— Значит, кто сильнее, тот и прав? — нахмурился мальчик.

— Так ткнут норны, — ответил херсир, и в словах его Атли послышалось сожаление. — Но об одном забывать никогда не стоит.

— О чём?

— Всегда найдётся кто-то сильнее тебя.

Гудмунд снова сощурился в даль, а потом заговорил глубоким голосом:

— Когда-то и наш народ обитал на Большой Земле. В тёплых, благодатных краях на востоке. Но из степей пришли хунгу, жестокие Владыки Коней. Их всадники заполнили равнины от горизонта до горизонта, а стрелы заслонили собой солнце.

Хоть солнце в бледно-голубом небе светило по-прежнему, Атли поёжился. Не хотел бы он такого увидеть.

— Часть наших предков покорила захватчикам. Другие бежали на север, ведомые Ярлем, что говорил с богами. Они указали ему путь во льдах через стылое море. Так наши предки попали в Фиордланд.

— И мы не пытались вернуть наши земли?

— Нет, — качнул головой херсир. — Мы те, кто мы есть. Волки Хёгана, алчущие богатства и славы. Иль доброй битвы, что приведёт в чертоги Гъялдсхейма.

— Но зачем это тебе? — серьёзно спросил его мальчик. — У тебя ведь много славы и богатства. Есть большой дом, где ждёт мама. Ты же любишь её. Почему не останешься с ней?

— Люблю. Больше всего на свете, — вымолвил Гудмунд тихо, и Атли мигом устыдился своего вопроса. — И останусь. Как только кончится моё служение.

— Служение ярлу Гариру?

— Да. Я здесь по его воле. Но есть и другое. Посмотри.

Херсир, обернувшись, обвёл взглядом сосредоточенные лица гребцов.

— У каждого в этом походе есть цель. Асгейр хочет доказать всем, что он не сдюнтяй. Бьёрн которую зиму копит на собственный дом. Браги уже нигде не наливают в долг. Тилле сватает Ауд, дочь Гаркеля Знатного. Достичь целей! Вот для чего они пошли на службу ко мне, преумножая мою славу и богатство.

Гудмунд широко улыбнулся.

— Моя же служба — привести их к богатству и славе. Чтобы они вернулись домой и обрели то, чего желали!

Аки, грозно кряхтя, попросил разговора с херсиром. Атли оставил их и сменил Гуннара на весле. Потом старательно грёб, размышляя, какая же цель в этом походе у него. Людская жизнь, которую он выбрал, оказывалась очень непростой штукой.

Они шли вверх по Брейдгау два дня. Ночевать приставали к правому — Нордландскому — берегу. Гудмунд разрешил жечь костры, но часовых всё равно выставляли. Союз союзом, а пришельцев из Фиордланда здесь не жаловали. Вряд ли гулы забыли алчность и жестокость рутсингов.

Третий день близился к середине, когда «змеи» миновали излучину и взорам открылась широкая песчаная отмель. Херсир велел править к берегу, а сам встал на носу, держа в руках щит. Внутренней, побелённой стороной вперёд. Гребцы сурово хмурились. Свободные от вёсел проверяли оружие. Атли сглотнул.

На берегу, сжимая топоры да копья, толпились воины. В шлемах с нащёчниками. С круглыми и каплевидными щитами.

— Гулы, — сплюнул Бьярне, поигрывая ножом.

Гулы тоже рассматривали рутсингов без всякой приязни. Но вдруг расступились, и вперёд вышел крепкий человек в коричневом плаще.

Сердце Подкидыша взволнованно забилося. Густая борода. Русые волосы, заплетённые в косу. Смешливые карие глаза. Рольф, сын Хрольфа!

Узел второй

«— *Ключ! Найди Ключ!..*»

Гийом распахнул глаза. Проморгался. Тяжко дыша, сел в постели и обхватил плечи дрожащими руками. В груди тревожно бұхало сердце.

За долгую зиму держатель Хэмптуна привык к еженощным кошмарам, но вот явления Глена всегда заставляли его врасплох. Линн приходил под утро, в багровом тумане, вспарывая ткань сна и, казалось, само естество Гийома де Лера. Слова коротышки сочились ядом. Взгляд тёмных глаз лишал воли, убивал всякую надежду.

Которой, впрочем, и так почти не оставалось. Поначалу Ги взывал к Создателю, истово моля Его милости и защиты. Но каждый раз на грани слуха звучал гаденький смешок, а перед взором клубилась беспросветная алая мгла. «Господь отвернулся от меня», — осознал де Лер со слезами и забросил молитвы. Ясно ведь как день — душа его отдана Рушителю и по смерти тела обречена на вечные муки в Эфере. Да и смерть, похоже, не за горами...

Из головы никак не шли дядины слова. «Нас много... Мы придём». Вряд ли это была бравада умирающего. Рожеру де Волору нужен Хэмптун, и Бык за ним явится — рано или поздно. Этот ублюдок всегда получает, что хочет. В его распоряжении люди и средства. Что ж, у Гийома де Лера они тоже есть.

Сначала пришёл арангиец. Жалкий бродяга в лохмотьях, который на глазах держателя Хэмптуна играючи одолел его лучших бойцов. Наёмник явно искал, где перезимовать, и не стал заламывать цену. Гийом согласился без колебаний — такого мастера нельзя упускать! Наблюдая его плавные, отточенные движения на тренировках, де Лер ненароком подумал, что Хиттер Фрай не уступит и Быку. О, Ги бы дорого дал, чтобы посмотреть этот бой!

Пришелец отмылся, побрился и приделся. И сразу стало понятно, что он из благородных. Во-первых, превосходно знал вэльский. Значит, учился ему с детства, как и сражаться. Во-вторых, манеры. От поведения за столом до безупречной вежливости в беседе. Он даже с бойцами был обходителен, хоть и строг. Те быстро его зауважали и звали на арангийский манер — «хатеман Фрай».

При этом наёмник знал своё место — не лез в душу, не мозолил глаза. Сам находил себе занятия. То составлял опись оружия и снаряжения, то гонял подопечных до седьмого пота, то проверял посты и состояние стен.

Одна беда — Анабель. Шестнадцать лет дурёхе — засиделась в девках. А тут этот Фрай — учтивый, сильный, таинственный. Ни дать ни взять беглый принц. Так и млеет с него, кошка шомрова. Мужа бы ей найти, чтоб забрал из Хэмптуна — для её же блага. Ги получил ряд приглашений от бывших кредиторов отца и держателей соседних фьефов. Как сойдёт с дорог распутица, надо бы съездить. Авось подсобят в этом щекотливом деле. А пока оставалось надеяться на благоразумие арангийца.

До сих пор оно его не подводило. Де Лер, содрогнувшись, вспомнил ту ночь в конце осени, когда Глен впервые явился ему во сне. Наутро, хорошенько всё обдумав, Ги велел Хиттеру собраться в дорогу.

...

В условленном месте — берёзовой рощице на краю леса — их ожидали. Монах — пьяный, дородный, с тройным подбородком. Да двое молодцов с дубинами наперевес.

Монах указал на повозку, запряжённую рыжим мулом.

— Эти.

Толстый палец нетвёрдо обвёл два пузатых пивных бочонка. Один побольше, другой поменьше. Гийом кивнул арангийцу. Тот спешился и ухватил здоровый. Крякнул, подымая. Рыцарь забрал второй — тоже на диво увесистый.

— Он велел передать, — сказал на прощание жирдяй в рясе. — Ключ. Найди Ключ.

— Какой ключ?

— Когда увидишь Ключ, ты поймёшь, что это он.

Ги, нахмурившись, развернул Парзифаля к замку. Наёмник водрузил ношу на спину мерина и побрёл за господином. До самого Хэмптуна де Лер не слышал от него ни слова и был благодарен за это молчание. Все бы так!

Назавтра он призвал к себе Лотара.

— Отправь гонца к бэйлифу. Я готов уплатить льеф.

Лицо кастеляна вытянулось. Насладившись его замешательством, Ги добавил:

— Также сообщи кредиторам, что де Лер возвращает долг. Всё до медяка. Бирки в этом мешке.

Кустистые брови Лотара сдвинулись к переносице. Он склонил седую голову и проговорил:

— Мой господин... Я верен вам так же, как вашему отцу, и не давал повода усомниться в моей верности, — голос дрогнул. — Но я обязан спросить. Откуда взялись деньги?..

Гийом вперил в него гневный взор. Старик дёрнулся, как от пощёчины, но продолжил:

— ...и что на самом деле произошло на охоте?

К горлу рыцаря подкатил ком. «Нельзя... Никому, даже Лотару... — билось в голове. — Глен узнает, Глен всё узнает, и я... не смогу защитить...»

— В память об отце я прошу твою дерзость, Лотар. Но лишь в этот раз, — процедил Ги сквозь зубы. И швырнул под ноги кастеляна мешок с бирками. — Ступай с глаз моих.

Старик, тихо вздохнув, наклонился, подобрал мешок и стиснул его побелевшими пальцами.

— Стой, — бросил Гийом. Лотар замер. — Отныне ты занимаешься хозяйством и закупками. Всем, что касается обороны, ведаёт арангиец. Люди, оружие, караулы, стены, ворота. Дела и ключи передашь сегодня. Иди.

Лотар двинулся по коридору привычной упругой походкой, но рыцарь видел, как ссутулились его плечи. Он выждал, когда шаги кастеляна стихнут, и уткнулся в дрожащие ладони. «Мы на войне, — прошептал держатель Хэмптуна. — Они должны подчиняться, чтобы выжить. Я уберегу их...»

— И от себя тоже?

Он рывком обернулся. За плечом никого не было. Лишь тьма в углу сверкнула изжелта-карими лисьими глазами. Пальцы Ги сложились для тройного знамения, но тут же безвольно разжались. Создателю нет дела до проклятых. А вот мёртвым — есть...

Кстати о мёртвых. До зимы требовалось решить ещё одно дело. Гийом откладывал его, сколько мог, но время пришло. Долго сидел в оружейной, но в итоге не надел ни кольчуги, ни шлема. Лишь мечом опоясался да кликнул Хиттера Фрая.

Час спустя они уже покачивались в сёдлах над белёсым от инея полотном тракта. Арангиец зябко кутался в шерстяной плащ.

— Опять даже не спросишь, куда путь держим? — не стерпел Гийом.

Наёмник криво ухмыльнулся.

— Куда путь держим, господин?

— В деревню Вайдбриг.

— Не знаю такую.

— Тамошние вилланы убили моего отца.

Хиттер Фрай затих и подобрался, как зверь перед броском.

— Говорить с ними буду, — объяснил де Лер. — А ты по сторонам поглядывай.

Арангиец кивнул. И мигом расслабился. Ги даже завидно стало. «Храни нас Создатель, — подумал он, сглотнув, — отступника и язычника».

В деревне Вайдбриг на герб де Леров смотрели волками. Одни вилланы бросали дела и шли по домам, другие хмурой толпой следовали за всадниками. Наконец дорогу им преградили пятеро крепких мужиков. Ги натянул поводья.

— Кто староста? — спросил он небрежно.

Взгляды исподлобья были ему ответом.

— Нету старосты. Вместе всё решаем, — с вызовом произнёс темноволосый крепыш в овчинной безрукавке.

— Значит, ты за него, — не моргнув глазом определил рыцарь. — Как зовут?

— Освинд.

— Тогда слушай, Освинд. И вы, добрый народ Вайдбрига, — Ги возвысил голос, обернувшись к толпе. — Что скажет вам сэр Гийом де Лер, сын Бернара де Лера! Держатели Хэмптуна и ваш господин по праву наследования!

Вилланы нахмурились пуще прежнего. Ги встретился взглядом с Хиттером. Тот бесстрастно кивнул — мол, продолжай, раз начал.

— Два месяца назад я потерял отца. Вы тоже лишились близких. Эти раны ещё не затянулись!

Он вздрогнул, заметив на мужицком лбу кривой багровый шрам. Шрам от меча.

— Я знаю, о чём говорю! На войне я пролил достаточно крови — чужой и своей... И не хочу, чтобы она лилась на моей земле!

Вилланы всё ещё хмурились, но он чувствовал, как разжимаются невидимые клёщи. Во многих глазах, что смотрели на него с подозрительным прищуром, появилась надежда. Крови не хотел никто. Вдохнув полной грудью, Ги воскликнул:

— Я не хочу враждовать с вами, люди Вайдбрига! И в знак доброй воли отменяю оброк за этот год! — селяне потрясённо охнули. — То, что нужно замку, я куплю у вас за серебро!

Освинд, не скрывая воодушевления, переглядывался с товарищами. Даже Фрай на миг улыбнулся. Но это ещё не всё. Де Лер поднял руку — разговоры смолкли.

— Народ Вайдбрига! Я выказал свою добрую волю. Теперь ваш черёд.

— Что тебе угодно, господин? — разом посмурнев, спросил Освинд.

Остальные затаили дыхание.

— Моей страже требуется пополнение. Четверо крепких, здоровых парней.

— Трое, — бросил Освинд, опустив глаза.

— Угодно Господу, — Ги осенил себя знамением. Все, кроме арангийца, повторили жест. — Трое, и работы в Хэмптуне весной. Нужен каменщик и плотники.

— Идёт, — согласился со вздохом староста.

В новобранцы предложили шестерых парней. Хиттер выстроил их в ряд. Остановился напротив рослого, белокурого, с дерзкими зелёными глазами. На скуле его красовался бурый синяк.

— Этот. И эти двое.

Освинд кивнул. Они с Гийомом условились, что парни явятся в Хэмптун через пару дней — вместе с подводами, которые доставят провизию.

Покинув Вайдбриг, де Лер шумно выдохнул и зябко передёрнул плечами.

— Ты хорошо говорил, — заметил Фрай, глянув на него искоса.

— Думал, они меня разорвут, — пробормотал Гийом.

— Я смотрел.

И снова Ги проникся благодарностью к чужеземцу. «Он смотрел... а я соловьём заливался. Потому что чуял — спина прикрыта. Но можно ли тебе всерьёз доверять, Хиттер Фрай?» Де Лер, будто в первый раз, изучил спутника: мощные плечи, лысеющая голова, крупный нос... и похолодел. С лица арангийца на него пялились свинячьи глазки Роллана де Го.

— Спина прикрыта? Ну-ну!

Наваждение прошло, но и восторга поубавилось. Гийом решил прояснить вопрос, давно не дававший покоя.

— Скажи мне... Хиттер, с чего вдруг благородный человек из Аранги подался в наёмники?

— Всякое бывает, господин, — равнодушно отозвался Фрай. — Возможно, этот человек не получил наследства.

— Возможно. Но, я слышал, таким всегда рады на Черте. И ехать до неё ближе, чем до нашей Марки.

Глаза арангийца сузились. Видно, знал про Черту не понаслышке.

— Твоя правда, господин. Тогда этот человек, вероятно, хотел исчезнуть, — сказал он негромко.

— И что же он натворил?

— Я убил своего брата.

Гийом встрепенулся. Наёмник заметил и поспешил ответить на немой вопрос:

— Иначе бы он убил женщину и ребёнка.

— Твою женщину и ребёнка?

— Свободную женщину и её ребёнка от моего отца.

Ги собрался с мыслями.

— Если всё обстояло так, то любой суд оправдал бы тебя.

— Мне не везёт с судьями, — печально усмехнулся Фрай. — Пришлось бежать.

— Ты спокойно об этом рассказываешь.

Арангиец пожал плечами.

— А ты милостив с людьми, которые убили твоего отца.

Гийом вдруг устыдился лжи про Вайдбриг. Отчаянно захотелось поведать Фраю свою историю. Он — поймёт. Он — не осудит!.. Ведь он...

— ...такой же, как я! — фыркнул дядя Рейнар. Красные капли разлетелись в стороны. — *Я тоже встал за правое дело. И что получил? Нож в горло!*

— Тебе нет оправдания, паскуда, — прошипел Ги.

— Господин? — спросил Хиттер, склонив голову набок.

— Как трогательно! Мне всегда нравилось твоё упрямство.

— Молчи, братоубийца!

— Правильно, братец! Так его! — Из кустов на обочине возник Жильбер. — *Смотри,*

что у меня есть.

И повернулся спиной, из которой торчал нож.

— Как думаешь, сестричке понравится?

— Ты!.. Только подойди к Анабели... Я спущу с тебя шкуру! — вскричал Гийом, вращая глазами, и дал шпоры коню.

Парзифаль, весь в пене, домчал его до ворот Хэмптуна, изрядно переполошив караульных. Лицо наёмника, прискакавшего следом, было непроницаемо. Ги чувствовал, что должен с ним объясниться, но ужас перед мёртвыми оказался сильнее. Да и не велика ли честь для преступника и язычника?

Пришли холода, от которых ломило кости, а стены Хэмптуна промерзали насквозь. Солнечный бог арангийца чуть не забрал его к себе — ползимы Хиттер Фрай провалился в жестокой горячке. Горничная Анабели — Мариса — ходила за ним день и ночь. Так велела госпожа. Гийом изнывал в мрачных раздумьях, покусывая отросший ус. С одной стороны, не хотелось потерять наёмника, с другой — злило настырное внимание сестры к нему.

Ещё эта дурацкая загадка от Глена... Лотар, недовольно бурча, притащил на суд господина все имевшиеся в замке ключи. Но Ключа среди них не нашлось. Да и демон из Шэмфорста оставил сны де Лера, будто впал в зимнюю спячку.

...

А с весной проснулся...

Но лиха беда начало. Ги едва успел справить нужду и подвязать шоссы, как его позвали из людской.

— Сэр Гийом! Господин!

Белобрысая шевелюра, острый нос... Альфред — новобранец из Вайдбрига. Тот, с фингалом. В замке синяков у него прибавилось, но парень толковый, боевитый. Хиттер выделял его среди других и держал при себе как порученца.

— Чего тебе?

— Хатеман Фрай велел донести. У ворот человек. Говорит, от самого маркиса Гулландского!

Узел третий

Хиттер, прищурясь, наблюдал за господином со стены.

«К посланнику ехал как на битву. А возвращается — будто на казнь, — думал он, глядя на опущенную голову рыцаря. — Не к добру».

Впрочем, с той поездки в Вайдбриг всё не к добру. Тогда наёмник понял, что насторожило его в Гийоме де Лере при первой встрече. Отблеск безумия. Точно такой же, как в тёмных глазах Теобальда... Арангиец поёжился, в груди неприятно кольнуло. Хватит воспоминаний — пора вниз, встретить господина. Вдруг какие распоряжения будут.

Распоряжений не последовало. Парзифаль, гордо задрав морду, прошествовал мимо наёмника. Рыцарь ссутулился в седле и водил перед собой невидящим взглядом. Левая рука прижимала к боку сверкающий шлем отличной работы. Подарок?

Альфред, стоявший неподалёку, смотрел на господина раззявив рот.

— Нечем заняться, Knecht? — сурово спросил его Хиттер.

Тот замотал головой и припустил в сторону донжона. Фрай же помянул Ночных и проследовал за Гийомом до конюшни. Убедившись, что рыцарь покинул её на своих двоих, зашёл к Снежку и долго чистил его, приговаривая всякие глупости. Тревога отступила. Но ненадолго.

— Мастер Фрай! Мастер Фрай!

Мариса — горничная госпожи. Та, что ухаживала за ним во время болезни. Чернявая, пышная, с тёмными озорными глазами. Но сейчас в них плескался страх.

— Госпожа... Ох, Создатель Милосердный! Вы нужны! Скорее!..

Хиттер пошёл за ней без раздумий. Да, сэра Гийом выразился однозначно: к Анабели не приближаться. Но Фрай был должен госпоже. Не приставь она к нему Марису, вряд ли бы пережил зиму. А долг платежом красен, как любил повторять папаша.

Натужно пыхтя — паскудная болезнь наградила его одышкой — арангиец мерил шагами узкие ступени. Мариса семенила впереди, охая и причитая. При этом не забывала бесстыдно раскачивать бёдрами.

Ох, бабы, бабы...

Ещё зимой полногрудая горничная всем видом намекала, что не прочь покувыркаться с бравым хатеманом. Фрай и сам был не прочь, но благоразумно изображал тупого варанга. Он помнил, какими глазами на него смотрела госпожа. Когда узнает — именно когда, а не если; у влюблённых женщин потрясающее чутьё на соперниц — не поздоровится ни Марисе, ни ему. Хиттер сглотнул и усилием воли оторвал взгляд от аппетитного зада.

Вовремя. Горничная привела его в людскую, к закутку, отгороженному занавесками. Фрай вошёл туда — да так и застыл столбом. Анабель, растрёпанная, простоволосая, сидела на деревянном сундуке, прижав к лицу сырую тряпку. Левая скула отливала синевой, щека вспухла. Девушка подняла на арангийца покрасневшие глаза, полные боли, непонимания и детской, искренней обиды.

— ...я ничего не... я просто... спросила...

Слёзы хлынули летним дождём.

Хиттер шагнул вперёд, не зная, куда деть руки. Они сами тянулись к ней — обнять, утешить — но это же госпожа... Или...

Она решила за него. Вспорхнула с сундука, прильнула к широкой груди правой,

здоровой щекой. Ладони Фрая легли на тонкую, гибкую, как деревце, талию. Скользнули вверх, поглаживая, успокаивая.

— Ru'ig, Mädschi, ru'ig...

Анабель всхлипнула, прижалась к нему всем телом. Подняла заплаканное, распухшее лицо. И посмотрела.

Томно. Зазывно. Жадно.

Арангийца бросило в жар. Ночные... как давно он не знал женщины! Его солнце мигом взлетело в зенит, коснулось её бедра через штанину... Он чувствовал её всю. Сердце девушки билось, как птичка в плетёной клетке. Огромные глаза блестели страстью и недавними слезами. Каштановые волосы отливали золотом, ждали прикосновений...

Анабель обхватила шею Хиттера. Осыпала его подбородок, губы и щёки неумелыми поцелуями. Фрай очень хотел ответить, но лишь крепче прижал её к себе. Сквозь ткань платья ощутил два твёрдых соска. «Великий Сол!»

Будто муравей пробежал по затылку. Арангиец вздрогнул и повернул голову.

На него в упор взирал Лотар. Бледный, напряжённый, ошарашенный. Анабель тоже его заметила и гордо вздёрнула опухший нос. Глаза ветерана расширились, челюсть поползла вниз. Он неуклюже развернулся и исчез в темноте коридора.

Фрай отпустил Анабель. Отстранился — мягко, но решительно. Не замечая молящего взгляда. И ушёл, оставив за спиной тихое хныканье.

«Ночь и Смерть! Какой же я болван!» Всё ведь ясно как Сол. Они поругались — господин в припадке отвесил ей пощёчину. И девчонка, чтобы досадить брату, решила соблазнить приبلудного язычника. А тот и рад соблазниться...

Хиттер шумно выдохнул через нос. «О чём ты думал, Фрай?» И чем... Истину папаше рёк: «Wir den brieg, gnädiger Herr, Mädsch ut Kneipen zuv Kerkér!» Право слово, хоть сам себе шары отрезай...

Хорошо, всё кончилось ничем. Хотя... Что помешает Лотару рассказать господину? Уж кто-кто, а ворчливый кастелян точно не пылает к арангийцу любовью. Особенно после того, как лишился должности, которую занимал годами.

Ладно. Зови Ночь, лишь когда невмочь... тьфу, прицепилось! Зажарь тебя Сол, папаша, с твоими прибаутками! Фрай, отбросив терзания, пошёл привычным маршрутом. Оружейная, плац, посты. Везде нашлось, к чему придраться, но он не стал. Арангиец чувствовал, что может легко перегнуть палку, а бойцы — разве они виноваты, что сегодня его припекло?

В самом конце решил навестить караульную. И не прогадал.

Там его ждал Лотар. Коренастый, крепкий для старика. Сумрачное лицо иссечено шрамами. Вислые, как у степняков, усы. Бледно-голубые глаза мечут молнии. Серьёзный предстоит разговор...

— Он ударил её? — гавкнул кастелян, словно пёс.

Фрай, поборов смятение, кивнул.

Старик выругался и махнул на дверь — мол, закрой. Скрипнули петли.

— Я растил его с детства...

Глаза Лотара повлажнели, в тоне сквозила горечь.

— Они с сестрой были не разлей вода. Мелкие сорванцы! Ги всегда защищал её. Ни разу не поднял на неё руку! Ни разу!..

Наёмник хмыкнул.

— Это — не Ги! — прошипел кастелян, злобно уставившись на него.

— Война меняет, — пожал плечами Фрай. — Тебе ли не знать.

Лотар сморщился как от зубной боли.

— Не-ет, не война. Та шомрова охота! Приехал бледный, как мертвец... С тех пор всё скрытничает, готовится...

Он снова вцепился взглядом в наёмника и спросил, раздувая ноздри:

— Ты ездил с ним — расскажи, откуда деньги?

— Нечего рассказывать. — Помолчав, Фрай добавил: — Мы просто забрали две бочки.

— Угу, — покивал ветеран. — Таинственные друзья... И могущественные враги. Маркис де Волор, например...

— Плохой пример.

— Ты даже не представляешь, насколько, — бросил старик, утирая лоб. — На всём Севере нет мерзавца опаснее!

Фрай тоскливо глянул в потолок. Безумный мальчишка, колотящий сестру, умышляет против первого рыцаря Марки... Не надо мозги горстями жрать, чтоб понять, чем всё закончится.

Лотар будто читал по глазам.

— Ты неплохой человек, арангиец, — молвил он негромко. — Я узнал это тогда, у ворот. Ты мог решить всё быстро, но не стал калечить моих парней. Поэтому дам тебе совет: уходи.

«Хороший совет», — подумал Хиттер. Скоро подсохнет слякоть, и граница опять запыхает. Наёмник вроде него легко найдёт работу. Зиму в Хэмптуне он скоротал, денегжат подкопил — пора бы и честь знать. Но...

— Что будет с девушкой?

— Я позабочусь, — Лотар склонил голову. — Забудь её. И уходи.

Арангиец задумался. Тогда, во дворе отцовской усадьбы, он встал против Дитера с его громилами не ради Эльзы. Она-то знала, на что шла, отчаянная сука. Но в доме, в своей колыбельке, плакал малыш Йоганн. Потому что хотел внимания и молока. И ведать не ведал ни о каком наследстве...

...

— Я не воюю с детьми. И тебе не дам.

— Попробуй, щенок. Бей его!..

Хиттер схватился с двумя бандитами сразу — они опали подобно озимым. Бросил в третьего свой кинжал. И пошёл на родного брата с голыми руками...

...

Что ж, долг платежом красен. Фрай, скрипнув зубами, вспомнил, чем отплатила ему Эльза на суде. Так он очутился здесь.

Но был ещё один суд.

Взору явился Слепой. Под мрачным дубом, в неровном свете костра. Алые блики скакали по морщинистому лицу. Вязкая кровь, срываясь с ножа, красила чёрным опавшие листья.

«Спасибо, старик. Теперь мой черёд быть упрямым слепцом».

— Я остаюсь.

Кастелян разочарованно дунул в ус. Но глаза его улыбались.

Узел четвёртый

Рутсинги споро отцепили снасти и сняли мачты, после чего вытащили «змей» на берег. Аки смачно ругался, не желая оставлять «Морского Пса» на попечение гулам.

— Предпочитаешь побережников? — усмехнулся Рольф.

Краснорожий моряк густо сплюнул в ответ.

Побережниками или стрэндрами звали лихих людей, изгнанных из Фиордланда и осевших в Поморье под властью Береговых Ярлов. Атли слышал, что у рутсингов с ними старые счёты. Но теперь предстояло сражаться бок о бок. Стрэнд-ярл Эйрик по прозвищу Свиное Рыло был давним союзником Нордланда.

— Эйрику этому нос размозжили в битве. Гулской палицей. С тех пор велит называть себя Диким Вепрем. Но мы-то знаем, на что это похоже!

Бьярне намекал на известную присказку: «со свиным рылом, да в ярлы!»

Рутсинги взвалили поклажу на плечи, и вскоре Рольф вывел их к союзному лагерю. У Подкидыша захватило дух. Столько людей! И палаток! Грязно-белые тенты усеяли поле, будто диковинные грибы. Гул голосов, конское ржание, бряцанье оружия, стук молотков и топоров. По обонянию ударила острая смесь запахов. Пот, нечистоты, дым. Свежее дерево. Железо. А вот манящий аромат наваристой похлёбки! Мясо, бобы, лук... Мальчик тут же проглотил слюну.

— Мы настреляли зайцев и птицы, — говорил тем временем Рольф, — даже кабанчика добыли. Будет чем отметить ваше прибытие!

Рутсинги ответили радостными возгласами. Сушёная рыба у всех уже сидела в печёнках.

Они шли мимо гулских палаток, среди которых возвышался красно-золотой шатёр конунга. Внимание Подкидыша привлёк воин, правивший лезвие огромного топора. Древко, если поставить на землю, точно достало бы Атли до подбородка! Горм рассказывал, такой топор может одним ударом разрубить всадника вместе с конём. Тогда не особо верилось, а теперь...

Бьярне проследил его взгляд и спросил, заговорщицки улыбаясь:

— Знаешь, почему у гулов всё такое здоровенное — луки, ножи, топоры?

— Почему?

— Да у них пьськи с ноготок моего мизинца!

Рагнар с Гуннаром загоготали. Атли тоже прыснул. Шутки разгоняли гнетущее напряжение.

Но вскоре стало не до шуток. Послышался свист и грубые крики. Вдоль пути отряда толклись молодчики в полосатых штанах и ярких рубахах. Бороды в мелких косичках, бритые виски. У многих на шее — молоты Гара. Побережники, догадался Атли. Они плевались, гнули руки в похабных жестах и горланили оскорбления.

— Островная пададь! Греби домой, мамок своих пердолить!

Фиордландцы в долгу не остались.

— Говноеды! Козотрахи! Береговые крысы!

Подтянулись ещё побережники. В воздухе запахло дракой. Гудмунду и Сванхельду — херсиру «Зверя Пучины» — даже пришлось прикрикнуть на своих воинов. Остаток пути рутсинги проделали угрюмо бурча и почёсывая кулаки.

Но вид костра, на котором жарился упитанный кабанчик, заставил забыть обо всём на

свете. Они рванули вперёд, озарённые благостным пониманием: на сегодня путь окончен — можно сбросить поклажу и поприветствовать товарищей по оружию.

Не все люди Гудмунда вернулись с ним зимовать в Фиордланд. Некоторые воспользовались гостеприимством союзников и остались в Гулленгрё. Как Хьёрлёв Быстрый и его ульфхédнары.

Так назывались воины, что посвятили себя Хёгану и в битве не ведали ни боли, ни страха, кидаясь на врага с яростью волков. В мирное время тоже любили покуражиться, поэтому в Фиордланде их не жаловали и стремились услать куда подальше. Первый муж мамы, Скьягги, был ульфхеднаром, и она от него натерпелась. Так что Подкидыш разделял эту неприязнь.

...И едва не вскрикнул, когда Хьёрлёв возник рядом, будто из воздуха.

Жилистый, длинный, темноволосый. Похожий на жуткую птицу. Костистое лицо, тонкие брови вразлёт, нос крючком. На бритых висках татуировки — два ворона разевали клювы, примеряясь к чёрным глазам ульфхеднара.

Он обнюхал Атли, словно собака, и хрипло спросил:

— Что, маленький колдун, нашёл, что искал?

— Я ничего не искал, — насупился мальчик.

Ему не нравился этот человек и его загадки.

— Значит, само тебя найдёт, — покивал Быстрый. Каркнул:

— Скоро!

И так же резво перенёсся к вождям рутсингов. Гуннар проводил его подозрительным взглядом.

— Говорят, Хьёрлёв жрёт мухоморы и общается с богами. Дескать, поэтому ульфхеднары его слушаются...

— По-моему, он просто жрёт мухоморы, — фыркнул Рагнар

Они разобрали вещи и запалили костёр. В ближайшей рощице нарубили кольев и шестов. С их помощью установили палатку. К тому времени и кабанчик поспел. Атли с братьями, жадно чавкая, поглощали жирное мясо и пышный хлеб. «Трапеза, достойная самого ярла!» — думал мальчик, запивая угощение водой из деревянной кружки.

После обеда Рагнар с Гуннаром разбрелись кто куда, а Подкидыша потянуло в сон. Он забрался в палатку и задрях, наблюдая мешанину из глаз, воронов и багровых огней. Братья растолкали его уже в сумерках.

— Атли, вставай, лежебока! Бочки прикатили!

— Какие ещё бочки? — проворчал мальчик.

— С элем!

Пришлось вылезать и, зевая, идти на свет большого костра. У которого, гремя кружками, суетились рутсинги.

Бьярне осушил пенный рог и воскликнул:

— Добрый эль! Да благословит Фрея щедрого конунга Эду!

— Почему Фрея? — поднял брови Рагнар.

Атли тоже удивился. Эта богиня считалась покровительницей женщин. Маму назвали в её честь.

— Да имя у него какое-то бабское! — беззаботно махнул рукой Бьярне.

Подкидыш отхлебнул эля и сморщился от горечи. Но люди вокруг причмокивали и блаженно лыбились. Ладно... Второй глоток освежил и сделал мир ярче, а с третьего

мальчик звучно рыгнул и рассмеялся. Добрый эль!

Улыбаясь карими глазами, подошёл Рольф.

— Вот и свиделись, Атли, теперь уже сын Гудмунда! Говорят, ты одолел тролля? Как тебе удалось?

— Старался быть сильным. Как Гар, — он достал амулет и показал его хирдманну.

— Рад, что он пригодился, — карие глаза тепло сверкнули. — Но что дальше? Какие подвиги мыслишь?

— Не знаю, — пожал плечами мальчик, — я здесь с отцом и братьями. А ты... зимовал с ульфхеднарами?

— Нет. Гудмунд просил меня сходить в Waellascogne — Страну Вэлов. Проверить кое-какие слухи.

— Ого! И как там? — заинтересовался Атли. — Ты же оттуда родом?

— Да. Но теперь моя родина Фиордланд, — Рольф посмотрел на него в упор, и Подкидышу стало не по себе. — С вами я обрёл то, о чём раньше и не мечтал. Свободу.

— Но ты был рабом...

Лицо хирдманна потемнело.

— Поверь, сын Гудмунда, ваши рабы гораздо свободнее вэльских бондов. Эти villeins для своих господ хуже скотины. Врагу не пожелаешь подобной судьбы...

— Значит, защищая Нордланд, мы стоим за правое дело? — вскинул голову мальчик.

— Получается, так.

Рольф, крикнув, присосался к кружке, а Подкидыша охватило возбуждение. Наконец-то его поход обрёл цель! Достойную и правильную. Не дать вэлам обратить в рабство свободных людей Нордланда! Остальные пришли сюда за добычей и славой — и он, Атли, тоже знает, за что сражается!

Не успел он насладиться этим знанием, как за соседним костром поднялся галдёж. Все повернулись и услышали крик:

— Братцы, сюда! Береговые наших бьют!

— Вперёд! — гаркнул Рольф, бросая кружку.

Сорвавшаяся с места ватага потащила Атли с собой. Он попытался в мешанине спин распознать Рольфа или братьев, но бестолку. Миг, и ревущая толпа хмельных бойцов с разбега влетела в другую такую же.

Стук, хряск, лязг зубов, слюни, вопли...

В скулу летит разбитый кулак. Подкидыш легко уходит в сторону. Пинок под колено бородатому побережнику. Ещё кулак. Пригнуться. И, по заветам Горма, на подъёме зарядить в челюсть. Хрясь! Боль пронзает пальцы... Противнику тоже несладко. Ай! Ухо горит... Назад! Слишком тесно, не уследишь...

Пропущенный удар рассёк бровь. Падаль! Мальчик, уворачиваясь от рук, ног и зубов, начал выбираться на свободное пространство. Хватит с него — сами разберутся! Выскользнув из свалки, он оглянулся...

И остолбенел. В ряды дерущихся ворвалось чудище.

Огромное, с длинными руками. Кулачищи что твой молот. На бугрящейся мышцами шее — массивная голова. Вместо носа — обрубок ноздрями наружу. На башке нечёсанный колтун — топорщится кабаньей щетиной.

Тяжёлые кулаки уroda мелькали быстрее молний. Рутсинги один за другим валились наземь, как сжатые колосья. Соратники тащили их назад и отступали сами. Вокруг

страхолоюда образовалось пустое пространство. Он воздел руки и разразился то ли визгом, то ли клёкотом. Стрэндры за его спиной издали победный вопль.

В круг шагнула невысокая фигурка. Нет, прошептал Атли и, толкаясь, полез вперёд.

— Надери ему зад, Рагнар Эймундсон! — раздался крик Гуннара.

Фиордландцы поддержали смельчака слитным рёвом. Ободрённый Рагнар, опустив голову словно бык, бросился на врага. И отлетел с одного удара. Хлопнулся спиной на утопанную траву. Побережники заулюлюкали.

Рагнар медленно поднялся. Шатаясь, сплюнул тёмное месиво. И упрямо пошёл вперёд. «Стой, дурак! Хватит!» — отчаянно взмолился Атли.

Могучая рука отпихнула Рагнара в сторону.

— Стрэнд-ярл! — Подкидыш сжался. Столько ярости было в знакомом низком голосе. — Хочешь драки — дерись со мной!

— Я не искал драки, Гудмунд Магнуссон, — прокрипел Эйрик Свиное Рыло. — Ваши напали первыми. Я наводил порядок.

— Ещё раз поднимешь руку на моих людей, и мы сойдёмся в круге.

Молчание придавило каменной глыбой — Атли боялся дышать. Лишь волосы на затылке шевелились.

Стрэнд-ярл хрюкнул.

— Эйрик Дикий Вепрь услышал тебя, херсир.

Насмешливо поклонился и канул во тьму.

Побережники, шипя как змеи, расползлись по сторонам. Островитяне чутка поорали им вслед да уши поправляться элем.

Атли пробрался к старшему Эймундсону, который ощупывал зубы под присмотром Бьярне и Гуннара.

— Фенриз тебя сожри, Рагнар! Ты чем думал, когда на него полез?!

— Фмеёффя? — прошепелявил тот разбитыми губами. — Та ефли б не херфир, я б ефо уфатал!

Назавтра всё аукнулось — и злая драка, и добрый эль. По лагерю, словно в безрадостном царстве Селт, скитались жалкие тени людей. Бьярне трясло с похмелья так, что скальд не мог связать двух слов. Рагнар с синяком на пол-лица, морщась, хлебал жидкое варево. У Гуннара с Атли тоже нашлось чему болеть. В полдень Гудмунд кое-как поднял своё воинство и поведал, о чём договорились с союзниками.

По общему замыслу, нордландцы с побережниками двинутся к границе, дабы выманить на себя вэльскую рать. Островитяне тем временем выйдут к ней в тыл через леса; проводник от гулских повстанцев уже прибыл. Дальше — выгадать случай и разбить врага одновременной атакой.

Погомонив, бойцы расселись у костерков — обсудить новости. Атли с братьями разожгли свой. Рагнар, лишившийся верхнего зуба, сплюнул сквозь дырку и проворчал:

— Чё это мы через лес? Гулы пускай по лесам своим шастают.

— Да ну, — возразил Гуннар. — Если гулов лесом отправить, нам тогда с береговыми идти придётся.

Рагнар выругался. Атли поёжился: ему за глаза хватило вчерашней драки. «В дороге, да с оружием — точно друг друга перережем!»

— Вот-вот, — младший Эймундсон подкинул в огонь толстую ветку.

— Тогда добро. В одиночку надёжнее, — тряхнул чёлкой старший. — Я свой зад ни

гулу, ни стрэндру не доверю!

— Да сдался он кому, твой костлявый, — съязвил Гуннар. — Мне вот проводник ихний не нравится. Скользкий, как жопа Óкло. И язык ему, видит Хёган, не зря обкорнали.

— Во! Ещё нас дикарями зовут!

— Это который? — спросил Атли.

— Да вон сидит.

Гуннар кивнул на соседний костёр.

Возле него развалился кряжистый гул, заросший бороδιцей аж до хитрых водянистых глаз. Большой красноватый нос, одежда из шкур. На голове — засаленный меховой колпак.

— На!..

Гийом вlepил кулаком в стену. Зашипел, разжимая пальцы.

Боль пройдёт. Заживёт рука, ударившая Анабель. Но память... память о содеянном никуда не исчезнет.

Он даже не понял, как всё случилось. Будто во сне, будто не с ним... Сестра преградила путь. Прицепилась с нелепыми бабьими вопросами — что-то про ткань или пряжу. Он не запомнил. Отмахнулся не глядя, как от назойливой мухи... попал в скулу. Хорошо, не в нос — мог бы и сломать...

Сестрёнка, милая, как ты не вовремя!

«...А ты, Гийом де Лер... получи!»

— На!..

Часто дыша, он уставился на кисть. Грязную, дрожащую, с кровью на острых костяшках. И впился в них губами, морщась от медного вкуса.

«Ну почему вы лезете ко мне, почему не даёте спокойно вас защитить?»

Спокойствие... как ему нужно спокойствие! Один неверный шаг — и всё потонет в весеннем паводке... Ведь Бык здесь, Бык не забыл... Но дядя ошибся — а может, нарочно обманывал — маркис не пришёл к держателю Хэмптуна. Нет. Он сделал так, чтобы держатель Хэмптуна пришёл к нему!

«Его Сиятельство будет счастлив видеть отважного сэра Гийома в своём войске, да сокрушит оно нечестивых во славу Создателя!» Вот что привёз ему одноглазый посланник де Волора. И новый шлем — взамен потерянного в прошлой битве. Слетевшего с головы от удара предателя де Го... С намёком подарочек!

«...А ты, рука, чего такая целая?»

— На!..

Гийом закусил губу и вдруг расхохотался. Это же сказка! Он был герой, рыцарь на распутье. Гонец в сюрко, с которого пялилась бычья голова, — камушек путеводный. А на камушке выбито: «Направо пойдёшь — голову потеряешь». Доблестно сгинешь в битве, заколотый в спину. Во славу Создателя!..

Конечно, можно отказаться, но: «Налево пойдёшь — тоже голову потеряешь». Маркис натравит на тебя вассалов или странствующих рыцарей. Обвинение в трусости, поединок до смерти. Победа ничего не решит. Найдутся другие.

«...Что скажете, кулачки: направо или налево?»

— На! На! Н-на!..

Направо! Гийом де Лер согласился. Толку прятаться в Хэмптуне, ожидая гибели? Он наденет подаренный шлем и явится на зов своего врага. Но не один, а с арангийцем. Кстати, надо повысить ему жалование, а то сбежит ещё... Интересно, во сколько язычник оценит голову де Волора?

«Нет! Даже думать не смей!» Это наёмник — продажная дрянь, его перекупят. Ни чести, ни совести... Паршивый братоубийца! Ему нельзя доверять!..

Окровавленные пальцы не хотят сгибаться... А и шомр с ними!

— На!..

...Доверять? Кому вообще можно доверять? Отец мёртв. Лотар воротит нос, упрямый

старикашка. Теперь и Анабель отвернулась... Гийом застыл на месте, похолодев от осознания: он один. Все его предали!

Он заплакал навзрыд и беспомощно прижался к стене, которую только что избивал.

— Не все. Мы всегда с тобой.

Они стояли перед ним. Втроём. В ряд, как живые. Его демоны — Лис, Жаба, Свинья.

Гийом отшатнулся в угол и замахал разбитыми руками.

— Убирайтесь в Эфер, твари! Перестаньте мучить меня!

Дядя Рейнар шагнул вперёд, поднимая ладони.

— *Мы не будем тебя мучить. Мы хотим помочь.*

— Ага. С чего бы? — пробурчал Ги.

— *Ты убил нас. Теперь мы живём внутри тебя,* — радостно объяснил братец.

— *И не хотим лишиться нового дома,* — мотнул головой сэр Роллан. — *Иначе нас ждёт Эфер.*

— *Как и тебя, племянник!*

— *Мы все в одной лодке.*

— *Все четверо!*

Гийом ощерился.

— Вот уж помогли так помогли!

Рейнар пожал плечами.

— *Зато мы честны с тобой.*

— *Научись смотреть правде в лицо, мальчик.*

— *Тебе не тягаться с Быком.*

— *Ты пробовал. И потерпел поражение.*

— *Со мною бы тоже не справился,* — фыркнул дядя, — *если б не Глен.*

— Глен? И где сейчас твой Глен? — обиженно выпалил Ги. — Его заботит лишь Ключ, а на меня плевать!

— *Глен дал тебе деньги.*

— *Поэтому Хэмптун всё ещё твой.*

— *Глен оберегает тебя.*

— *Даже когда ты не видишь.*

— *Он верен тебе.*

— *Будь и ты ему верен.*

— *Да! Верь ему, уповай на него, служи ему!*

Ги всхлипнул. Кошмар в тысячный раз пронёсся перед глазами. Поляна и суд. Клятва и чёрное колдовство... И Глен... он ведь обещал!

— ...он обещал, что мы повергнем Быка. Вместе!

— *И это случится,* — заверил Лис.

— Как скоро?

— *Скорее, чем ты думаешь.*

— Но что... мне делать сейчас? — растерянно спросил рыцарь.

Кузен расплылся в мерзкой улыбке.

— *Расслабься, братец! Трахни сестру или служанку!*

Дядя жестом велел ему заткнуться.

— *Вылечи руки. Они тебе понадобятся. Успокойся и помни: утро вечера мудренее.*

Узел шестой

Хиттер знал, что это случится. На бычьих кишках не гадай. Недели не прошло, как господин вызвал его и велел снаряжать бойцов.

— Шестерых, на твой выбор. Припасов на четыре дня. Выступаем сегодня.

Чёрные тени на бледном лице. Незажившие ссадины на костяшках. В покрасневших глазах — лихорадочный блеск. «Он вообще спит?» — невольно подумал наёмник.

— Да, ещё, — опухшие очи уставились на Фрая. — Твоё жалование увеличено на треть.

«За то, что не задаю вопросов, — пришёл очевидный ответ. — Очень умно с моей стороны!» Однако на сердце стало мутно.

Первым делом он разыскал Лотара. Поделиться новостями, да и провиант всё равно через него получать.

— Началось, — охнул старик и побрёл отмерять пайки.

Хиттер тем временем созвал кнехтов. Поведал задачу, спросил добровольцев. На удивление, вперёд шагнули все. К горлу подкатил ком. «Они верят тебе, Фрай. А ты даже не знаешь, что задумал чокнутый юнец». Отобрал в итоге пятерых «старичков» и одного Альфреда. Парнишка из Вайдбрига исправно нёс службу, а ещё был очень предан арангийцу. Почему-то казалось, что последнее немаловажно в этом походе незнамо куда.

Отправив бойцов собирать вещички, наёмник заглянул в стойло к Снежку. Взял в руки щётку и принялся чистить мерина, бормоча под нос. Обычно это помогало разгрузить голову.

— Мастер Фрай! — окликнул его звонкий девичий голос.

Взору предстала Анабель. Хрупкая, взволнованная, но решительная. В жёлтом платье с зелёным орнаментом. Синяка почти не видно под слоем белил.

— Да, госпожа.

— Я должна извиниться перед вами... за тот случай...

«Набелилась, чтоб не краснеть лишней раз», — смекнул арангиец.

— Я не хотела... доставить вам неприятности. Вы были добры ко мне, а я...

— Ничего не случилось. Не за что извиняться.

Анабель вздрогнула, засверкала глазами и надула губки. «Милая девочка, — подумал Хиттер, — что же ты хотела услышать?»

— Вы уходите на войну? — наконец спросила она.

— Похоже на то.

— Я буду молиться за вас. И за Ги...

Хиттер мельком посмотрел на её щёку, замазанную белилами. Анабель заметила этот взгляд. Топнула ножкой и горячо воскликнула:

— Он добрый! Он очень добрый и храбрый, но что-то мучает его. Отравляет, как яд... Спасите его, мастер Фрай! — взмолилась она, чуть не плача.

— Я постараюсь.

Анабель, опустив глаза, подошла вплотную. Дрожа, как тростиночка на ветру, вложила в ладонь наёмника маленький тканевый свёрток. Их пальцы на миг соприкоснулись. Девушка дёрнулась, как от ожога, покраснела — аж сквозь белила — и умчалась, подхватив подол платья.

В свёртке оказалась прядь каштановых волос, перевитая вышитой ленточкой. Теперь

уже Фрай с горящими ушами помянул Ночных и запрятал подарок в поясной кошель. Снежок смотрел на хозяина мудрым, всепонимающим взглядом.

— Молчать, — угрожающе пробормотал Хиттер.

Дочистив мерина, зашёл в караульную к Эжену. Длинный копейщик, которого Фрай одолел в поединке у ворот, оставался в Хэмптуне за старшего. Фрай в нём не сомневался, но лишний раз всё обговорить не мешало. Затем, получив харчи у смурного Лотара, проверил, как бойцы собрались в дорогу, поделил поровну общий груз и перепроверил по второму разу. Наконец он выстроил свой отряд на плацу перед донжоном.

Во двор сошёл господин. Опоясанный мечом, в длинной кольчуге и чёрном сюрко без герба, треугольный щит на ремне закинут за спину. Рука прижимала к боку начищенный до блеска шлем. Глядя куда-то поверх голов, рыцарь скупно сообщил, что маркис де Волор поручил ему ответственное задание. Идти до цели предстоит скрытно, лесами. Дорога будет тяжёлой, но все они достойны доверия Его Сиятельства и справятся с поручением к вящей славе Господней.

Не успели бойцы торжественно гаркнуть в ответ, как объявился Лотар. В кольчуге и шлеме, с торбами и сумой. За поясом — малая секира.

— Сэр Гийом! Я верой и правдой служил вашему отцу, деля с ним военные тяготы. Прошу оказать мне честь сопровождать вас в этом походе!

— Уймись, Лотар. Нам и так рухляди хватает, — де Лер с досадой указал на нагруженный скарбом отряд. — Ещё и тебя тащить...

Послышались смешки. Ветеран сурово сдвинул брови.

— Мой господин, хоть прибежите, но этим щеглам я не то что вас охранять — ночной горшок вынести не доверю. Они дальше Вайдбрига носу в жисть не казали. Да и туда — токмо девок шупать!

Кнехты обиженно засопели. Лотар, наоборот, раздухарился:

— Любого из них за пояс заткну! Что в бою, что в дороге, что с девками. Кто ещё кого тащить будет!

Рыцарь устало махнул рукой.

— Воля твоя, старик. Не поспеешь за мной — брошу в лесу на корм волкам. Это всех касается. Вперёд!

Заскрипела, поднимаясь, решётка.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — сказал арангиец на ухо Лотару.

Тот не ответил, обводя стены, двор и донжон пристальным, долгим взглядом.

Бойцы, огрызаясь на подначки караульных, бодро высыпали из ворот на мост, а затем на сырую после дождя дорогу. Сэр Гийом, высокий, в сверкающем шлеме, был верен слову и задал скорый марш. Лотар, гордо подняв голову, шагал в общем строю. Фрай замыкал колонну, наблюдая, как кто справляется.

Шли хорошо, ходко. «Это пока», — вздохнул наёмник. С дороги свернули к лесу, минуя рощицы вроде той, где осенью брали груз у пьяного монаха. В кронах тоскливо свирчал зяблик. Хиттер, затаив дыхание, оглянулся на замок. Не маячит ли на стене тоненькая фигурка в жёлтом? Захотелось увидеть её напоследок — и сознаться в этом оказалось на удивление просто.

«Ночные!»

Над воротами нежным голубовато-молочным светом лучился Дитер. Призрак завис в воздухе, выпрямившись во весь рост. Правая рука поднята вверх. Силуэт отчётливо

выделялся на фоне объявших Хэмптон серых туч.

Фрай пробрал озноб. «Что ты хочешь сказать мне, брат? Желаеть удачи? Прощаеться? Остерегаешь?»

— Что там, хатеман? — окликнул его Альфред. — Забыли чего?

— Нет, — буркнул наёмник. — Идём.

Они нагнали отряд уже на окраине леса и вместе зашли под полог ветвей с нежно-зелёными, едва развернувшимися листочками. Здесь всё было по-другому. Тень и темень, хоть до сумерек далеко. Овраги и буреломы, узкие ручейки. Подъёмы и спуски. Вязкий ковёр из прошлогодней листвы и такой же вязкий воздух.

Арангиец запнулся о корень и тихо выругался. Ему, привыкшему к степным просторам, лес был не по нраву. Тем более что прошлая прогулка едва не кончилась суком и верёвкой — из-за мальчишки, свихнувшегося на мести... «Es'en Zufall? Da glau'ich nisch!» — папаша говаривал. И впрямь — лучше не думать. Кстати о совпадениях: призрак ведь тоже тогда являлся...

Фрай пытался гнать нехорошие мысли, но слишком уж много накопилось вопросов к этому походу. Зачем они полезли в лес? Почему сейчас? Для чего столько кнехтов? Гийом вещал про скрытность, но от кого они прячутся? Гулы с ваграми только собирают войска — вряд ли их лазутчики объявятся так далеко от границы. Зато дороги пестрят благородными сэрами, спешащими в стан Защитника Марки. Уж не от них ли таится наш рыцарь?

Что за поручение такое, раз нужно избегать даже своих? Фрай скопил глаза на де Лера. Тот гнал вперёд, как ужаленный, легко перемахивая поваленные стволы и раздвигая упругие ветви. Запыхавшиеся кнехты смотрели ему в спину с завистью — поклажа-то рыцарская у них на горбах едет — и неодобрением. Кто-то пробормотал: в господина, небось, лешак вселился.

«Лешак не лешак, но он точно знает, куда идёт. Как тогда, с монахом». Это, конечно, радует, да вот в чём беда. Бойцы уже ноги едва волочат от усталости. У каждого язык на плече. Немудрено: кураж прошёл, приключение выдалось не из лёгких. По лесу шариться — не плац шагами мерить. Остановиться бы, отдышаться как следует. Перекусить, наконец. Хиттер и сам изрядно упарился в толстой стёганке — проклятая болезнь! Уже собирался окликнуть де Лера, но Лотар опередил.

— Господин! Дозвольте сказать! — Гийом даже не обернулся. — Нужен привал. Люди устали.

— Я сам решу, когда они устанут, — процедил рыцарь.

— Господин, — подал голос Фрай, — я согласен с мастером Лотаром. Необходимо заново распределить поклажу.

Гийом де Лер смерил его подозрительным взглядом. Но всё же кивнул.

Хиттер быстро нашёл уютную полянку, разделённую пополам трухлявым стволом, и скомандовал привал. Кнехты, отдуваясь, скинули ношу, да так и попадали на жухлую листву. Рыцарь сел на замшелую лесину, снял шлем с подшлемником и погрузился в оцепенение. Худое лицо заострилось сверх меры, скулы торчали в стороны, как у мертвеца. «Словно жизнь из него кто вытягивает», — мрачно отметил наёмник. Лотар, тяжело кряхтя, пристроился неподалёку от господина.

Восстановив дыхание, арангиец занялся поклажей. Забрал часть груза у коротышек. Им больше шагов делать, а значит, и устанут быстрее. Раздал верзилам, да себя любимого не обделил. Подошёл к ветерану.

Тот покрутил головой. Старик бодрился, но был бледен как полотно. Дышал часто, с натужным свистом. Пальцы заметно тряслись. Хиттер скрежетнул зубами. «Долго в таком темпе он не протянет». Лотар уловил его беспокойство и весело подмигнул. Затем повернулся к Гийому.

— Мой господин, дозволейте спросить: куда мы так мчимся? Кто ждёт нас в королевском лесу, кроме зверья и браконьеров?

Кнехты разом подняли головы. Им тоже было интересно. Де Лер захолопал глазами и уставился на ветерана так, будто видел его впервые.

— Зачем ты здесь, Лотар? — спросил он хрипло.

— Мой господин, я и пытаюсь найти ответ...

— Не надо искать, — резко бросил Гийом. — Ты напротился в поход рядовым бойцом. Так что захлопни пасть и делай, что тебе велят.

Губы старика дрогнули. Он коротко поклонился и молвил:

— Благодарю, господин. Теперь мне понятно, зачем я здесь.

Понуро встал, собираясь уйти. Но вдруг отчеканил, громко и дерзко:

— А что здесь делает Гийом де Лер, славный держатель Хэмптуна?

— Выполняет поручение маркиса де Волора, — помертвевшим голосом ответил рыцарь. Глаза его сузились.

— Кто таков маркис де Волор, чтобы раздавать поручения вассалам Его Величества?

Гийом не ответил. Сидел, раздувая ноздри да сжимая разбитые кулаки. Повисла звенящая тишина.

«Ночь и Смерть! Не нарывайся, старик!»

— Разве Хэмптун — не ворота на Альсбрук? Почему в военное время он оставлен без защиты, — продолжил бушевать Лотар, — а его держатель бродит по лесам? Что с того Защитнику Марки?

Кнехты очумело смотрели то на него, то на де Лера, опустившего рыжую голову. Наёмник сжал древко Очистительницы. На лысине выступил пот.

— Может, это охота? — усы ветерана гневно встопорщились. — На кого в этот раз? На лис? На волков? На предателей? Ответьте, мой господин!..

Господин поднял на Хиттера лютые серые глаза. В них пламенел приказ.

Тяжёлая дубина обрушилась с размаху, сбила старика с ног. Фрай в мгновение ока перехватил оружие и вогнал гранёный шип Лотару в сердце, пришивив к земле. Тот изогнулся дугой — запахло фекалиями — и обмяк.

Кнехты замерли, разинув рты. Альфред бросился в сторону — его стошнило. Гийом обвёл их бесцветным взглядом.

— Вы на войне. И должны подчиняться беспрекословно. Наказание за мятеж — смерть, — выговорил он тускло, без всякого выражения.

— Выступаем.

Побледневшие лица были ему ответом. «Боятся, — понял Хиттер, — но страх лишь удобрит сомнения. И скоро покажутся всходы».

Он напрягся и потянул древко. Шип, коротко чавкнув, покинул грудь мертвеца. Арангиец сгорбился, как под непосильным грузом, и присел рядом с телом. Мягко закрыл голубые глаза ветерана, пальцем провёл по шраму на впалой щеке.

«Обогрей тебя Сол, старик. Увидимся».

— Долго ещё нам тащиться? — пробурчал Рагнар, с хрустом выдравшись из колючего ельника. — Что этот пёс говорит?

— Так он не говорит, — усмехнулся Гуннар. — У него языка нет. Забыл?

— Но Сигольд его как-то понимает...

— Может, потому что сам немой наполовину?

Высокий седовласый хирдманн тенью следовал за проводником, не спуская с него холодных, как у змеи, глаз. В юности копьё пробило Сигольду челюсть, и на лице навсегда застыла жутковатая улыбка. Говорил он мало и невнятно, за что и был прозван Полуротым.

«Этот не проворонит», — подумал Атли. Понятно, зачем херсир приставил к гулу охранника. Немой в засаленном колпаке не внушал ни приязни, ни доверия. А уж вонял — хуже, чем распоследняя псина. Гуннар его так и нарёк: Вонючка.

Шестой день кряду вёл он фиордландцев на встречу со своими друзьями, которые тоже имели зуб на вэлов и обещали помочь сведениями и припасами. Рольф на одном из привалов обмолвился, что это гулские землепашцы, сбежавшие от произвола господ.

— Лес даёт им приют. Сбиваются в шайки и промышляют браконьерством да грабежом.

— Хороши союзники, — сплюнул Рагнар, — срань разбойная!

— Срань не срань, а стрелки они меткие, — заметил кареглазый хирдманн. — В том году изрядно вэлам крови испортили. Нынче мало кто суётся в Шэмфорст без солидной охраны!

Подкидыш вздохнул. Охрана у него — солидней некуда, почти сотня рутсингов, нападение вроде как не грозит. Но тревога всё равно не отпускала. Деревья-великаны подавляли размерами, в сумраке меж стволами крались зловещие тени, а когда напелз туман — становилось совсем жутко. Даже бывалые воины хмурились и до рези всматривались в стылую мглу.

Огонькам здесь тоже не нравилось. Прыг и Скок настороженно подрагивали и подолгу зависали на месте, будто прислушиваясь к чему-то далёкому и опасному. Это волновало мальчика поболее, чем туман и темень. Как бы снова на тролля не нарваться...

Зато ульфхеднары были довольны. Шарились в подлеске, рыча и принюхиваясь, охотились на дичь, пили звериную кровь и мазали ей лица. Одной ночью, заслышав тоскливый волчий вой, выскочили из палаток и завыли всей сворой в ответ. Возник нешуточный переполох, чуть до драки не дошло. Хьёрлёв быстро унял своих подопечных, но глаз до рассвета так никто не сомкнул.

К исходу седьмого дня Тилле и Стурле — близнецы из хирда Гудмунда — обнаружили неподалёку человечьи следы. Вонючка подтвердил, что до места встречи рукою подать, и предложил разбить лагерь. Мол, утром встанем и разом доберёмся. Однако херсир велел:

— Идём сейчас.

Гул попятился и жалобно замычал. Близнецы скрутили его, заломив руки за спину. Сигольд вынул кривой нож, оттянул ухо строптивца и одним движением срезал мочку.

— Веди, — приказал Гудмунд скулящему Вонючке. — И не вынуждай нас повторять!

Дальше пошли во всеоружии, готовые чуть что сбиться в плотный, нерушимый строй. Рагнар, в кольчуге и отцовском шлеме, левой рукой держал щит, правой — коптящий тюленьим жиром факел. Атли вцепился в лук, размышляя, положить стрелу на тетиву или

рано. Оглянулся на Тилле и позавидовал его спокойствию — светловолосый хирдманн будто прогуляться вышел. Стурле — такой же безмятежный, одно лицо с братом. Сзади Гуннар в безрукавке из варёной кожи, на плече — верное копьё. Непривычно молчаливый Бьярне с мечом наголо. Огоньки плыли справа, мерца в сгустившихся сумерках.

Вонючка вывел рутсингов к недобро чернеющей дубраве и остановился. Сигольд Полуротый ткнул его в спину обухом топора. Гул жестами призвал подождать.

Трижды прокричала неясить. Проводник кивнул Гудмунду и двинулся вперёд, зажимая ухо окровавленной тряпкой. А Прыг и Скок вдруг заморгали и, сузившись, пропали без следа.

«Фенриз!» — ругнулся про себя Атли. Конечно: время позднее, огонькам пора спать. Без них он сильно потеряет в меткости. Оставалось надеяться, что переговоры пройдут успешно.

Войско, щетинясь копьями, медленно вползло под сень вековых дубов. Ульфхеднары разбились на две стаи и крались по бокам от основной колонны, едва различимые в темноте. Подкидыш косился на поджарые силуэты в накидках из волчьих шкур, и по спине его бежали мурашки. Он чувствовал себя глупым оленёнком, которого гонят в западню матёрые серые хищники.

Впереди забрезжили огни. Гудмунд велел приготовиться. Атли достал стрелу и кое-как приладил к тетиве дрожащими пальцами. Вскоре вышли на обширную прогалину с древним кряжистым дубом. Тень его узловатых ветвей разгоняли два факела.

Их держали бородатые верзилы в плащах. Рожи — как из одной колоды с немой Вонючкой. Третий, стоявший посередине, на их фоне казался карликом. Но выделялся не только ростом.

Факелы осветили круглое лицо, изъеденное оспой. Выпученные глаза, приплюснутый нос, скошенный подбородок. Что за цверг? Коротышка улыбнулся, кривя мелкий рот, и поднял в приветствии правую руку.

А дальше... Атли словно обдало шквалистым ветром. Кожу укололи тысячи маленьких игл. И вся его суть откликнулась, узнавая: «Волшебство! Волшебство Страны Холмов!»

Радужным семицветьем вспыхнула перед строем крепкая фигура. Зычно крикнула голосом Рольфа: «Ak'h seh'n Fémoirau!» — и пара зелёных ви ринулась к коротышке, впила с жужжанием в дырявое лицо...

Высокий нечеловеческий визг резанул по ушам. Уродца окутало пепельно-серое облако. А в нём будто уголь полыхнул от ветра...

Оглушённый Подкидыш взгляделся в дымные клубы. И сердце упало ниже печёнки. И ноги подкосило, как от хмеля...

Во лбу коротышки разверзся огромный багровый глаз.

Из темноты с шелестом посыпались стрелы.

Он не знал, сколько провёл в пути, и даже не думал об этом. Ел то, что совал ему в руки Хиттер, и совершенно не чувствовал вкуса. Закрывал глаза в темноте — через миг в них брезжило серое утро. Ничего не имело значения, только дорога.

Которая вводила всё дальше от поляны, где остался лежать холодный труп Лотара.

Рыцарь вспомнил, как это случилось. Немой приказ, тело, пронзённое стальным шипом... Красное сияние под ногами померкло, над головой сомкнулись густые сумерки. Нет. Быть не может... Это же его старик. Ги вырос у него на коленях. Играл в деревянного коника, слушал сказки про умных зверей... «Кумушка-Лисичка, братец Волк — не ешьте моего Лотара. Я вернусь и заберу его!»

Он подавил всхлип. Хватит ныть! Старый упрямец сам захотел остаться в прошлом. Пусть гниёт. Будущее за теми, кто не перечит приказам. За теми, кто подчиняется. Как Хиттер Фрай. Как сам Ги, который чуть не сошёл с ума от ненависти и отчаянья. А потом обрёл покой. Покой в служении. В служении Глену.

Мёртвые не солгали: Глен пришёл к нему ночью, и всё встало на свои места.

— *Радуйся, Гийом де Лер. Час твоей мести близок. С Рожером де Волором будет покончено — раз и навсегда!*

Ги возликовал, а вот чело колдуна омрачила тень.

— *Я бросил клич верным, но их слишком мало... Отряд Теобальда уничтожен. Мне нужен ты...*

Рыцаря передёрнуло от его алчного шёпота. И вдруг стало понятно: линн устал, смертельно устал. Щёки ввалились, кожа стянула череп, словно тонкая ткань. Голодные глаза вцепились в Гийома, будто хотели отгрызть от него кусок.

— *...ты, и твои люди. Семерых будет достаточно. Я укажу путь.*

И сейчас де Лер шёл по этому пути. Извилистая дорога меж стволов, корней и кустарников, подсвеченная багровыми огнями. Жуткая, завораживающая, манящая. Ноги сами несли Гийома по ней и, казалось, не ведали усталости. Ещё бы: каждый шаг приближал его торжество. Скоро он повергнет врага и обретёт свободу!

...Какую ещё свободу? Смерть маркиса не отменит языческую клятву и колдовскую связь с Гленом. Ги де Лер — отступник и святотатец. И шомры будут вечно пытаться его душу под раскалёнными сводами Эфера...

Плевать! Братоубийца Рейнар не боялся предстать перед Господом. И Гийому найдётся, что сказать Ему на судилище.

«Ты сам оставил меня! Трижды! На поле боя — жить и страдать. В Шэмфорсте — умирать от ран. У чаши с кровью — служить Глену! Если на всё воля Твоя, то в чём же моя вина, Создатель?..»

Может, он и окажется в Эфере. Пускай. Но сперва отправит туда насильника, отравителя и убийцу, названного, словно в насмешку, Защитником Марки!

Гийом вспомнил прошлую попытку и усмехнулся. Каким же он был мальчишкой! Напыщенным дурачком, помешанным на чести. Лично сразить Быка!.. И закончить на плахе, как шомров предатель. Нет! Сделаем, как предложил Глен:

— *Мы уничтожим его чужими руками. А потом вернёмся в Хэмптун и вместе найдём Ключ!*

Хорошая сделка. Честная. Глен всегда был честен с ним. С самого начала. С договора на пиру — отдай то, чего не ждёшь обрести дома...

...Но ведь это Глен сделал яд, которым отравили отца... он знал, что потребовать!

Ерунда! Не будь Глена, дядька нашёл бы другой способ. На то он и Чёрный Лис. Хадумал, это он использует линна... Глупец! Глена нельзя использовать — Глену можно только служить!..

— Господин!

Голос арангийца вырвал Гийома из плена багровых огней. Рыцарь, моргая, всмотрелся в потное лицо под плоским шлемом. Наёмника шатало. Меж рубленых фраз поселилась одышка.

— Люди выбились из сил... Уже темно — можем потеряться... Ночевать предлагаю здесь, — он обвёл рукой заросшую кустарником балку, — хоть место не лучшее...

Де Лер вместо ответа оглядел своё воинство. Кто-то сидел на корточках, хватая воздух ртом. Кто-то валялся на холодной земле, уставившись вверх пустыми глазами. Кто-то едва стоял, вцепившись в плечо товарища — так бражники держатся друг за друга на выходе из таберны.

Рыцарь скривился. «Шомровы слабаки! Зарыть бы вас в этом овраге, но вы нужны Глену!» Он чувствовал: надо идти. Огни зовут, линн ждёт. Нечего церемониться!..

...Перед взором вспыхнули два жарких зелёных солнца. Искрящих, безжалостных. Ги завопил и схватился за глаза. В них будто плюнули расплавленным свинцом.

Жгучие светляки Т' хаеппап! Как давно он не знал этой боли... Разрывающей, полосующей... Он ранен и слаб, бессилен перед сверкающим убийцей... Надо бежать! Бежать!

Туда, куда ведёт багровая тропа. Туда, где можно будет поесть!..

— Щиты!! — медведем взревел Гудмунд.

Воины первого ряда выставили щиты перед собой. Остальные — подняли над головами. Стрелы вонзались в обтянутые кожей доски, стуча словно крупный град.

Атли с Гуннаром прижались к щитоносцам, опасливо горбясь. Плохо без шлема! Прилетит в башку — мало не покажется! С флангов раздалось рычание — то ульфхеднары бросились в атаку. Совсем рядом вскрикнул рутсинг — стрела поразила его плечо. Подкидыш испуганно дёрнулся.

— Дети Окло, — пробурчал младший Эймундсон.

— *Атли...* — раздался слабый голос. — *Атли! Ты слышишь меня?*

— Рольф? — вздрогнул мальчик, озираясь.

— Где? — Гуннар тоже завертел головой.

— *Атли! Найди меня... Там, где сияние...*

Сияние? Радужный силуэт — это был Рольф?!

— *Быстрее...*

Атли, повинуясь, скользнул вправо.

— Куда?.. — окликнул его кузен.

Но Подкидыш упрямо протискивался меж напряжённых щитоносцев. Наступил кому-то на ногу, получил тычок в бок... Неважно — он должен выбраться!

Из леса донеслись истошные вопли и торжествующий вой. Поток стрел иссяк. Воины-волки знали своё ремесло. Не зря терпели их всю дорогу.

— Разойдись! — скомандовал херсир.

Бойцы расступились, держа щиты наготове. Пробираться стало проще. Вот оно, то место!

Атли встал как вкопанный. Судорожно раскрыл рот. Глаза набухли слезами.

Рольф неподвижно лежал на спине, ухватившись руками за горло, из которого торчало сизое оперенье стрелы. Над головой хирдманна дрожал и покачивался, сверкая всеми цветами радуги, небольшой, с детский кулак, шар.

— Нет, — пролепетал мальчик, рухнув на колени.

Бросил ненужный лук, на четвереньках подполз к Рольфу, схватил его запястье...

Тихий шорох, словно крылья мотылька. Сверкающий шар истаял. Радужное сияние перетекло на пальцы Подкидыша, поднялось по рукам тёплой волной. Он потрясённо вздохнул. Мир вокруг стал другим!

Глаза различали каждый листик, каждую веточку, мелкий узор на шершавой коре дуба! Тело Рольфа лучилось мягким бледно-жёлтым светом. Воины Фиордланда — насыщенно-золотым. Руки самого Атли переливались семью цветами. В правом углу зрения зажглась и поползла вверх бронзовая полоса. Мигнула, пропала...

— *Ты успел. Теперь Доспех твой. Молодец, парень!*

Он снова раскрыл рот. Да, в этот раз совершенно точно — голос Рольфа отчётливо звучал внутри головы!

— Как ты...

— *Нет времени! Мы должны убить фёморо!*

— Феморо?

— *Чудище с красным глазом. Я ранил его — ты доверишь начатое! Доспех поможет, а я подскажу. Скорее, он не мог уйти далеко!*

Сердце Подкидыша учащённо забилося. Он вспомнил, что Этельстен — его настоящий отец — говорил про Стражей Границы и их врагов. Получается, Рольф — воин Страны Холмов. И просит его помощи. Но разве он, Атли, не выбрал мир людей? Какое дело ему до альвов с феморо? Пусть разбираются сами! Его долг — защищать своих: Рагнара, Гуннара, Гудмунда...

— Я никуда не пойду! — сказал он сердито.

— *Феморо — это угроза всем! Они питаются людьми!*

— Почему я должен тебе верить?

— *Потому что у тебя на шее амулет Гара.*

Атли закусил губу. Да, это Рольф подарил ему амулет-молот, не давший Этельстену забрать сына в Страну Холмов. Значит...

— *Я позволил тебе остаться и защитит тех, кого любишь. Помогите мне и ты! Прошу!*

Мальчик не успел ответить. В поле зрения возник громадный силуэт, подсвеченный золотисто-бурым. Он проломился через кустарник и вывалился на прогалину с криком и треском. Человек! Но здоровый как тролль, окровавленный, в лапищах — цельный древесный ствол с прилипшей к корням землёй. За широкой спиной выли и хохотали ульфхеднары. Громила застонал и, воздев дубьё, попёр на Подкидыша.

— *Атли! Лук!*

Атли пришёл в себя и бросился к оружию. Благо, недалеко! Встал на одно колено, вскинул лук...

И не смог отпустить тетиву. С покатых плеч громилы на него смотрела маленькая

детская голова. Пухлые губы, блестящие от слюны. Смешные вихры на макушке. Курносый нос.

И глаза. Глаза обречённого животного. Всё ближе и ближе...

— *Стреляй!*

Пальцы разжались. Стрела по самое оперение вошла громиле под ключицу. Он заплакал, детское лицо исказилось. Справа выскочил Гуннар — вонзил копьё в обвислый живот. Рагнар зашёл слева и полоснул по ноге. Большой ребёнок, всхлипнув, пал на колени. Рагнар отбросил щит, взял меч двойным хватом, приметился...

Подкидыш отвернулся, пряча в рукаве жгучие слёзы. Шаркнул по ушам звук удара, а вот грузная туша сползла на землю совсем неслышно.

«Зачем я здесь?» — думал Атли, сжимая зубы. Он ведь решил, что сражается за правое дело... А потом убил несчастное испуганное существо. Где тут правда? Где справедливость? На лезвиях мечей?..

«Кто же привёл его сюда, кто заставил участвовать в жестокой игре? Кто ответит за эту ненужную смерть?»

— *Феморо*, — напомнил Рольф. — *Время не ждёт. Тебе понадобятся ви.*

— Но сейчас ночь. Они спят...

— *Доспех прибавит им сил. Вызывай!*

«Прыг? Скок?» — мысленно произнёс мальчик.

Над головой зажглись два зеленоватых огонька. Они выглядели крупнее, чем обычно, и ярко сверкали в темноте.

— *Вели им взять след!*

Прыг — более зелёный, чем изумрудный — и Скок — более изумрудный, чем зелёный — понятно мигнули и закружились возле древнего дуба.

— *Готово. Вперёд!*

Подожли оба кузена. Остановились у мёртвого тела Рольфа. Рагнар, присвистнув, сунул меч в ножны и подобрал клинок хирдманна. Крутанул в руке, довольно оскалился. Гуннар вздохнул и хлопнул Подкидыша по плечу.

Тот шмыгнул носом, решаясь.

— Есть дело, — он посмотрел на братьев через прищур. — Прикроете меня? Как тогда, с троллем.

— Мы с тобой, — заверил Гуннар. Рагнар свирепо кивнул.

И они втроём побежали за огоньками.

Узел девятый

Хиттер даже ахнуть не успел. Всё произошло слишком быстро.

Господин заорал, будто его резали, и схватился за лицо. В следующее мгновение легко взбежал по крутому склону оврага. Чёрный сюрко исчез меж стволов, как камень в мутной воде.

Потом раздался далёкий крик. Он и привёл наёмника в чувство.

«Skildir?! Это же на варанге — щиты...»

А вот слитный вой заставил похолодеть. Волчья стая? Беда не приходит одна! Хиттер попятился, развернулся и обнаружил, что на него вылупились шесть пар глаз. Кнехты сгрудились полукругом, их лица тревожно белели в темноте.

Наёмник сглотнул. Нужно решать, что делать. И решать быстро. Прямо сейчас!

Какой у него выбор? Тащить обессиленных кнехтов на поиски? Не выйдет — они уже на пределе. Если и найдут беглеца, то сами прикончат. Да нет — скорее, потеряются в чаще и станут добычей волков...

Тащиться самому? Нет уж, дудки. Он не нанимался к безумцу в няньки. Хватит с него этого дерьма! Заночует с бойцами здесь, а завтра поведёт их обратно в Хэмптун...

...в Хэмптун, где серые глаза и каштановые волосы. Хиттер вспомнил её и покраснел до ушей, как нашкодивший малец.

...

— Спасите его, мастер Фрай!

— Я постараюсь.

...

Каков же итог стараний? «Соболезную, госпожа: ваш брат убежал в лес навстречу волкам, а мне стало темно и страшно. Я бросил его и со всех ног помчался в Хэмптун, чтобы рассказать вам об этом. Где Лотар? А Лотар просто погиб ни за что ни про что...»

— Nacht ut Mor-rt!

Хиттер выругался и обвёл бойцов бешеным взглядом.

— Гуго!

Крепыщ, которого он победил у ворот, шевельнул перебитым носом.

— Ты старший! Из этой балки ни шагу. Один караульный. Костра не разводить... если только волки не сунутся.

— Хатеман Фрай, — гулко прошептал Альфред в полной тишине, — вы уходите?

— Я должен, — ответил наёмник сквозь зубы. — До полудня не ворочусь — снимайтесь, и в Хэмптун.

— Вместе вернёмся, — твёрдо сказал Гуго.

— Да, хатеман! Возвращайтесь! — загомонили остальные.

— Увидимся.

«Лотару ты говорил то же самое, Фрай».

Немилосердно кряхтя, он взобрался по склону. «Проклятый мальчишка... скакал как сайга», — зависть кольнула сапожной иглой, да прям в бочину... Опёрся о дерево, сию секунду продохнуть, и вздрогнул всем телом.

Снова крики. Да не простые. Так кричат люди, когда в них погружают острое железо.

«Что тут творится, Великий Сол? Куда мне идти? Темень кругом, а я отнюдь не сова. Ни

тропы, ни следа, ни подсказки...»

Далеко впереди, за деревьями, мигнул знакомый опаловый свет.

— Дитер? — вскинулся арангиец.

Свет мигнул ещё раз. «Я иду, брат!» — и он припустил в ту сторону. Оскальзываясь на корнях, задевая сучья, раздвигая подлесок. Лишь бы не потерять! Завывания волков и урчание козодоя подгоняли, словно хлыст в спину.

Неожиданно перед Хиттером вырос человек. И кубарем полетел влево, столкнувшись с массивным арангийцем. Сам Фрай, хоть и крутнуло его знатно, на ногах удержался и даже дубину не выронил.

Человек завозился в сырой листве и приподнял голову. Лицо как творог, тёмный провал рта, шальные глаза, козлиная борода. Хиттер застыл напротив в угрюмом ожидании. Миг они пялились друг на друга, потом незнакомец заверещал и на карачках уполз в кустарник.

За спиною раздался смех. Гадкий, хриплый, каркающий. Хиттер мягко развернулся и выставил Очистительницу.

Как подобает Ночным, он словно соткался из сумрака. Длинный, сутулый, худой как Смерть. Смерть — верное слово. От него разлило смертью... и падалью.

Поиграл окровавленной секирой, облизнул губы и замер, принюхиваясь.

— Сильный... И слабый! Живой... И мёртвый! Двое в одном! — прозвучало на варанге.

Ночной захохотал, раскинул крыльями руки и растворился во тьме.

«Великое Солнце, — подумал Хиттер, морщась. — Что за чушь? Да ещё на мёртвом языке».

На языке, который перестал звучать полтысячи лет назад. Когда Унгурская Орда, сокрушив великую Империю, сама распалась на племена и кланы. Когда пришлые смешались с местными. Когда варанги стали арангийцами...

«Так писал Иоганн в своём трактате «О происхождении и деяниях варангов». Но у нас тут, похоже, история оживает. Не к добру, Фрай, ох не к добру».

Снова промеж стволов забрезжил опаловый свет, и Хиттер устремился к нему, не забывая, впрочем, поглядывать по сторонам. Сзади донёсся предсмертный вопль и залихватистый волчий вой. Наёмник скрежетнул зубами и ускорил шаг.

Осиновая роща. Сюда его вёл призрак? Нутро скрутило нехорошим предчувствием. «Точно сюда». Деревья тревожно шуршали, серебрясь во мраке. Впереди мелькнул алый отблеск. И ещё раз. Костёр? Не похоже. Аккуратно ступая, сдерживая дыхание, арангиец вышел на укромную поляну. И обмер.

Гийом де Лер стоял на коленях, покачиваясь из стороны в сторону. Голова запрокинута, изо рта выползала слюна и тихий хрип. А за спиною рыцаря, в тени, — пряталось то, чему нельзя подобрать название.

Невысокая фигура. Вроде бы человеческая, но вся подёрнутая пепельной дымкой. У головы завеса была тоньше — там багрянцем мерцал глаз. Огромный, на весь лоб, без зрачка и радужки, жгучий, как раскалённое железо в кузне. В прерывистом свете виднелось уродливое лицо с ямами оспин и мёртвыми бельмами в глазницах.

Выдох с шумом прошёл через ноздри Фрая. Чудище встрепенулось и вперило в него жуткое око. Кровь арангийца застыла в жилах, а потом взбурлила, словно собираясь кипеть. Шея де Лера медленно повернулась.

— Убей! — велел он наёмнику мёртвым, не своим голосом.

И перевёл алеющие зрачки на тройку мальчишек, которая выскочила из леса.

Узел десятый

Заросли кончились. Атли вынырнул на поляну и замер, округлив глаза. Рядом звякнула кольчуга Рагнара. Гуннар, налетев на брата, раскрыл рот, но тут же проглотил возмущённый возглас. Феморо был не один!

Серое облако ютилось в тени деревьев, подмигивая злым багровым огнём. Из него вырывался пульсирующий отросток и гибкой лентой обвивал воина, стоящего на коленях. Высокий шлем разбрасывал алые блики, зрачки воина тоже сверкали алым. Он сказал:

— Tue!

И устремил на Подкидыша мертвенный взгляд.

— *Кукла!* — всколыхнул сознание крик Рольфа. — *Убей кук...*

...Багровая вспышка. Невидимый таран ударил в грудь, и Атли швырнуло в ближайшую осину. Клацнули зубы, спину пронзила боль, а уши будто забило паклей. Рольф молчал. Бронзовая полоска в углу зрения поползла вниз и сменила цвет на кроваво-красный.

— Атли... Атли... — голос Гуннара пробивался, как сквозь толщу воды.

Подкидыш поднял голову. Темнота рябила, будто рой мошкары, лицо кузена расплывалось в стороны. «Он цел, хвала Гару!» — мысль придала сил, и мальчик, уцепившись за руку Гуннара, поднялся на ноги.

На поляне кипел бой. Целых два боя. Прыг и Скок, гудя как злющие шершни, налетали на тварь и буравили её пепельный саван. Феморо шипел и отплёвывался яркими искрами. Рагнар же схватился со здоровяком в плоском шлеме и явно проигрывал ему в мастерстве. Дубина с острым шипом порхала в руках незнакомца как пёрышко, а тяжеленные удары по щиту чудом не забивали кузена в землю. Долго он так не протянет!

— Я в порядке. Помоги брату, — велел Атли.

Гуннар, подхватив копьё, бросился на здоровяка. «А у меня свой враг». Подкидыш повернулся к феморо. Почему огоньки не могут взять верх? Рольф же почти убил гадину... Внимание привлекла багровая лента, спеленавшая неподвижного воина. Она пульсировала, наливаясь цветом, а золотистое сияние человека наоборот — тускнело.

«Они питаются людьми!» Кожу Атли продрал мороз. Что ещё говорил Рольф? «Убей куклу?» То есть воина... Наверно, это лишит феморо сил. Взгляд зашарил по земле. Где же лук?

Знакомый изгиб вспыхнул серебром справа от дерева. «Отличная штука этот Доспех!» Левая рука хватает лук. Правая — вынимает стрелу из тула. Просто и чётко, как на тренировке. Мишень отлично видна в красноватом свете...

Мишень?.. Подкидыш едва не поперхнулся. Это же человек! Не враг, не злодей — просто жертва! Как тот амбал с лицом напуганного ребёнка... Глаза предательски зашипало. «Так нельзя!» Но что тут придумаешь? Жизнь братьев в опасности! И он обещал Рольфу прикончить тварь!..

— На!

Стрела с тихим шорохом понеслась к высокому шлему. Прошла рядом с ним, метя в злобное око феморо...

... и зависла в воздухе, трепеща. Нырнула вниз и воткнулась в каком-то шаге от цели. Красный глаз насмешливо подмигнул мальчику.

— Пададь, — процедил Атли. Нутро захлестнула ярость. — А если вот так?

Ви, повинуясь приказу, оставили беспорядочные атаки, сместились к голове куклы и обрушили на багровую пуповину сноп жгучих изумрудных искр. Лента заколыхалась, феморо гнусно заверещал.

— Ага! — победно вскричал Подкидьш. — Не нравится!

Но торжество его длилось недолго.

Воин в блестящем шлеме зашевелился. Судорожными рывками встал на ноги, распрямился во весь немаленький рост. Потянул из ножен острый меч, снял со спины треугольный щит.

И двинулся к Атли. Неотвратимо, как горный оползень.

Хиттер легко мог убить мальчишку — уколом в лицо поверх окованной кромки. Но в последний миг отвёл руку. Как и несколько раз до этого. Парень едва удерживал щит, но всё равно лез вперёд, упрямо набычившись. Глаза в щелях полумаски неистово блестели. «Великий Сол, за что? Ты же знаешь — я не воюю с детьми!»

Наёмник отнюдь не рвался в драку, но ему не оставили выбора. Жуткий глаз полыхнул багровым — одному из ребят не поздоровилось. Второй хлопотал над ним, а третий... третий счёл Фрая угрозой. И теперь наступал, тесня арангийца к шипящему, изрыгающему искры монстру.

«Юный храбрец! — думал Хиттер, отражая удар меча. — Кто они тебе? Друзья, братья? А за кого сражаюсь я?» Мельком глянул на серую тварь, на одурманенного Гийома... И резко отдёрнулся вправо. Копьё, сверкнув в темноте, пропорол стёганку, кольнуло бок.

Монстр перестал искрить и пронзительно заверещал. Но Фраю было не до него.

Второй мальчишка заходит слева. Светлые волосы схвачены широкой повязкой. Глаза сощурены. Длинные руки сжимают древко.

«Опять копейщик и щитоносец... Да что ж такое!» — скрежетнул зубами наёмник. Играть в поддавки больше нельзя. Рана плёвая, но он слишком устал — вдвоём юнцы его доконают... Сердце сжалось. «Решай — они, или ты!..» Светловолосый что-то крикнул коренастому. Опять варанг? Похоже! Краем глаза Фрай заметил, что де Лер с мечом идёт на третьего парня...

...и решил.

С криком: «Eg’r vínur!» — он отскочил назад и швырнул Очистительницу в темноту. Мальчишки потрясённо застыли. Переглянулись. «Друг!.. Я друг!» — оглушительно выстукивало сердце арангийца.

Гийом наступал, закрываясь щитом. Стрела цыкнула о кольчугу и застряла где-то у бедра. Гийому было всё равно. Он шёл на врага, чтобы убить. Ничто не имело значения, кроме воли Глена. Враг Глена — враг Гийома.

Полукровка слаб и глуп. Он не убил куклу, пока была возможность, — это станет его последней ошибкой! Но где его старший товарищ, неужто погиб? Тогда всё складывается превосходно. Надо лишь прикончить мерзкого Т’ хаеппа!

Гийом настиг врага. Больше не будет стрел. Врагу не сбежать! Только и может, что ставить под удары свой лук. Что там жужжит у затылка? Всё громче. Не оборачиваться! Враг опасен, хоть и выглядит обычным мальчишкой. Убить!

Светляки не успеют. Связь с куклой крепка! Силы хватит, чтобы разобраться с этими людшками, восстановить маскировку и отправиться в Хэмптун. Если Ключ там, то

Ф'рриан Кукольник обретёт его и покончит с Изгнанием!

Выверенный сильный удар, и лук отлетает в сторону. Щит Гийома сбивает врага с ног. Острие меча скользит вниз. Во славу Глена!

Узел одиннадцатый

Мир перевернулся вверх тормашками. Несчастливая спина Атли встретила твёрдую землю. В глазах потемнело от боли. Громадный воин заслонил собой небо. Кончик меча — не закруглённый, как обычно, а кинжально острый — смотрел Подкидышу в грудь.

Атли зажмурился. Всё. Он подвёл Рольфа и обрёл братьев на смерть. Поддавшись жалости, которой не ведала кукла феморо. Глупо...

Однако поразил его не острый меч. Оглушительный грохот вдарил по ушам, заставил сжаться в комок. Атли раскрыл глаза и приподнялся, очумело озираясь. Прямо перед ним с руганью зашевелилась железная куча, которая вмиг собралась в Рагнара! Чуть поодаль, нелепо дёргаясь, вставал околдованный воин.

Сын Эймунда кинул взгляд на свой щит, валявшийся в стороне, и левой вытянул из ножен второй клинок. Кукла сгорбилась и пошла на него, занося меч для удара. Красные зрачки недобро светились во тьме.

Атли, закусив губу, смотрел, как сыплют искрами над высоким шлемом Прыг и Скок. Багровая пуповина нехотя поддавалась. «Быстрее, ребята, быстрее!» — умолял мальчик.

— Vinur! — повторил Хиттер, подняв раскрытые ладони.

Крепыш-щитоносец зарычал и со всех ног рванул к Гийому. Светловолосый копейщик шмыгнул носом и покосился на тварь.

Та, подозрительно стрекоча, переводила глаз с мальчишки на арангийца. «Ночь и Смерть», — только и подумал Фрай, когда парень с кличем помчался на серое облако.

Из которого вырвался тонкий рубиновый луч. Клич перешёл в вопль, затем в вой. Светловолосый забился на земле, словно рыба на сковородке. А глаз чудовища вновь наливался ярким рубиновым светом...

Хиттер услышал свой крик, и в следующее мгновение его руки проникли под дымные клубы. Он ожидал палящего жара, но монстр был стыл, как зима Велласкона, и скользок, как жаба. Фрай сжимал его в объятиях — крепко, как мог, но мышцы коченели и не слушались. Кровь превратилась в вязкий кисель, и сердце замедлилось, утихая. Багровое сияние ослепило. «Здравствуй, Смерть!» — пронеслось в голове.

Но что это? Мягкий опаловый свет — тёплый, родной, знакомый. Великий Сол забрал его к себе? Хиттер проморгался и увидел совсем рядом полупрозрачный силуэт Дитера. Тот обнял младшего брата, закрыл собой. И смертельный холод отступил, и багровая вспышка разбилась о молочный контур, как волна о скалу.

Хиттер снова почувствовал руки и сжал чудовище с удвоенной силой. Будь оно человеком — уже трещали бы кости. Но упругий комок студня не поддавался. Красный свет померк, дымная завеса поредела. Дырявое лицо коротышки начало оживать. Под бледными плёнками задвигались выпученные глаза. Слюнявый рот раскрылся и произнёс со злобным шипением:

— Ты сдохнешь!

— После тебя, Ночная Тварь, — оскалился Фрай. — После тебя!

Новый враг оказался умелым и ловким. Да и сражаться против двух мечей Гийому раньше не приходилось. Один клинок парировал его атаки, второй подло целил в ногу или в

пах. Плевать! Гийом убьёт всех, на кого укажет Глен...

Монотонное жужжание у затылка оборвалось, и рыцарю будто вмазали по голове окованной дубинкой. В глазах заплясали алые искры, а когда исчезли — он едва успел подставить щит. Первый удар пришёлся по нему, второй — в правое плечо. Хорошо, кольчуга выдержала... Что происходит?..

Его атаковал коренастый парень в вагрском шлеме с полумаской. Ярость в глазах, два меча, ночной лес...

— *Stoðva, Rágnar!*

Крикнул второй парнишка, худошавый и темноволосый. Тот, что в шлеме, нехотя остановился, но мечей не опустил. Язык вагров? А там что за возня?

Рыцарь выглянул из-за щита и чуть не уронил на него челюсть. Посреди поляны арангийский наёмник боролся с демоном из его, Гийома, кошмаров.

Глен, полыхая огромным, во весь лоб, глазом, силился выбраться из медвежьих объятий Хиттера Фрая. Плевался, шипел и щёлкал зубами, но арангиец держал крепко. Плоский шлем отсвечивал красным, напряжённое лицо блестело от пота.

И Ги вспомнил, как очутился здесь. Вспомнил пощёчину сестре и разбитые кулаки. Багровую тропу и мёртвого Лотара на простыне из листьев... Серую тварь, что высасывала его, как паук муху, а потом натравила на мальчика, который хотел помочь... Вспомнил разговор по дороге из Вайдбрига и свой вопрос: «Можно ли тебе доверять, Хиттер Фрай?..»

А Хиттер Фрай, язычник и братоубийца, не задавал вопросов. Он просто был верен своему господину и сейчас сражался за то, чтобы вырвать его из лап феморо по имени Ф'рриан Кукольник...

«Откуда я знаю его имя?.. Откуда я знаю про...»

По лбу Гийома ручьём заструился холодный пот.

«Святые Праведники! Я должен помочь ему!» Он бросил щит и двинулся вперёд как замороженный.

— *Stoðva, Ragnar!* — повторил худой парнишка.

Крепыш с двумя мечами недовольно фыркнул и отошёл в сторону, пропуская рыцаря.

«Держись! Ради Создателя, держись! Я сейчас!» — думал тот, переставляя деревянные ноги. Слово мешок камней свалился на плечи, пригнул к земле...

— *Спаси его!*

— *Спаси Глена!*

— *Быстрее!*

Демоны. Тут как тут. Все трое. То исчезают, то появляются. Дрожат в сумраке. Лица, искажённые ужасом, сменяются звериными мордами. И обратно.

— *Глен нужен тебе!* — твякает Лис. — *Без него не одолеть де Волора! Ты сгинешь!*

— Глен, Бык... разницы нет. Хоть одного, да убью...

— *Что будет с Анабелью, когда Хэмптун падёт?* — квакает Жаба. — *Подумай, глупец!*

— Мы защитим её. Я и Фрай.

— *Ты дал клятву!* — отчаянно визжит Свинья. — *Если отступишься, будешь проклят навек!*

— Я и так проклят, — шепчет Гийом, подбираясь ближе.

Встречается взглядом с Хиттером. Арангиец кивает. И, натужно рыча, разворачивает Глена-Ф'рриана спиной к де Леру.

Совсем чуть-чуть, ещё шажочек... Выставить меч, надавить...

— *Рыцарь не бьёт в спину!*

«Роллан де Го учил меня по-другому», — смеётся Гийом, уперев острие меж лопаток врага.

И Хиттер Фрай насаживает его на клинок, как курёнка на вертел.

Атли с воодушевлением наблюдал, как идёт на феморо освобождённый воин. «Молодцы! Какие вы у меня молодцы, ребята!» Прыг и Скок, кружившие рядом с Рагнаром, довольно засверкали.

Кузен сбросил шлем, воткнул в землю мечи и, тяжело отдуваясь, опустился на четвереньки. Кто бы мог подумать: двужильный Рагнар Эймундсон выдохся! Атли с чувством потрепал его по вспотевшему загривку и получил в награду свирепый взгляд.

В углу зрения мигнула полоска и поползла вверх, из кроваво-красной став опять бронзовой.

— *Что ты наделал, Атли! Я же велел тебе убить куклу!* — гроыхнул в голове голос Рольфа.

«Я освободил его! — гордо ответил Подкидыш. — Он сам расправится с феморо. Он заслужил!»

— *Не расправится! Железо — дар феморо. Оно безвредно для них! Твой бой не окончен!*

«Так что нужно сделать-то?»

— *Найди дерево! Любое: ветку, корень, сук... неважно!*

Мальчик лихорадочно зашарил взглядом по сторонам. Доспех услужливо подсветил серебром ухватистый сук...

— *Morr!* — прорычал арангиец, толкая врага на меч.

Острие неожиданно легко прошило тварь насквозь и воткнулось Хиттеру в грудь. Он отшатнулся, ослабив хватку. Де Лер в замешательстве потащил клинок на себя. А тварь того и ждала.

Ловко, как куница на сосну, она вскарабкалась на арангийца и вгрызлась ему в горло. «Ночные!» Хиттер вслепую заколотил её по спине, ухватил за плечи, но дрянь прицепилась намертво, будто пиявка. Брызнула кровь. Фрай поймал отчаянный взгляд Гийома и принял единственно верное решение.

Оттолкнулся ногами и рухнул вперёд. Грохнул чудище оземь да сам припечатался сверху, вмял его в сырую подстилку и хрусткие ветки. Прижал собой, не давая подняться.

Острые зубы отпустили горло. Тварь ворочалась под Фраем, будто гигантский полоз. Но кровь уходила, и Ночь со Смертью всё громче звали арангийца к себе...

«Нельзя! Держать... до последнего... как тогда, на Черте...»

...

Луна серебрит наконечники копий, лезвия топоров. Вендэлы, укрываясь щитами, бегут к засеке. Они не боятся смерти, их гонит вперёд другой страх. За жён, матерей и детей, что стали заложниками хассов.

Сами хассы гарцуют поодаль, наблюдают, посмеиваясь. Ничего, ублюдки, и до вас доберёмся!

— *Стреляй!* — командует Хиттер.

Засека оживает. Тридцать арбалетов бьют как один. Щит от болта вблизи не спасёт, а доспехов венделы не носят. Катятся в ковыль мёртвые тела — живые лезут на гребень вала,

как настырные муравьи.

Много их, слишком много. Сотни две разъезд насчитал. А у Фрая — пятьдесят ополченцев из Полосы́. Лихих да к бою привычных — иные в Степь не суются. Но выстоят ли?

...

Монстр почуял слабинку и удвоил усилия. Начал толкаться ногами, выбираясь. Фрай же и пошевелиться не мог. Тьма накатила волной...

...

Венделы с яростным кличем бросаются на алебарды, карабкаются по телам, сигают с вала за спины ополченцам. Всюду кипит сеча...

Но ты держись, хатеман, не робей — помощь близко! Соколом летит побратим Босторгай. Вот заалет рассвет, и наполнит степь стук копыт. Запоют боевые рожки — сладко, протяжно. И помчат на врага светловолосые всадники-карнаки...

А пока — держись! Во имя Пресветлого Сола. Во имя всех Фраев. Во имя своих бойцов Им не выстоять без тебя!

— *Ты неплохой человек, арангиец,* — ухмыляется Лотар, раскроив башку чубатому венделу. — *Поэтому дам совет: уходи.*

— *Забирай лошадей и уходи,* — понукает Слепой, отмахиваясь ножом.

— *Хатеман Фрай, вы уходите?* — с надеждой вопрошает Альфред.

Хатеман Фрай не отвечает. Он смотрит назад, в туманную дымку.

Туда, где высится замок. И стоит на стене девушка.

В платье — алом, как сам рассвет.

«Увидимся!»

...

Тьму разогнал багрянец.

«Ужели дождался?..» — подумал Хиттер, возвращаясь в себя.

Нет! То полыхнул у лица вражеский глаз. Уродливая голова целиком вылезла из-под плеча Фрая. Тонкие губы прошептали на ухо:

— Когда же ты сдохнешь?!

Крепкий осиновый сук вошёл точно в центр жуткого ока. Тварь под Хиттером задёргалась, оглушительно вереща. Стрельнули в небо серебристые искры, и багрянец угас.

«После тебя», — улыбнулся Фрай и соскользнул во мрак.

Узел двенадцатый

— *Вот теперь всё,* — оценил Рольф. — *Ты победил его, Атли!*

«Я был не один, — возразил мальчик, оглядываясь. — Мы победили».

Прыг и Скок, тревожно мигая, зависли над телом здоровяка. Высокий воин отчаянно пытался зажать рану на его горле. Но кровь всё равно текла. Приковывлял угрюмый Рагнар. Объявился и Гуннар. Встал рядом, морщась от боли. Над правой бровью красовался припухший овальный рубец.

— Гудмунд сказал, шрам тебе мужественности добавит, — старший кузен устало почесал щёку. — Цверги там! Девка девкой...

Гуннар беззлобно цыкнул на него сквозь зубы.

Воин в высоком шлеме повернулся к Подкидышу и сбивчиво заговорил. По худому лицу текли слёзы, но в запавших глазах тлел огонёк надежды.

— Думаю, он просит исцелить его друга, — подал голос Гуннар. — И я его поддержу. Если б не этот дядька, серая гнида меня бы добила!

— Добрый воин. Раза три меня мог в Гъялдсхейм услать, — со вздохом признался Рагнар, — да не стал...

Огоньки скорбно задрожали. Тоже, что ли, просят? Все смотрели на Атли, но что он мог?..

— *Есть один способ,* — прозвучало в голове.

— *Коснись раны и скажи ви прижигать.*

Атли опустил на колени, протянул руку. Кончики пальцев окутало нежное жемчужное сияние. Мальчик, затаив дыхание, тронул разорванное горло здоровяка.

— *Прощай, братишка. Будь сильным!*

Жемчужный свет плавно перетёк в рану и распределился по ней. Знакомая бронзовая полоска резко пошла вниз.

— Что?.. Нет! — воскликнул Атли. — Рольф!..

Никто не ответил ему, лишь полоска мигнула и пропала окончательно. Со слезами на глазах мальчик велел огонькам прижечь рану, и они прошли по ней своими жаркими искрами. Сияние исчезло — на горле остался шрам, немного похожий на молнию.

— Вроде дышит! — сообщил Гуннар, склонившись к лицу здоровяка.

Рагнар улыбнулся и хлопнул Подкидыша по плечу. Тот вздрогнул. Но не от удара. Чей-то жадный взгляд прицепился к спине как репей.

Атли обернулся. На поляну, крадучись, выходили Хьёрлёв Быстрый и его ульфхеднары.

Они смотрелись тварями из Эфера. Накидки из серых шкур, капюшоны с зубастыми волчьими мордами. Грубые лица, вымазанные кровью. Глаза, хищно горящие в темноте...

Рука Гийома потянулась к перевязи. Крепыш с косою чёлкой толкнул его в бок и требовательно протянул ладонь. Ги безропотно позволил забрать меч. «Теперь у него их три...» — мелькнула в голове дурацкая мысль.

Парень со шрамом вышел навстречу людям-волкам и заговорил без всякого страха. Высокий вагр с секирой отпихнул его в сторону и очутился рядом с Гийомом. Тот заморгал: тьма размывала движения незнакомца — он словно раздваивался. Бросал вперёд отражение, а потом перетекал в него. Худой, как скелет, и сутулый, как сип.

Вагр смерил рыцаря безумными чёрными глазами, дёрнул крючковатым носом и сместился к останкам феморо. Встал возле них на карачки, бормоча и вынюхивая.

Гийом перевёл недоумённый взгляд на Рагнара — так вроде звали парня с мечами? Рагнар скорчил гримасу и красноречиво похлопал себя по голове. Воины-волки окружили поляну и замерли в зловещем молчании.

Наконец их вожак встал и обратился к темноволосому мальчику. Голос был неприятный, будто ворона каркала, но в тоне звучало восхищение. Мальчик сдержанно покивал и сказал что-то в ответ. Ги разобрал «Гудмунд». Похоже на имя...

Худой ощерился и крикнул своим людям. Те зашевелились и один за другим исчезли в тени деревьев. Светловолосый парень со шрамом поманил Гийома за собой — мол, идём. Рыцарь встревоженно оглянулся на Хиттера. Рагнар, заметив, указал на арангийца, затем стукнул себя в грудь. «Присмотрит», — понял Ги и поплёлся за светловолосым.

Идти оказалось нелегко. Гийома шатало от усталости, в глазах клубилась алая мгла, а в ушах монотонно бубнил голос Глена. Де Лер даже выхватывал отдельные слова: «Бык», «Хэмптун», «Ключ», «кукла», «вагры»... Вагры? Выходит, их руками коротышка собирался расправиться с де Волором? Тогда почему они сцепились друг с другом?

Ги поёжился, вспомнив зелёный свет и жгучую боль. И мысли феморо в своей голове. Встреча со «сверкающим убийцей» точно стала для него неожиданностью. Возможно, мальчик с тёмными волосами знает больше...

Они вышли из леса на прогалину, и Гийом остолбенел. Та самая дубрава — и дуб, древний кряжистый дуб, под которым он обещал Глену-Ф'рриану то, чего не ждал обрести дома... Но этой ночью вместо роскошного пира здесь шумел военный лагерь.

Вагры деловито ставили палатки, тащили хворост для костров, перевязывали раненых. Многие с завистью глазели на шлем и кольчугу де Лера. Понятно: сами в варёной коже да в стёганных куртках, которые и гамбезонами-то назвать стыдно. Дикари...

Гийома подвели почти к самому дубу. Несколько человек негромко обсуждали что-то у мёртвого тела. Речь держал статный русоволосый вагр со шрамом на щеке. Грузный воин в добротной кольчуге внимал собеседнику и мрачно почёсывал раздвоенную рыжую бороду. Русоволосый повысил голос и в очередной раз указал на труп.

Ги пригляделся и чуть не ахнул. Рядом с головой мертвеца, рассечённой боевым топором, валялось кое-что очень знакомое. Засаленный меховой колпак.

«Вулфрик! Немой мерзавец... Надо признать, таким ты мне нравишься больше!»

Де Лер вспомнил его заросшее лицо, красный нос, водянистые глаза... И снова в сознании зазвучал голос Глена:

— *Проведи их... Нортамр... лес... встреча... дорога... битва...*

Рыцарь нахмурился. Значит, это Вулфрик привёл вагров сюда. А Глен собирался показать им дорогу в тыл де Волорова войска — зачем ещё тащиться из Нортамра лесами? Однако браконьер с коротышкой погибли, и военачальники северян теперь в затруднении...

«Интересно, что за дорога?»

Не успел он подумать, как под ногами расцвели, тускло светясь, багровые огни. Колдовская тропа уводила в лес.

В башке де Лера возгорелась безумная мысль. «Не более безумная, чем всё, что уже произошло!..»

— Эй! — Вожди обернулись к нему. — Вам нужен проводник?

Рыжебородый впери в Гийома сощуренный взгляд. Невысокий вагр со светлыми

кудрями и смешливым лицом спросил на ломаном вэльском:

— Ты знать дорога?

Гийом кивнул.

— Я вас проведу. Но у меня есть цена.

Эйрик Свиное Рыло возвышался над невозмутимым Гудмундом и что-то выговаривал ему, сипя и плюясь. Рядом переминался конунг Эда — невзрачный человек с желтоватым лицом и обширной плешью. Он, близоруко шурясь, взирал на подготовку к казни.

Шестеро стражей как раз привели гиганта, раздетого до подштанников. Атли охнул: могучее тело бугрилось мышцами, в широко расставленных глазах бурлила надменная злоба, а властный взгляд пригибал к земле. Вот он остановился на воине в чёрной накидке и высоком, начищенном до блеска шлеме...

— C'est toi, — потрясённо вымолвил гигант. — Guillaume... Guillaume de Laire...

Тот не проронил ни слова, но пленник побелел как мука́ и задёргался в путах. Стражи навалились и с трудом повергли его на колени. Сигольд Полуротый топором подрубил сухожилия на ногах. Несчастный взревел от боли.

Но это было лишь начало. Гиганта растянули на земле спиной вверх, привязав конечности к крепким кольям. Колья надёжно забили молотами. Сигольд достал кривой нож, потрогал лезвие пальцем...

Атли едва не поперхнулся. «Красная птица!» Вот какую цену запросил вэльский воин... Посмотреть на вырезанные из спины рёбра врага, загнутые на манер птичьих крыльев!..

Полуротый не зря слыл мастером в заплочных делах. Ребро обнажалось за ребром, пленник визжал свиньёй, и колья лезли из земли — их то и дело забивали обратно. Гуннар с Подкидышем убежали блевать почти сразу. Рагнар, скрипя зубами, досмотрел до конца. Эйрик убрёл восвояси, сотрясая воздух ругательствами. Конунг Эда, зажмурился глазами, истово молился трёхголовому богу вэлов и гулов.

На помертвевшем лице Гийома де Лера не дрогнул ни один мускул.

День после победы прошёл в хлопотах. Островитяне и их союзники лечили раненых, хоронили мёртвых, свозили в кучи трофеи, среди которых оказалась полевая казна вэльского войска. За пленными тоже был нужен глаз да глаз. Неудивительно, что вечером Атли с братьями заснули как убитые.

Утром их растолкал Бьярне и проводил на окраину лагеря, где Гийом со знанием дела проверял седло и подпругу. Ладный вороной конь мазнул по мальчишкам равнодушным взглядом. Вскоре подошёл Гудмунд — опухший и мрачный, с заспанными глазами и нечёсаной бородой.

Гийом посмотрел на Подкидыша и заговорил, прижав к сердцу правую руку.

— Он никогда не забудет, что ты сделал для него, Атли.

Бьярне замолк, и вэлец повторил имя своего спасителя, забавно выделив последний слог. Мальчик смущённо потупился, затем и вовсе отвернулся, чтоб не разреветься.

Гийом по очереди обнялся с Рагнаром, Гуннаром и Медогласом. Низко поклонился Гудмунду, вскочил в седло и растворился среди полей, над которыми неслась звонкая трель жаворонка.

Херсир молча смотрел куда-то за горизонт. Атли узнал этот взгляд и встал рядом, как тогда — на «Морском Псе».

— Всё в порядке? Я видел, стрэнд-ярл с конунгом не восторге от казни.

— Они рассчитывали получить за него выкуп. Огромный выкуп, — молвил Гудмунд, сощурившись. — Но я дал слово.

— И сдержал его. Это честно. И благородно.

— Дело не только в чести, — херсир качнул головой и замялся, подбирая слова. — Этот вэлец... он будто вернулся из Царства Селт... Встать на его пути — всё равно, что спорить с норнами...

Атли сглотнул. Да, он разорвал гнусную пуповину, что связывала феморо с куклой. Но даже представить не мог, что пришлось вынести бедняге Гийому. Оставалось молить богов, чтобы они облегчили его страдания...

— А ещё я виноват пред тобою, сынок.

Подкидыш недоумённо воззрился на Гудмунда.

— Я сомневался в тебе и не хотел брать в поход... — со вздохом объяснил он. — Прости меня. Я горжусь тобой, Атли.

Атли широко, до ушей, улыбнулся и крепко сжал руку названного отца.

Остаток дня рутсинги провели разбирая трофеи и припасы, а вечером откупорили винные и пивные бочки, захваченные у неприятеля, и закатили оголтелый пир. Тут и там горели костры, звучали громкие песни и пьяный смех.

Гуннар, чей желудок не подружился с кислым вином, жалобно стонал в кустах. Атли и Рагнар валялись на земле, схватившись за животы. Но совсем по другой причине. Подвыпивший Бьярне изобразил им в лицах задорную сагу про то, как Грима Рукастый гонял Хельги Лысого по всему Фиордланду.

Пережив очередной приступ дикого хохота, Подкидыш утёр слёзы и пошёл до ветру. Кусты были заняты Гуннаром, поэтому он углубился в поле, где и сделал дело, широко расставив ноги и пьяно покачиваясь. Но стоило поднять голову, как хмель из неё выветрился.

На той стороне поля мерцало сияние. Разноцветные огни вспыхивали и угасали. То взлетали в тёмное небо, то кружили у самых верхушек покатых холмов. Атли моргнул и вдруг обнаружил себя у их подножия.

— Здравствуй, сын.

Этельстен сзеленоватыми ви над плечами сошёл с прямоугольного камня. Такой же безупречный и печально-прекрасный, как в последнюю встречу.

— Жалкая часть мгновения в вечности. Можно считать, что мы и не расставались.

— Прекрати копать во мне! — огрызнулся Атли.

— Я могу это делать, потому что знаю твоё имя, Этельстен, — улыбнулся альв без тени злорадства. — Твои желания и запреты ничего не изменят.

— Убирайся в свою Страну...

— В этот раз мы уйдём вместе, — глаза отца едва заметно сузились. — У тебя есть то, что принадлежит нам.

— Доспех? Забери его и оставь меня в покое!

— Это невозможно, — покачал головой альв. — Доспех нельзя отделить от владельца. Хочешь или нет, но теперь ты Страж Границы и должен пройти полный цикл обучения.

— А если откажусь? Что тогда?

— Тогда ты станешь опасен для тех, кто находится рядом. Матери, братьев, приёмного отца...

— Только посмей прикоснуться к ним!..

— Я не собирался, Этельстен. Их убьёт сила Доспеха, ведь ты не сможешь с ней совладать. Это оружие, а не игрушка. Как он попал к тебе?

Атли неохотно рассказал о гибели Рольфа и битве с феморо. Отец нахмурился.

— Нам нужно уходить, и немедленно. Я должен изучить память Доспеха.

— И это всё, что тебя интересует?! — вскричал Подкидыш. — Твой сын умер!

— Он сказал тебе? — Этельстен склонил голову набок.

— Он назвал меня братишкой, — всхлипнул мальчик, — сложно не догадаться...

Альв пошевелил губами и торжественно произнёс в зелёном свечении ви:

— Троздис Волосатое Лицо был Стражем Границы и погиб, сражаясь с феморо. Он передал тебе свой Доспех. Теперь это твой долг, Этельстен!

— Кто такие феморо?

— Порождения Бездны и наши извечные враги.

— Они едят людей?

— Не самих людей, но их чувства. Чем сильнее они и пагубнее, тем лучше питают феморо.

«Вот для чего им куклы...» — стиснул зубы Подкидыш.

— Верно. Страдания куклы делают феморо почти всемогущими. Мы разорвали связь, изгнав их в Страну Холмов и оградив Барьером. Но теперь они снова здесь...

Атли замер в тревожном раздумье. Он представил всех, кого знал и любил, спутанными призрачной лентой, что питала гигантский, на полнеба, глаз. Заметив Подкидыша, он ожил и задёргался, вспыхнул багровым пламенем. Смерть, от которой не скрыться, хлынула с небес и затопила Долину, Фиордланд, Велласкон, Гулленгрё...

Он пришёл в себя от боли в руке, что сжимала амулет Гара.

«Я должен это остановить». Атли дёрнул шнурок. В глазах помутнело от слёз.

Древний символ на ладони. Кровь и железо. Имя и память...

— Спасибо, братишка. Я буду сильным!

Молот Гара, вращаясь, полетел в сырую траву.

Гийом передал скакуна ошарашенному Альфреду и двинулся к донжону, едва переставляя ноги. Голова кружилась, алая мгла то густела, то отступала... И шомр с ней! Он приехал домой — в Хэмптун, в свой Хэмптун!

— Ги! Создатель Милосердный! Ги, это ты? — сестра сбежала к нему по лестнице. Синее платье в синих сумерках...

Гийом обнял её и долго гладил по голове, успокаивая. Потом спросил:

— Как он?

Анабель сжала губы. В глазах мелькнуло отчаяние.

— Душа блуждает. Я молюсь за него, но...

Она заплакала, утирая слёзы кулачком. Гийом со вздохом стащил шлем вместе с подшлемником.

— Братик... — сестра потрясённо уставилась на его волосы. — Ты совсем седой. Господи, Ги...

Шлем со стуком упал на утопанный грунт. Вокруг горла сжалось невидимое кольцо. Стало трудно дышать.

— Я... мне нужно прилечь...

Анабель кликнула стражника, который проводил господина до покоев. Помог снять сюрко, кольчугу, гамбезон. Горничная принесла кувшин воды и исчезла за дверью. Смежив усталые веки, Де Лер скорчился на кровати.

Алое марево рассеялось. Можно будет поспать... Но чей это голосок — тихий, тонкий? Молитва — кто-то читает молитву. О нём, о Гийоме де Лере!..

Рыцарь поднялся с ложа и забыл дышать. Белокурый мальчик-паж стоял на коленях в углу и шептал в сжатые ладони. Васильковые очи влажно блестели.

— Ты? — выдохнул Гийом. — Ты здесь?

Шатаясь, добрёл до мальчика, коснулся плеча... Пальцы провалились в пустоту.

...

В шатре хохотали и гремели утварью вагры. А он лежал у входа, свернувшись калачиком будто котёнок.

В груди зияла красная рана. Глаза-васильки застыли под матовой плёнкой. Ги взял его на руки и заковылял прочь, покачивая как дитя и приговаривая:

— Братец Пёс, братец Пёс... унёс меня Хорёк, ведь ты не устерёг...

...

Де Лер прижался к стене и обессиленно сполз вниз. Услышал тихое ржание, встрепенулся...

Коник... Его деревянный коник нашёлся! Ги, не веря, впился в игрушку взглядом.

— Лотар, ты же сделаешь к нему рыцаря? — спросил он капризно и подавился слезами. — Лотар! Ты обещал!..

Коник рассыпался пылью.

Из стены напротив выскользнул лысый Ищейка. Без бровей и ресниц, половина лица изрисована синими символами.

— *Грешен! Грешен!* — пролаял адепт Ордена Судьи.

Гийом возрился на него, раскрыв рот, сложил пальцы в знамение и бухнулся на колени.

— Создатель! — проговорил он глухо. — Господь мой! Всё время являл ты мне знак, но я был слеп во грехе...

Подполз к поясу, валявшемуся на полу, нащупал роговую рукоятку ножа.

«Гордыня есть тьма. Но никогда не поздно прозреть!»

Острое лезвие принялось кромсать серебристые пряди.

Хиттер Фрай плыл по бесконечному коридору. Тёмному, узкому. Но страха не было. Мыслей не было. Ничего не было. Лишь коридор и он сам.

Впереди обозначилась фигура. Человек. Крепкий старик с вислыми усами.

«Лотар! — узнал арангиец. — Говорил же, увидимся!»

Лотар посмотрел ему за спину и покачал головой. Стены коридора залило жемчужным светом. Сильные руки вцепились в плечи Хиттера и поволокли назад...

Он глубоко вздохнул и чуть не выругался. На рёбра давила тяжесть. Страшно хотелось пить. И есть. «Да я бы сейчас кабана целиком сожрал!» Фрай с огромным трудом разлепил глаза и замер, боясь шелохнуться...

Голова Анабели покоилась у него на груди. Девушка спала, приоткрыв губы. Веки с пушистыми ресницами подрагивали. Курносый носик тихонько сопел. Волнистая прядка выбилась из сложной причёски и шевелилась от дыхания Хиттера.

«Такая хрупкая. И невинная», — удивился он. В придавленной груди стало тепло. Ещё бы унять ревущего в животе медведя...

Наконец получилось. Однако тут же, как назло, раздалось еле слышное бормотание:

— *Тридцать четыре года от роду... Кровь варангийская, в родословной язы с унгурами порезвились... Шрамы, переломы, растяжения — ничего опасного. Зубы в порядке. Здоровый, на удивление!.. Тело как тело — грузновато, но пойдёт...*

Он напряжённо поводил глазами по сторонам. «Хорошая новость, Фрай: ты в Хэмптуне. Но есть и плохая».

Кроме них с Анабелью, в комнате никого не было.

«Похоже, у меня лихорадка. Надо ещё поспать. Отдохну — и всё закончится...»

— *Нет, смертный, всё только начинается,* — издевательски выдал хриловатый мужской голос.

Он звучал прямо в голове Хиттера.

— *Меня зовут Рольф. Я вытащил тебя с того света, и теперь я здесь главный.*

— Ночь и Смерть!..

Больше книг на сайте - Knigoed.net